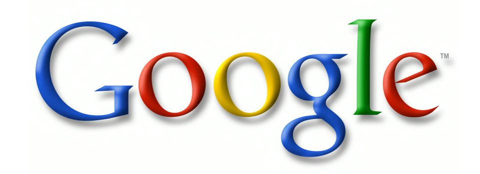
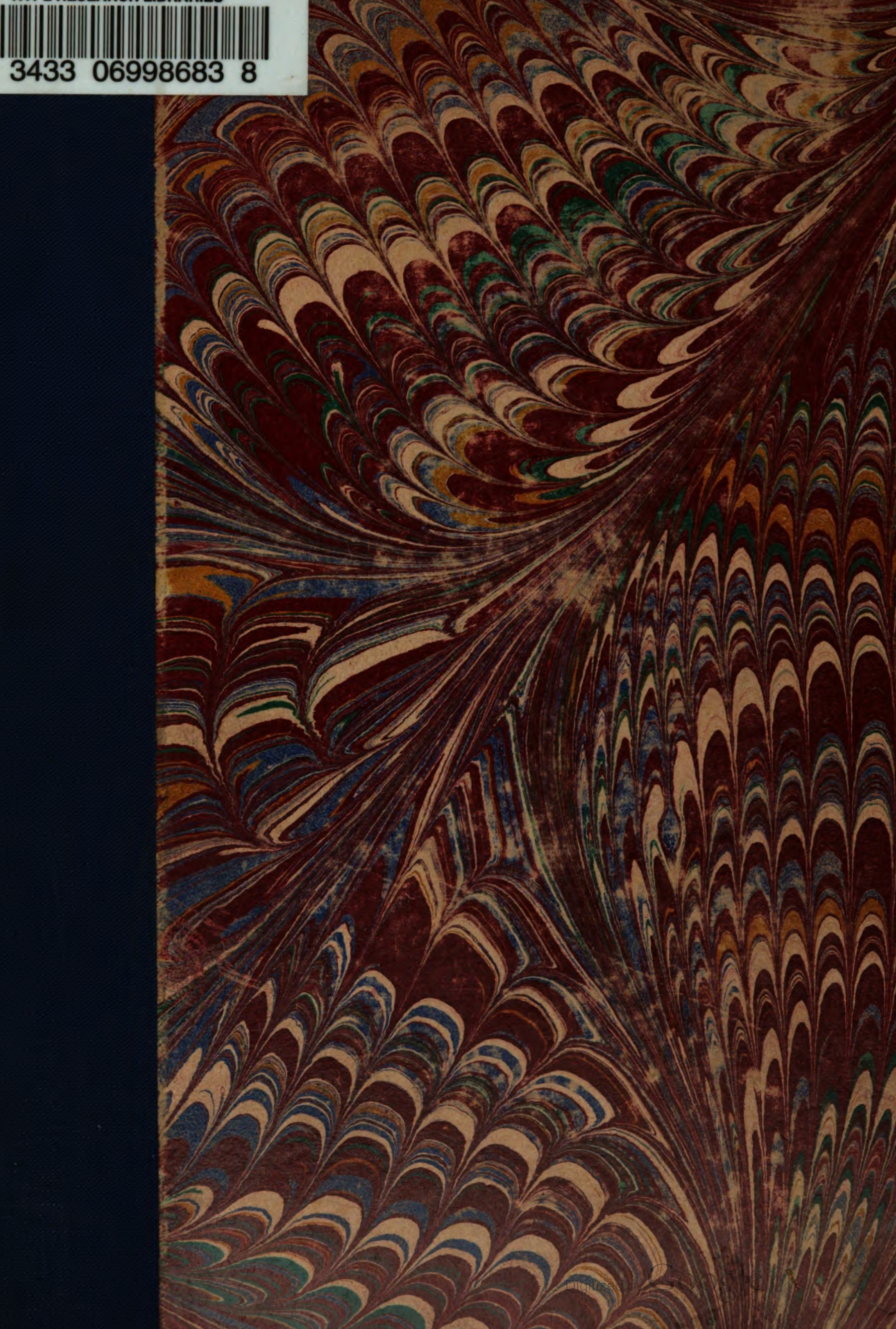
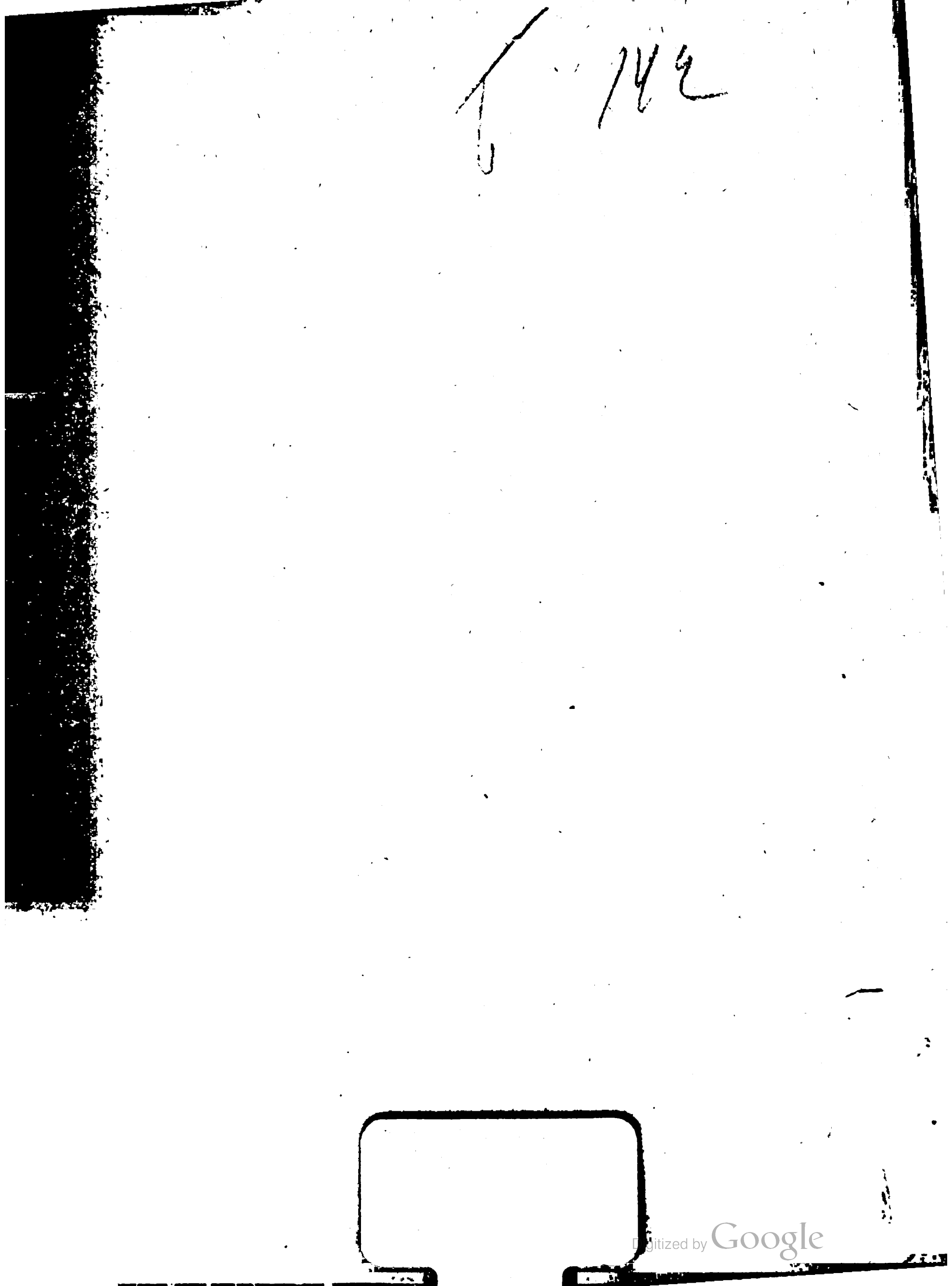

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

АЛЬМАНАХЪ

ВЪ ПОДАРОКЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

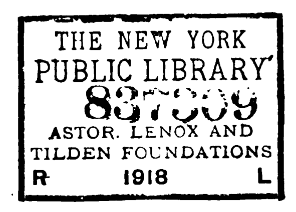
МОСКВИТЯНИНА.

МОСКВА.

Въ Полицейской Типографіи.

1850.

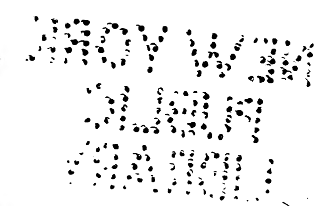

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 31 дня 1849 года.

Цензоръ *В. Лешковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ЗЛАТОЙ И БѢЛА.

ЧЕШСКАЯ СКАЗКА.

Волтава, Волтава! ключемъ закипѣли,
Подъ бурей, твои сребропѣнныя воды!
Разгульные вѣтры гудятъ по ущельямъ;
По небу раскинулась черная туча,
Потоками взмыла, волной покатила
Съ вершинъ горъ зеленыхъ песокъ златоносный.

Ужъ полночь глубокая, черная полночь;
Сидитъ въ Вышеградѣ, въ теремной свѣтлицѣ,
Сидитъ у оконца Княгиня Любица;
Сорвáла покровъ съ головы златотканный,
И сбросила съ плечь золоты одежды,
Сидитъ пригорюнясь, да смотритъ печально

Вдоль шумной Волтавы.

Кого жъ ждетъ Любица?

Не витязь ли смѣлый по берегу скачетъ,
А бѣлыя перья надъ шлемомъ вьютъ клубомъ?
Не другъ ли, любимецъ, плыветъ по Волтавѣ,
Подъ парусомъ бѣлымъ, весломъ пѣнитъ воду?

Да нѣтъ, то не перья, не парусъ лодейный;
То легкое облачко плавно несется,
Ширинкою вьется, струится, змѣится,
Колышется вѣтромъ.

Все ближе и ближе;

А яркій лучь мѣсяца темную тучу
Стрѣлой пронизалъ; и вдругъ, словно какъ
писанъ,
На облачкѣ ангельскій ликъ озарился.
И вотъ оно ближе и ближе къ оконцу;
И словно подъ легкимъ, прозрачнымъ покровомъ,
На немъ лебединая грудь взволновалась,
И будто двѣ ручки простерлись съ любовью
Къ Княгинѣ Любицѣ, обнять ее хочутъ.

— «Дитя мое, Бѣла! скорѣе, скорѣе,
Ко мнѣ, къ материнскому нѣжному сердцу!»
Воскликнула съ радостнымъ чувствомъ Любица.
А вѣтеръ, откуда ни взялся, вдругъ дунулъ,

Отвѣялъ, унесъ облачко. — лишь слезинка
Упала съ него на горячее лоно
Княгини, и будто алмазъ засіяла.

Волтава, Волтава!
Взыграли твои сребропѣнныя воды,
Громовыя тучи простерлись по небу;
Да нѣтъ, то не воды Волтавы взыграли,
Не громы гремятъ;
То звонкія струны звучатъ про былое;
То голосъ серебряный льется струей!
Подай, Боже, память на слово живое!
Вотъ-то было время, да свилося свиткомъ,
Водой утекло, волной уплыло,
Поднялось туманомъ, умчалось по вѣтру!

Ну, слушайте, братья, скажу я вамъ сказку,
Скажу про Златоя; а вотъ-то былъ Княжичь!
Скажу про Княжну вамъ, прекрасную Бѣлу;
А вотъ-то Княжна была, что твое чудо,
И что твое диво!
И жилъ-былъ, давно-ужъ, Залѣсскій Князь Влаславъ,
Князь славный по подвигамъ, Князь знаменитый.
И жилъ онъ во славу и честь всѣмъ владыкамъ:

Съ сосѣдями въ мирѣ, съ своими въ союзѣ,
Съ Княгиней въ ладу и любовномъ совѣтѣ.
И далъ имъ Богъ сына. Хорошъ народился:
Душою отецъ, красотой—мать Княгиня.
Кудесница-баба его повивала,
И въ злато повила, да счастьемъ дарила,
Добра не жалѣла.
А на руки принялъ его вѣщій старецъ,
Изъ знахарей знахарь, премудрый пустынникъ,
И щедрой рукой одарилъ его смысломъ.

Ой-катитъ Волтава волну за волною,
Въ студеное море;
Течетъ день за днемъ, годъ за годомъ въ бездонье,
Въ бездонье, въ безбрежье:
Ростетъ не по днямъ, по часамъ юный Княжичь,
Что годъ то пустынникъ его навѣщаетъ.
— Не сынъ, благодать вамъ, — твердитъ онъ, лаская
И гладя дитя по кудрявой головкѣ.

Ростетъ не по днямъ, по часамъ юный Княжичь.
Вотъ Княжичу третій годокъ уже минулъ,

А онъ какъ безъ ногъ. — Что за чудо такое?
—Не чудо,—спокойно отвѣтствуетъ старецъ,—
Придетъ на все время и часъ, ну, и встанетъ.—

Вотъ, семь лѣтъ настало; а все мало толку:
Сидитъ Княжичь сиднемъ, не двинется съ мѣста.
Горюютъ, печалятся Князь и Княгиня.
— Онъ вѣкъ просидитъ! — говорятъ они старцу.
— Не вѣкъ просидитъ! — отвѣчаетъ пустынникъ.

Вотъ, Княжичу десять ужъ лѣтъ наступило;
Пора молодца ужъ сажать на коня бы;
Да ноги, какъ узелъ,—Охъ, горе! что дѣлать?
—Ну, узелъ, такъ узелъ, пускай будетъ узелъ:
На все придетъ время, придетъ, да развяжетъ.

Настало четырнадцать лѣтъ; а ни съ мѣста.
Сидитъ Княжичь сиднемъ, въ саду на лужайкѣ,
Сидитъ да играетъ, какъ малый ребенокъ.
Вокругъ него старыя мамки, да няньки,
То мѣльницей тѣшатъ, конькомъ забавляютъ,
То строютъ корабликъ, то уточку въ зубы,
То спустятъ жужжалку,—а онъ-то хохочетъ;

Но вотъ пришло время и часъ, пришелъ старецъ.
—Ну, будетъ играть намъ, пора за науку!
Ступайте!—онъ молвилъ и мамкамъ и нянькамъ.
А ты, Княжичь, слушай про міръ Божій повѣсть.
И сѣлъ на индѣйскомъ коврѣ вѣщій старецъ,
И началъ разсказывать чудныя вещи.
И слушалъ его со вниманіемъ Княжичь,
И время въ разсказахъ текло незамѣтно.
— Ну, Княжичь, что, какъ—по душѣ ли наука?
— Ужъ какъ по душѣ; ничего бы не дѣлалъ,
Тебя бы все слушалъ! —
—Э, нѣтъ, сказка сказкой, а дѣло-то дѣломъ.
Да ладно, понятливъ, смышленъ ты, я вижу;
Теперь, другъ, давай-ко учиться мы счету.
Считай-ко: первой, да другой,—до десятковъ,
Потомъ сороковъ, а потомъ до тьмы-тёмъ.
Ну, ладно, ты, вижу, смышленъ, переимчивъ.
Да это не счетъ, а пол-счета; а вотъ счетъ:
И съ словомъ онъ бросилъ горсть жемчугу къ верху.
—Считай-ко зерно по зерну на полетѣ. —

Къ чему не привыкнешь трудомъ да охотой!

—Ну, ладно, я вижу, ты смѣтливъ и зорокъ!
Пойдемъ теперь дальше. Смотри да смѣкай же:
Вотъ взвилась косаточка, кругъ очеркнула.
Смѣкай: сколько взмаховъ крыла въ этомъ кругѣ?
На эту науку потребно два года.—

Идетъ себѣ тихо, невидимо время,
То въ гору, то пòдъ гору; вотъ и два года
Минули. Взоръ Княжича такъ наметался,
Считать на лету, что пустынникъ невольно,
Воскликнулъ: ай, Княжичь, смышленъ ты, я
вижу!
Ну! что-то покажетъ намъ третья задача;
А третья задача всему и удача.
Вотъ видишь, толкачики въ воздухѣ вьются,
Шныряютъ, снуютъ, лебездятъ передъ глазомъ.
Считай-ко, считай, да смѣкай, что̀ ихъ туто-ть.
Смотри не зѣвай, не моргни—обочтешься!—

Задача трудна, да добился, дошелъ онъ:
Въ счету одного комара не пропуститъ.
— Ну, ладно, — промолвилъ пустынникъ, —
довольно
Сидѣть за наукой, вставай-ко, вставай другъ.

Златоя какъ будто бы что встрепенуло,
Всѣ члены его напряглись, развязались;

Вскочилъ онъ и радостно бросился къ старцу,
Потомъ къ отцу—матери, крѣпко ихъ обнялъ.
Заплакали съ радости Князь и Княгиня,
Не мнили, не чаяли счастья такого.
— Теперь,—сказалъ старецъ,—учите-ко сына,
Борьбѣ да ристанью, потомъ поединкамъ;
Да пусть погоняетъ въ охотку за звѣремъ.
Богъ помочь!... Ну, Княжичь, ты смѣтливъ и зоркъ,
Наказанъ всему и всему обученъ ты, —
Примолвилъ пустынникъ питомцу Златою, —
Найдешь свое счастье, голубчикъ, да вотъ что:
Твое счастье, Княжичь-касатикъ, въ залогѣ.
Полюбишь, искупишь—возмешь. Да припомни,
Что сила не въ силѣ живетъ—въ доброй волѣ,
А умъ не въ умѣ, а въ догадкѣ бываетъ.—
Сказалъ вѣщій старецъ, вздохнулъ и простился.

Князь Влаславъ, на радости, выпилъ братину
Шипучаго меду за здравіе сына,
Года молодые, года удалые
Припомнилъ, возсѣлъ на коня, взвился вихремъ,
И самъ изучалъ сына строю и бою,
Покуда набрался онъ силы могучей,
И вышибъ отца изъ сѣдла.—Ну, довольно;

Теперь молодецъ молодцомъ, — сказалъ Властавъ, —
Теперь можешь ѣхать, да воли извѣдать,
Да сердце потѣшить, оружье помѣрять
За дѣвицъ-красавицъ, Княженъ и Царевенъ.

И принялъ Златой отъ родителей память —
Завѣтное слово на путь, и поѣхалъ
На первую пору въ поморскую землю
Хвалу и обѣты воздать вѣкожизнымъ.

Вотъ ѣдетъ горами, долами да лѣсомъ,
За нимъ скачетъ Мавренъ, приспѣшникъ и дядька.
Ему ли пустить безъ себя въ чужь питомца:
— Ужъ гдѣ молодому такъ знать свое дѣло,
Какъ мнѣ старику, — молвилъ онъ, прïосамясь, —
И кто кромѣ Маврена правдой послужитъ,
Кто сказкой потѣшитъ, поможетъ совѣтомъ?

Вотъ, солнце склонилось за темные боры;
Гробовыя тѣни тянулись-тянулись
И слились въ пучину, и все, что глазъ видѣлъ,
Какъ будто утопло.
Верхи горъ померкли; одна лишь въ потемкахъ,
Какъ будто свѣтецъ, загорѣлась за лѣсомъ.
— Смотри, Мавренъ, что̀ это?

— Эге, то Соботка-гора, — молвилъ Маврень, —
А мы на нее такъ и премъ какъ слѣпые!
— Такъ что жъ за бѣда?
— А та и бѣда, что сворачивать надо:
Не путь, не дорога въ подземное царство;
Вотъ этой долиной, какъ разъ и въ трущобу.
— Да что-жъ тамъ?
— А кто жъ ее знаетъ, кто вѣдаетъ что̀ тамъ?
Попасть-то туда попадешь, да и сгинешь;
Зашельцы-то есть на тотъ свѣтъ, а не слышно
Про выходцевъ что-то; а страсти какія!
Разсказы идутъ, что тамъ ужасы: волосъ
Становится дыбомъ, когда поразскажутъ.
Къ горѣ той на шабашъ слетаются вѣдьмы;
Слетятся, начнутъ вкругъ огня хороводы;
А къ нимъ на позорище, съ кладбищь, съ погостовъ,
Въ гробахъ мертвецы, словно въ лодкахъ, и ѣдутъ.
А бѣсовы дѣти юлой такъ и шляютъ.
И видѣть все видно, вотъ-такъ все и ходитъ,
А слушай хоть въ оба — шумка не прослышишь....
— Смотри, Маврень, кажется, будто дымокъ тамъ?

—Дымокъ? гдѣ дымокъ? тутъ жилья не бывало:
То стелется вѣрно туманъ надъ трясиной.
Своротимъ.... того и гляди, что завязнешь!...
Эхъ, что это, батюшки.... въ саванѣ! .. чуръ
насъ!...
Охъ, Княжичь, своротимъ!
Но Княжичь, какъ обмеръ, глядитъ съ изум-
леньемъ.
Туманное, бѣлое облачко, тихо
Плыветъ надъ долиной, проносится мимо....
И Княжичу видятся струи сребристой,
Прозрачной одежды, волнуемой вѣтромъ.
И словно туманный покровъ обвиваетъ,
Лилейное, чудное личико дѣвы.
На плечи потоками косы скатились,
Поникнуты очи.
Златой смотритъ, млѣетъ.
Вдругъ тонкій покровъ на груди всколебался,
Взоръ вспыхнулъ, и вскинула дѣва вдругъ ручки,
Какъ будто на встрѣтенье милому другу,
Уста заалѣли, и радостный голосъ,
Казалось, умильно шепнулъ: это ты!
А вѣтеръ откуда ни взялся, вдругъ дунулъ,
Отвѣялъ, увлекъ, отогналъ чудный призракъ.
Напрасно онъ съ юноши взора не сводитъ,

Напрасно къ нему простираетъ онъ ручки.
Не чувствуетъ самъ себя юноша Княжичь,
За нимъ мчится слѣдомъ, во весь опоръ скачетъ,
Какъ будто арканъ на него кто накинулъ.
— Стой, стой Княжичь, стой! — крикнулъ Маврень, — куда ты?
Но Княжичь не слышитъ, несется стрѣлою,
По черной долинѣ за облачнымъ ликомъ,
Конемъ тьму густую какъ напoлы рѣжетъ,
Умчался, исчезъ.
А за нимъ Маврень гонитъ;
Но вдругъ чаща лѣса, и словно забрало
Дорогу плетнемъ—ни пройдти, ни проѣхать.
— Пропалъ и погибъ! — завопилъ бѣдный Маврень, —
Куда угодилъ я теперь? что мнѣ скажутъ?
Чѣмъ Мавреня встрѣтятъ и Князь и Княгиня?
Гдѣ сынъ нашъ? гдѣ Княжичь? Что имъ я отвѣчу?
Нѣтъ! къ свѣтлымъ очамъ ихъ мнѣ нѣтъ ужъ возврата!
Я здѣсь и умру!—
И бросился Маврень съ коня ницъ на землю,
Рыдаетъ, да роетъ руками могилу.

А между тѣмъ Княжичь все скачетъ да скачетъ,
За облачнымъ, радужнымъ призракомъ дѣвы.
И вѣтеръ едва уносить успѣваетъ
Таинственный образъ отъ быстрой погони.

И вотъ изъ–за темнаго, дикаго бора
Огнемъ синеватымъ слегка освѣтило,
И взору открылась гора — точно насыпь
Огромной могилы съ костромъ погребальнымъ;
А призракъ такъ прямо къ горѣ и несется,
Подъ мрачный навѣсъ черныхъ скалъ, гдѣ
пещера,
Какъ пропасть, разинулась страшною пастью.
И вотъ, нагоняетъ, нагналъ, ловитъ руки,
Простертыя съ взоромъ молящимъ спасенья;
Ужъ чувствуетъ пальчики дѣвы, — напрасно!
Вихрь взвилъ ее рѣющимъ, быстрымъ потокомъ,
И хлынулъ съ ней въ бездну.
Златой коня нудитъ,
А конь захрапѣлъ, фыркнулъ, всталъ — и ни
съ мѣста!
Съ сѣдла соскочилъ Княжичь,–прямо къ пещерѣ.
Вдругъ, подлѣ него умоляющій голосъ:
—Господчикъ, родимый мой, батюшко баринъ,
Купи у старушки у бѣдной яичекъ!—

Златой оглянулся и видитъ сѣдую
Старуху съ клюкою въ рукахъ и съ котомкой.
—Купи, дорогой мой!
— Поди ты, старуха!
—Купи, пригодятся, повѣрь праву-слову:
Безъ корму туда не ходи, ненаглядный:
Тамъ стража голодная, даромъ не пуститъ;
Купи, не раскаешься, батюшко баринъ! —

Златой изумился старушечей рѣчи.
—Что жъ дать тебѣ, баба, за кузовъ янчекъ?
—Что дать? не большова: простыя яички;
А вотъ, ка-бы было такое мнѣ счастье,
Да былъ пѣтушокъ золотой гребешокъ-бы,
Насѣдка моя бы несла золотыя.
Добудь-ко его, поклонюсь тебѣ въ ноги.
—Э, бабушка! мнѣ до возни съ пѣтушками!
—И батюшко, что тебѣ стóитъ, сударикъ!
Кажись, ты путь держишь въ подземное царство;
А тамъ ихъ руками бери сколько хочешь;
Да взять не забудь лишь, припомни старушку!
—Въ подземное царство? — спросилъ живо
Княжичь: —
Послушай-ко, бабушка, ты не видала ль
Здѣсь красную-дѣвицу, будто на крыльяхъ,

Сейчасъ промелькнула?

— Что здѣсь пробѣжала?

Княжна-то, сиротка?

— Куда она скрылась?

—Княжна-то? да чай, что домой, мой родимый!
По праздникамъ въ полночь сердечная ходитъ,
Чай къ матери родной своей на могилку.
Грустна и печальна, повысохли слезки;
А что-ужъ печаль безъ слезы,—наказанье!—
—О, вѣрно она!—грустно Княжичь промолвилъ,
Съ душою стѣсненной, вздохнувъ, — ну, про-
щай же,
Старушка; молись за меня!

— Буду, буду;

Кому-жъ и молиться за васъ, какъ не намъ же.
— Ну, съ Богомъ!—И Княжичь спустился въ
пещеру,
Съ обрывовъ, по камнямъ. Кромѣшная темнѣдь!
Но вотъ въ отдаленьи подземнаго хода,
Блудящіе вдругъ огоньки заблистали;
Идетъ на нихъ Княжичь. Вдругъ словно двѣ
свѣчки,
Предъ нимъ загорѣлись, и пыхнуло что-то.
Онъ смотритъ и видитъ, какъ будто жерлище,
Разинута пасть преогромнаго змѣя.

Вотъ, Княжичь за мечь; махъ мечемъ—увернулся,
Въ другой,—увернулся; а пасть такъ и пышетъ.
И вспомнилъ Златой наставленье старухи,
И бросилъ въ пасть змѣю яичко, другое....
Онъ хвать, проглотилъ и свернулся какъ мертвый.
Но только что Княжичь чудовище минулъ,
Другой змѣй горой на дыбы приподнялся;
Изъ пасти зіяетъ, какъ молнія, жало.
— Проклятый! глотай! — крикнулъ Княжичь съ досадой,
И бросилъ въ гортань яицо и другое,
Змѣй чавкнулъ; но третье глотнулъ, подавился,
Свернулся въ клубокъ, перекинулся, замеръ.

И долго шелъ Княжичь Златой въ глубь пещеры;
Лишь бурколы змѣй, какъ горячіе угли,
Во тьмѣ указаньемъ дороги служили.
И вотъ весь запасъ свой онъ выкормилъ змѣямъ,
Остался лишь кузовъ, хотѣлъ его бросить,
Вдругъ снова шипитъ, не простой - ужъ, крылатый,
Огромная пасть распахнулась какъ пекло.

Чѣмъ глотку заткнуть? Княжичь бухъ ему
кузовъ.
Глотнулъ, затрещалъ перепонками крыльевъ,
Взлетѣлъ, зарычалъ, да и грохнулся ó-земь.

Вдали просвѣтлѣло чуть-чуть. Вотъ и выходъ.
Открылася даль, какъ замерзлое море,
Кругомъ тусклый свѣтъ, словно отблескъ
свинцовый,
Затишье такое, что страхъ; Княжичь вздрог-
нулъ,
Его будто обдало холодомъ зимнимъ.

Но вотъ, смотритъ, видитъ хрустальныя
стѣны;
За ними палаты сквозятъ, а въ палатахъ,
На ложе склонясь, въ забытьи лежитъ дѣва,
Въ сребристой одеждѣ, разсыпались косы,
Раскинулись ручки.
Златой смотритъ, млѣетъ.
Идетъ торопливо къ хрустальнымъ воротамъ,
Подходитъ, а ровъ, какъ бездонная пропасть,
Всю стѣну обнялъ; у воротъ стоитъ стража,
Въ рукахъ мостовыя подъемныя цѣпи;
Мостъ поднятъ.

— Эй, добрые люди,
И вѣрные стражи! Златой, Князь Залѣсскій,
Пріѣхалъ въ вашъ славный градъ въ гости,
и проситъ
Почтить его лаской и дружнимъ пріемомъ....
Эй, братцы, впустите!—Стоятъ себѣ стражи,
Глядятъ въ оба глаза, молчатъ, какъ нѣмые.
—Эй, братцы, впустите!—Златой повторяетъ;
Но стражи ни слова, стоятъ какъ болваны,
Молчатъ, и вокругъ все мертво и безмолвно,
И только въ вершинѣ воротъ, словно что-то
Снуетъ, да шныряетъ. Вотъ, Княжичь всмотрѣлся,
И видитъ, что это снуютъ начертанья;
Всѣ буквы толкутся, какъ будто живыя,
Столбомъ комаровъ передъ ясной погодой.
— Не даромъ училъ меня старецъ-пустынникъ,
Считать на лету, — молвилъ самъ себѣ Княжичъ,
И взоръ его быстрый, какъ соколъ на стадо
Шныряющихъ пташекъ, накинулся, ловитъ
И нижетъ на память. И долго онъ бился,
Покуда таинственный рядъ начертаній
По буквѣ, по слову, пристроилъ въ рѣчепья,
И ясно прочелъ, какъ по писаной книгѣ:

«Нашелъ свѣтлый ликъ, найди свѣтлую душу:
«Роняла денница ту свѣтлую душу —
«Алмазныя слезки, на лоно родимой;
«Родимая, съ горя, низала на память
«Изъ нихъ ожерелье.»

Задумался Княжичъ, припомнилъ рѣчь старца,
Что умъ не въ умѣ, а въ догадкѣ бываетъ.
— Алмазныя слезки! но гдѣ жъ эти слезки?—
И долго онъ, долго съ нѣмымъ умиленьемъ
Смотрѣлъ сквозь хрустальныя стѣны на дѣву.
И съ грустной душою, обратно пещерой
На бѣлый свѣтъ выйдти торопится Княжичъ.

Во тьмѣ еще свѣтятъ змѣиныя очи;
Но свѣтятъ чуть-чуть, измирающимъ взоромъ;
Едва онъ пройдетъ, а они и померкнутъ.

И вотъ наконецъ изъ пещеры онъ вышелъ,
Вздохнулъ вольнымъ воздухомъ, будто очнувшись,
Всмотрѣлся на свѣтъ; а его конь стоитъ–ужъ,
И ржетъ, весь трясется отъ радости, роетъ
Копытами землю.
— А гдѣ же мой Мавренъ!
Гдѣ вѣрный мой Мавренъ?—аукаетъ Княжичъ.

Но эхо напрасно его зовы вторитъ,
По мрачному лѣсу и горнымъ ущельямъ.

Задумчиво, грустно, шажкомъ онъ поѣхалъ.
Вдругъ — чу! конь заржалъ! конь Златоя по-
слышалъ,
Въ отвѣтъ подалъ голосъ, и ринулся быстро,
По черной долинѣ, какъ разъ къ тому мѣсту,
Гдѣ Мавренъ лежалъ на землѣ, какъ убитый.
— Родной мой!—вскричалъ онъ, увидя Златоя,
Птенецъ мой! куда пропадалъ ты, гдѣ былъ ты?
— Гдѣ былъ я? Въ подземномъ былъ цар-
ствѣ; что видѣлъ!
Ахъ, Мавренъ, мой Мавренъ, какое тамъ диво!
Какую невѣсту я видѣлъ тамъ, Мавренъ!
Да горе: не знаю что дѣлать; послушай:
И Княжичь повѣдалъ про все, что сбылось
съ нимъ;
А Мавренъ все слушалъ, качалъ головою.
— Эхъ Княжичь! опомнись! ты сномъ еще
бредишь! —
Сказалъ онъ, смотря на него съ изумленьемъ.
—Нѣтъ, Мавренъ, я видѣлъ не сонъ и не морокъ.
— Да полно тебѣ!
— Нѣтъ, не брежу я, Мавренъ!

Но гдѣ же искать мнѣ алмазныя слезки? ..
— Вотъ то-то; поѣдемъ-ко въ Русскую землю,
Обѣты и дань воздадимъ вѣкожизнымъ;
Такъ будетъ надежнѣй, пройдетъ обаянье.

— Поѣдемъ!—задумчиво Княжичь промолвилъ.

И ѣдутъ они скокомъ-летомъ въ поморье,
Въ градъ Юлинъ, долиной рѣки бѣловодной,
Катящейся плавно, вздымающей волны,
Какъ выю кольцомъ горделивая лебедь.
Отъ Львиной горы своротили направо,
На градъ Ратиборъ; подъѣзжаютъ и видятъ,
На озерѣ свѣтломъ стоитъ градъ великій;
По верху горы. Княжой дворъ и палаты,
Какъ будто рѣзныя изъ кости, съ насѣчкой;
А теремъ, какъ яркое золото съ чернью;
Навѣсъ, будто кружевомъ лаженъ чеканнымъ;
Оконцы въ узоръ, словно бисеромъ шиты.

Не вѣрятъ глазамъ своимъ Княжичь и Мавренъ,
И видятъ они, что къ оградамъ, на поле
Стекаются люди, какъ къ морю притоки,
И витязи скачутъ и плещутъ знамена,
И блещетъ оружье, и съ говоромъ шумнымъ
Сливаются гулкія трубы и бубны.

И слышать они, что у Князя Обрада,
Идетъ пиръ великій, и съѣхалось въ гости
Князей, и державцевъ, и витязей славныхъ,
Не вѣсть-что,—на празднество, бой и ристанья
Въ честь дочери Князя, прекрасной Круницы.
—Посмотримъ на бой, — сказалъ Мавренъ, —
да молвятъ,
Свѣтлѣе, вишь, солнца, да краше Круницы,
Во вѣкъ не бывало, во вѣкъ и не будетъ.
— Не мнѣ за нее ломать копья!—промолвилъ
Сурово Златой, подъѣзжая къ оградѣ.
Народъ передъ нимъ разступился съ поклономъ.

Въ оградѣ, на полѣ, шелъ бой ужъ на славу,
Межъ витяземъ юнымъ съ поднятымъ за-
браломъ,
И рыцаремъ латникомъ въ шкурѣ желѣзной.
Но ихъ будто нѣтъ, какъ ночныхъ привидѣній,
Съ восходомъ денницы: всѣ взоры невольно
На свѣтъ устремились, на свѣтъ-на Круницу.

На крытыхъ сѣняхъ, надъ узорчатой тканью,
Разостланной вдоль по чеканнымъ перилам,
Какъ утро она надъ цвѣтущей долиной;
На ликѣ зарею разлился румянецъ,
Въ веселыхъ очахъ, такъ лучи и играютъ;

Улыбка живымъ огонькомъ такъ и пышетъ;
А грудки волной такъ и бьютъ, такъ и ходятъ.

Но вдругъ взоръ Княжны, будто туча, затмился:
Съ испугомъ Крушица всплеснула руками.
Глядятъ — на землѣ словно пластъ лежитъ
витязь;
А латникъ стоитъ, озирается гордо,
Противника новаго ждетъ, — не выходитъ.
— Ну сколько васъ есть? вы ходите ватагой!
Онъ крикнулъ какъ Фрягъ самохвалъ, при-
боченясь.
— Довольно съ тебя одного! — грозно Княжичь,
Въ отвѣтъ; разгорѣлось въ немъ сердце обидой.
— На поле! пристройся! — вскричалъ, въ щитъ
ударилъ,
Приподнялъ коня на дыбы, сбросилъ шлемъ свой,
Расправилъ свои молодецкія кудри,
Почетный поклонъ отдалъ Князю съ Княгиней
И свѣтлой Княжною; вскрутилъ, вскинулъ
дротикъ,
И ринулся въ бой. — Засверкало оружье,
Посыпались искры. Всѣ вздрогнули, смолкли,
Глядятъ, позабыли о свѣтлой Круницѣ;
А сердце Круницы дрожитъ, замираетъ;

А взоръ то блеснетъ, то померкнетъ отъ страха.
Работаетъ Княжичь вкругъ латника вихремъ,
Удары на щитъ золотой принимаетъ;
Копьемъ разстегнулъ ему запоны брони,
Раздѣлъ, раздробилъ, разметалъ все оружье,
И высадилъ вонъ изъ сѣдла. Загремѣли
И трубы и бубны. Взоръ ожилъ Круницы,
Зарею румянецъ опять разгорѣлся,
Улыбка живымъ огонькомъ запылала,
А грудки волной такъ и бьютъ, такъ и ходятъ.

Князь проситъ Златоя въ избу, величаетъ
Нежданнымъ своимъ дорогимъ, милымъ гостемъ,
Цѣлуетъ его во уста; а Княгиня
Подноситъ сама чару меду во здравье;
А очи Круницы въ него такъ и впились;
А сѣнныя дѣвушки шепчутся въ голосъ:
« Вотъ Богъ женишка-то какого послалъ намъ!
Вотъ пара, такъ пара!» — А Княжичь все слышитъ,
Глаза какъ у дѣвицы-красной поникли,
Лицо разгорѣлось стыдливымъ румянцемъ.
А Мавренъ твердитъ ему: Вотъ оно, Княжичь,
Какъ счастье-то сáмо найдетъ человѣка:

Такому во снѣ не пригрезиться во вѣкъ!
Смотри-ко, смотри благодать-то какая!
Смотри: словно живчикъ! Ну, подлинно правда:
Она на землѣ словно солнце на небѣ!
Ужъ это не сонъ,—на яву тебѣ счастье! —

И вотъ, на пиру, какъ на брачномъ весельи,
Пьютъ гости меды, голосятъ, возглашаютъ
То здравье Златою, то счастье Круницѣ.
И смотритъ она на Златоя любовно,
И думкой въ уста его, въ очи цѣлуетъ.
А Княжичь сидитъ, какъ не свой, сердце таитъ
Отъ жаркихъ, плѣнительныхъ взоровъ Круницы;
Свѣтлы, горячи, полны жизни; но будто
Чего-то въ нихъ нѣтъ для души и для счастья;
И кажется Княжичу, нѣтъ въ нихъ... чего же?—
Нѣтъ слезки алмазной. И смутенъ идетъ онъ,
Въ свою почивальню, и мыслитъ въ раздумьѣ:
Ужели же правду сказалъ мнѣ мой Мавренъ,
Что явное счастье на сонъ я мѣняю? —

Всю ночь онъ провелъ въ забытьи, истомили
Всю душу борьбою два чудныхъ видѣнья:
То страстный и пламенный образъ Круницы,
Зоветъ на колѣнахъ: ко мнѣ! повторяетъ;

То облачный, томный, безмолвный ликъ дѣвы
Проносится мимо, не манитъ, не взглянетъ,
А только уронитъ алмазную слезку.
— Ахъ, ждетъ она, ждетъ меня, ждетъ искупленья!
Воскликнулъ Златой, весь взволнованный духомъ.
— Коня, Мавренъ! ѣдемъ! сѣдлай коня скоро! —
— Помилуй! куда ты? чуть свѣтъ еще брезжетъ!
Опять за свое! ну чего тебѣ нужно?
Красавицу первую, чудо-невѣсту,
Тебѣ предлагаютъ; я думалъ, вотъ умникъ!
А онъ, какъ шальной претъ за сонною грезой!
Размысли, какого тебѣ еще счастья,
На радость родителямъ? Что еще надо?
Какую невѣсту? подумай!
— Я думалъ!
Круница невѣста не мнѣ, въ ея долѣ,
Я то же, что всякій другой мимошелецъ:
Свѣтла безъ меня, и къ душѣ ея свѣтлой,
Я свѣта собой не прибавлю! Поѣдемъ!
— Охъ, Княжичь, ты Княжичь, сынокъ неразумный!
Да что жъ мы поѣдемъ, спасибо не скажемъ,
За ласки хозяевамъ? Честно ли это?

Но Княжичь не слышитъ, идетъ на конюшня,
Сѣдлаетъ коня, и велитъ Княжимъ людямъ,
Поклонъ отъ себя править Князю, Княгинѣ,
И свѣтлой Княжнѣ, за пріемъ и за ласки.

И вотъ, Княжичь въ Юлинъ свой путь
продолжаетъ.
— Послушай-ко, Княжичь, — ему молвитъ
Мавренъ,—
Не вѣришь ты мнѣ, такъ повѣрь вѣщимъ
людямъ,
Жерцамъ; да проси, чтобъ тебя свободили?
Отъ злыхъ наважденій. Меня ты не слушалъ,
Погнался за морокомъ въ черной долинѣ,
Такъ вотъ и возись съ нимъ, ищи въ пус-
томъ мѣстѣ
Невѣсту свою, словно чортову внучку!
— Пусть будетъ и такъ!—отвѣчалъ ему Кня-
жичь.

Пріѣхали къ Стрѣлкѣ, на пристань морскую,
И гатью чрезъ море, на островъ Русь, въ
Юлинъ,
И не было града въ полуночномъ краѣ,
Богаче, славнѣе. Со всѣхъ сторонъ свѣта,

Съѣзжались туда корабли и насады
Гостей и купцовъ съ многоцѣннымъ товаромъ,
И съ данью обѣтной въ святыя божницы.

Хвалу и обѣты свершивъ вѣкожизнымъ,
И жертвы воздавъ богу славы и мира,
И кормъ принеся своимъ предкамъ великимъ,
Златой поспѣшаетъ въ нагорную пустынь.
Къ отшельцу-слѣпцу правдовѣстному старцу,
Въ пещерѣ онъ жилъ, среди темнаго бора,
Въ скалѣ одинокой. Златой къ нему входитъ,
И видитъ съ невольнымъ, нѣмымъ изумленьемъ,
Что старецъ-слѣпецъ передъ книгой огромной
Сидитъ и читаетъ. Златой поклонился;
Но слова еще не успѣлъ ему молвить,
Какъ старецъ сказалъ: — «Сядь, да слушай былое:
Прошедшее свѣтитъ на будущность; вѣтви
Питаются корнемъ; на нихъ свѣтитъ солнце,
Онѣ дышутъ воздухомъ.... Корень подъ спудомъ,
Въ могилѣ, сокрытъ, какъ усопшій; но живъ онъ!
Внимай, познавай и учись.»
Княжичь слушалъ:

«Три вѣка прошли, времена измѣнились:
Рѣка измелѣла, притоки изсякли.
Въ ту пору, полковъ Чеховыхъ воевода,
Крагуй, Князь Кленовичь, княжилъ въ Вышеградѣ.
Со славой знамена его развѣвались,
Побѣдой гремѣло златое оружье.
И были у Князя Крагуя два сына,
Стоглавъ и Хрудой—близнецы, да двѣ дщери—
Любица и Тѣша. Насталъ часъ, Князь умеръ,
Въ бою со врагомъ, — не изрекъ завѣщанья;
И вотъ между братьями вышло размирье,
И споръ: кто изъ нихъ первенецъ и наслѣдникъ.
И снялись на сеймъ старшины и владыки,
Рѣшать эту тяжбу по слову закона.
Да нѣтъ изреченья на дскахъ правдодатныхъ,
И мечь не судья, не указъ кровнымъ братьямъ,
Вода святосудная имъ не порука,
Огонь правдовѣстный для нихъ не свидѣтель.

Рѣшили владѣть имъ наслѣдіемъ вкупѣ;
Но лютый Хрудой заревѣлъ ярымъ туромъ:
«Ладнѣе рѣшать: ни тому, ни другому;
А двумъ головамъ на одной шеѣ тѣсно!»

И вотъ положили избрать на столъ отній,
Любицу Княжну, какъ старѣйшую въ родѣ.
И власть приняла она, правила мудро;
Но лютый Хрудой не смиряется духомъ,
Мутитъ тишину и горчитъ черной желчью,
И снова на снемѣ взревѣлъ ярымъ туромъ:
—«Ой горе птенцамъ, гдѣ змѣя вмѣсто матки,
Сосетъ а не кормитъ, пьетъ кровь, а не поитъ!
Ой горе мужамъ, гдѣ жена имъ владыко;
Нѣтъ, власть надъ мужами мужамъ подобаетъ,
Наслѣдье отца первенцу, по закону!»

Съ обидой возстала съ престола Любица,
На дерзкое слово смиренно вѣщаетъ:
—«Кто старшій изъ двухъ братьевъ вкупѣ рожденныхъ,
Того сами боги еще не рѣшили;
А дѣвы десница слаба и безсильна
Владѣть мечемъ правды; а сестрино сердце,
Слезою караетъ обидчика брата!
Ищите же мужа въ державцы закона!»
— «Пресвѣтлая наша Княгиня! — воззвали
Владыки и старцы, — твой выборъ и воля:
Сама избери себѣ мужа, и будетъ
Надъ нами онъ мужемъ закона и правды;

А сынъ твой наслѣдуетъ власть Князя-дѣда.«
— «Пусть боги рѣшаютъ! — сказала Любица;
И сердце ея содрогнулось невольно,
Отъ мысли блеснувшей.—Въ заранье сѣдлайте
Княжаго коня и идите съ почетомъ,
На встрѣчу къ вратамъ городскимъ, на болонье;
Просите, кто встрѣтится, честнымъ поклономъ,
Возсѣсть на коня на Княжаго и ѣхать
Во дворъ къ столованью, въ почетное мѣсто.»

Вотъ, слово Княгини владыки и старцы
Исполнили свято, и встрѣчныхъ просили
Во дворъ къ столованью въ почетное мѣсто;
И много охотниковъ было на почесть;
Да конь не давался: лишь только кто ногу
Въ сѣдло занесетъ, а онъ грохъ его о-земь,
Да такъ, что ужъ не до гостей, не до чести.
Но время въ полуднѣ, пора и обѣдать,
А мѣсто про гостя почетнаго праздно.
— Ну, хитрую вещь задала намъ Княгиня, —
Твердятъ межъ собою владыки и старцы.
Но вотъ, по дорогѣ, на встрѣчу поѣзду,
Оратай съ супругомъ воловъ ѣдетъ съ поля.
Снимаетъ поѣздъ передъ нимъ свои шапки,
И проситъ пожаловать ѣхать къ Княгинѣ,

Во дворъ, къ столованью, въ почетное мѣсто.
— Княгиня зоветъ, надо ѣхать,—сказалъ онъ,
Подумавъ немного, — пожалуй, поѣдемъ!

Подводятъ коня. — Покачалъ головою:
— Гдѣ жъ мнѣ на коня на Княжаго садиться,
Собьетъ онъ меня посторонняго,—молвилъ,—
А ѣхать одно: какъ ни ѣхать, да ѣхать;
Къ тому же своихъ я воловъ не покину!—

—Что жъ, какъ? онъ вѣдь правъ!—перемол-
вились старцы.
— Что жъ, такъ! — отвѣчали, подумавъ, вла-
дыки.
И вотъ, на волахъ званый гость подъѣзжаетъ
Къ двору.—Прямиславъ!—прошептала Любица,
Встрѣчая его загорѣвшимся взоромъ,
Сажая за столъ на почетное мѣсто.

И свадебный пиръ озарилъ дворъ Любицы,
И три дни веселые гулкіе клики
Ходили по граду, въ горахъ раздавались.

И вотъ, понесла молодая, подъ сердцемъ,
Зародышъ любви и тревогъ материнскихъ.
А между тѣмъ умеръ Стоглавъ, и Хрудоя

Мятежное сердце заратилось снова;
Съ Олавы-кривой онъ грозитъ Вышеграду,
Чтобъ Рада уставовъ своихъ не забыла;
А чрево сестры пусть родитъ, да пусть по-
мнитъ,
Что сыну—держава, а дочери—прялка.

— Онъ правъ! —говорятъ и владыки и старцы:
Теперь судъ положитъ рожденный младенецъ!—
И съ трепетомъ ждутъ разрѣшенья Княгини.
Не сыну, а дочери быть по примѣтамъ!

Княжна Тѣша любитъ сестру больше жизни,
Душою скорбитъ за нее и за благо
Родимаго края: чѣмъ горе избыть бы?
Бѣду, какъ изжить бы, хоть грѣхъ взять на
душу?
И слышитъ она про кудесницу-бабку,
Которая знаетъ кабальныя чары,
Творитъ изъ рожденныхъ младенцевъ не вѣдь-
что,
Пожалуй чурбанъ. Вотъ, Княжна призываетъ
Къ себѣ чаровницу, повѣдала тайну,
И проситъ совѣта, какъ быть и что дѣлать?

—Ну-ну!—призадумавшись, молвитъ старуха,—
Вѣдь это не то, что лицо на-изнанку:
Тутъ мертвенькой нуженъ ребеночекъ, мальчикъ:
Въ него перелить надо кровь нарожденной,
Чтобъ крови чужой не ввести въ вашу семью.
Да надо на то материнская воля:
Какая же мать промѣнять пожелаетъ
Родное дитя на чужое породье?—

— Что жъ дѣлать! бѣдѣ нѣтъ другаго исхода,
И хочетъ-не хочетъ—должна согласиться.

— Ну, ладно; зовите меня въ повитушки.

Вотъ, время настало; скрѣпивъ свое сердце,
Къ Любицѣ подходитъ сестра, говоритъ ей:
— Послушай, сестрица, ты слышала рѣчи
Жестокаго брата,—что, если родишь ты
Не сына, а дочь, онъ насъ всѣхъ покараетъ,
Съ стыдомъ изженетъ со стола Прямислава!
Я думаю думу объ этомъ да плачу....
Послушай меня, согласись на спасенье.

— Ахъ, я догадалась! молчи! содрогнулся
Младенецъ въ утробѣ!—вскричала Любица,
И слезы ключемъ изъ очей ея свѣтлыхъ.

— Сестрица, что жъ дѣлать? но выслушай
прежде:
Тебя не лишатъ твоей собственной крови,
Лишь образъ малютки твоей претворится
Въ прекрасный ликъ сына, тебѣ же на радость....
— Ахъ, полно! меня обмануть вы хотите!

— Клянусь тебѣ сердцемъ сестры въ сущей
правдѣ!

Любица потоками слезъ обливалась;
Вдругъ вся поблѣднѣла и стиснула очи;
А старая бабка ужъ тутъ.... повиваетъ.

— Ахъ дайте взглянуть!—умоляетъ Любица,
Очнувшись на поданный голосъ младенцемъ,—
Ахъ дайте алмазную слезку на память!...

— Алмазную слезку?—воскликнулъ невольно,
Прервавъ старца, Княжичь,—алмазную слезку?
—Ну да, что жъ такое?—промолвилъ отшельникъ,—
Для матери доброй дочерняя слезка
Дороже алмаза, тебѣ-то что въ этомъ?

— Отецъ мой! я съ тѣмъ и пришелъ поклониться,
Чтобъ ты мнѣ повѣдалъ завѣтную тайну....

—Вотъ видишь! и вычитать не далъ, не выждалъ;
За это приплатишься: даромъ науку
Одно, вѣдь, терпѣнье беретъ.
— О, полжизни,
Готовъ я отдать за залогъ искупленья!...

—Богатъ ты, я вижу, и щедръ на даръ Божій:
Полжизни! постой-ко, тебѣ сколько жить-то?
Подай-ко мнѣ руку... Полжизни—три-сорокъ....
Прибавь семь годочковъ до цѣлой полсотни,
Такъ такъ ужъ и будетъ. Повѣдаю тайну
О Бѣлѣ сироткѣ, о дочкѣ Любицы.

— Любицы?—промолвилъ Златой съ грустнымъ чувствомъ,—
Три вѣка!... такъ все было сонъ, что̀ я видѣлъ?

—И жизнь сонъ, да только лишь сонъ непробудный,—
Сказалъ, воздыхая, слѣпецъ,—сонъ тяжелый!...

А словно теперь еще вижу Княгиню,
Съ младенцемъ на лонѣ, сидитъ—горько плачетъ;
Посмотритъ–посмотритъ на лико младенца,
Да вдругъ и начнетъ причитать свое горе:
« Ахъ кровь ты моя, моя кровь изъ–подъ сердца!
Да нѣтъ въ твоемъ взорѣ чего–то родного:
Душа–то въ тебѣ, Недомыслъ, мнѣ чужая!»
И взросъ Недомыслъ не въ отца и не въ матерь,
И много потоковъ изъ сердца Княгини
Скатилося въ море, и много читала
Душа ея въ голосъ молитвъ
Пробилъ ея часъ; умерла, схоронили;
А съ ней схоронили залогъ искупленья
Голубочки Бѣлы отъ сна вѣковаго.
Завѣтное время—всѣ семь поколѣній
Прошли. Кто добудетъ, даритъ ей монисто:
«Зерно кровавикъ да алмазныя слезки,»
Тому и она.

— Ахъ, повѣдай, отецъ мой!
Вскричалъ умоляющимъ голосомъ Княжичь,—
Повѣдай мнѣ, гдѣ обрѣсти это счастье?—

— Не мало искателей блага земнаго;
Рукою бы взялъ, да какъ кладъ не дается.
И въ жизни иныхъ нѣтъ даровъ, кромѣ
Божьихъ.
Въ вершинѣ притока, текущаго плавно,
Какъ мысль, въ сребропѣнныя воды Волтавы,
Есть озеро,—все поросло частымъ лѣсомъ.
На озерѣ томъ неприступная вѣжа;
А въ вѣжѣ гробница, въ гробницѣ Любица.
На шеѣ ея мраморяной монисто,
Какъ низано словно изъ звѣздочекъ яркихъ.
Извѣдай, не дастся ли кладъ тебѣ въ руки,
Судьба ли тебѣ искупить свое счастье.

— Но вѣжа, сказалъ ты, отецъ, неприступна?

—Какъ дѣва,—отвѣтствовалъ старецъ,—какъ
дѣва,
Покуда волна не забьетъ въ ея перси.—
Потомъ возложилъ онъ на Княжича руки,
И молвилъ: Богъ помочь тебѣ въ добромъ
дѣлѣ!
Иди подвизайся!

И земнымъ поклономъ
Простился Златой со слѣпцомъ вѣщимъ старцемъ.

— Ну, что? — вопросилъ его Маврень. — Поѣдемъ! —
— И только? пошли по мытарствамъ мы ѣздить!
Эхъ, Княжичь, сударикъ! чортъ задалъ задачу,
А мы и разгадывай! Свѣтъ ты мой, Княжичь!
Поѣдемъ опять въ Ратиборъ! По тебѣ, чай,
Княжна-то Круница горюетъ, да сохнетъ!
Поѣдемъ!
Но Княжичь не слушаетъ дядьки,
Торопитъ коня на Волтаву, къ притоку,
Текущему плавно, какъ мысль къ вѣрной цѣли.
Но вотъ берега рѣчки ўже, отложе,
И тянутся въ лѣсъ чуть замѣтной лощинкой;
Но змѣйкою вьется по травкѣ изъ лѣсу
Блестящая струйка. А лѣсъ чаще, гуще.

— Помилуй! куда жъ безъ пути, безъ дороги,
Въ трущобу мы ѣдемъ? —
Не слушаетъ Княжичь,
И ломитъ сквозь лѣсъ, безъ оглядки. Напрасно
Аукаетъ Маврень. И вотъ онъ пробился;
Просвѣчивать стало багряное небо,
И вдругъ очутился надъ кручью, и видитъ,
Какъ будто въ котлѣ стоитъ озеро крови;
На самой срединѣ вздымается вѣжа;

Гранитныя стѣны и прясла и гребень,
Какъ копоть черны, поросли сѣдымъ мохомъ.
Вокругъ тишина, не шелохнутся листья,
И мертвой воды вѣтерокъ не взъерошитъ.

Стоитъ, смотритъ Княжичь, всѣ чувства
нѣмѣютъ,
Въ отвѣтъ на безмолвіе мрачной природы.
Заря догараетъ, и озеро меркнетъ;
Ужъ радужной слюдой его затянуло,
Покрыло, какъ щитъ, вороненою сталью.
— Что дѣлать и какъ переплыть, переѣхать,
Добраться до вѣжи мнѣ?—думаетъ Княжичь,
Пытливыми взорами берегъ обводитъ.
Спустился къ водѣ, и вдругъ видитъ за камнемъ
Рыбачій челнокъ. Не задумался долго:
Вскочилъ въ него, сѣлъ, хвать весло — и
поѣхалъ
Прямехонько къ вѣжѣ. Къ стѣнамъ подъѣз-
жаетъ....
Кругомъ объѣзжаетъ — всѣ стѣны глухія,
Ни входа, ни выхода, — новое горе!
А между тѣмъ ночь; но въ водѣ отразилось,
Какъ будто сіянье. Златой вскинулъ взоры
На вѣжу, и видитъ, тамъ теплится что-то.

— О, вѣрно есть люди!... Эй, добрые люди!
Эй, кто тамъ живой?—Ни гугу—нѣтъ отвѣта.
Задумался Княжичь опять:—«Неприступна,
Какъ дѣва, сказалъ мнѣ отшельникъ, какъ
дѣва,
Покуда волна не забьетъ въ ея перси....»
Покуда волна не забьетъ въ *перси* вѣжи...?
Не такъ ли понять?... да возможно ли это?
Откуда здѣсь буря возмется, всколышетъ,
И вздуетъ горой эти мертвыя воды,
И вздыметъ волну, куда взора не вскинешь?...
Но быть, чему быть! а назадъ я ни шагу!...

Едва онъ промолвилъ, вдругъ слышитъ—объ
стѣны
Волна заплескала, и чувствуетъ—вздулось,
Запѣнилось озеро, кипнемъ вскипаетъ
Въ котлѣ, будто жаръ подъ него подложили;
Вздымается выше и выше, колотитъ
Объ стѣны бойницы челнокъ; подступило
Подъ самыя перси, хлестнуло волною
Въ гранитныя прясла, — Златой очутился
На самой вершинѣ. Кругомъ осмотрѣлся,
И видитъ онъ горницу; двери отверсты,
Какъ въ храмъ, посреди золотая гробница.

Въ гробницѣ усопшая въ вѣнчикѣ свѣтломъ,
Спокойствіе въ ликѣ, черты — какъ родныя!
Вкругъ шеи ея мраморяной монисто,
Какъ будто изъ звѣздочекъ низано яркихъ.

Златой преклонился, и, съ трепетомъ сердца,
Приблизился, снялъ ожерелье съ усопшей,
И мнилось ему, что она улыбнулась.

А между тѣмъ Мавренъ блуждаетъ по лѣсу,
Аукаетъ, рёвомъ реветъ, — все напрасно:
Никто не откликнется, глушь, какъ въ трущобѣ.
Настала и ночь, — нѣтъ отвѣта. — Погибель!
Э–эхъ, пропадай голова!—крикнулъ Мавренъ,
И бросился снова съ коня ницъ на землю,
Взрыдалъ и зарылъ себѣ снова могилу.

Но вотъ разсвѣло; Мавренъ спитъ, какъ убитый.
Вдругъ слышитъ — его кто-то подъ бокъ толкаетъ.
— Пришла! ну, терзай, на, гложи, коли сладко!
Ужъ мнѣ безъ него не житье! — вдругъ онъ вскрикнулъ,
Въ бреду, на шелковой травѣ разметавшись.

—Эй! Маврень! ты бредишь! вставай поскорѣе!
Поѣдемъ!
— Ахъ, Господи, диво какое! —
Твердитъ, протирая глаза свои, Маврень.
Очнулся. — Поѣдемъ! — Златой повторяетъ,
Отвѣта не ждетъ.
— Княжичь! долго ли ѣздить
По чертовымъ дебрямъ? —
Но Княжичь не слышитъ,
Летитъ, какъ стрѣла къ вѣрной цѣли; а Маврень
Несется за нимъ, да сердито бормочетъ.

— Разумникъ мой, Княжичь, да брось ты
причуды! —
Опять затвердилъ свое Маврень Златою,
Замѣтивъ, что онъ такъ и претъ на Соботку.—
Вѣрь слову: ты самъ себя на смѣхъ моро-
чишь!...
Ну, воля твоя; а ужъ я не отстану!
Ужъ жить, нести горе и гибнуть намъ вмѣстѣ!—
И трепетно Маврень по Черной долинѣ,
За Княжичемъ въ слѣдъ, въ хвостъ и въ
голову гонитъ.

Но вотъ и пещера разинулась пастью;

Съ коня прыгъ на землю, — держи! — крикнулъ Княжичь.
От ужаса въ Мавренѣ замерло сердце.
Въ пещерѣ все та же кромѣшная темнѣдь;
Но Княжичу путь освѣщаютъ не змѣи
Очами, какъ красные угли въ горнилѣ;
А звѣздочекъ купа льетъ свѣтъ съ ожерелья.

Торопится Княжичь за мыслью и взоромъ,
И мнится ему, что ростетъ подземелье,
И выросли хочетъ на зло въ безконечность.

Но вот просвѣтлѣло безжизненнымъ свѣтомъ,
И вотъ показались хрустальныя стѣны,
За ними палаты сквозятъ, а въ палатахъ,
На ложе склонясь, въ забытьи лежитъ дѣва,
Воздушнымъ видѣньемъ, мечтой воплощенной,
Въ сребристой одеждѣ, разсыпались пряди
Волосъ серебристыхъ; лилейныя перси
Волной не волнуетъ.
Златой смотритъ, млѣетъ,
Душа такъ и просится къ душкѣ, къ подружкѣ.
Онъ къ мосту, мостъ поднятъ, а стража, безмолвно

Уставивъ глаза, не моргнетъ,—ждетъ приказа.
— По слову, отдай! — возгласилъ Княжичь грозно,
И стража покорно помостъ опустила.

Хрустальныя стѣны съ его приближеньемъ,
Какъ ледъ отъ горячихъ лучей ожерелья,
Растаяли. Княжичь поспѣшно проходитъ,
И чудный предъ нимъ вертоградъ озарили
Алмазныя слезки, блистая созвѣздьемъ.
Луга и деревья въ цвѣтахъ; будто хоромъ
Усѣлись на вѣткахъ пѣснивыя пташки;
А по лугу павы и лани стадами
Спокойно себѣ улеглись, какъ на отдыхъ,
И спятъ мертвымъ сномъ. По всему вертограду,
Какъ будто разсыпалась радуга; ярко
Блестятъ разноцвѣтные камни и жемчугъ.

Торопится Княжичь въ палаты, и видитъ
При входѣ, подъ крылышко спрятавъ головку,
Сидитъ пѣтушокъ, красотой вельми чуденъ;
На немъ какъ изъ золота гребень чеканенъ.
И вспомнилъ Златой обѣщанье старушкѣ
Добыть пѣтушка за яички въ уплату.
Взявъ бережно птицу, за пазуху сунулъ,

Бѣжитъ по ступенямъ; а съ стѣнъ такъ и
льются
Потоки; хрусталь такъ и таитъ, какъ льдина.

— Затопитъ ее! Бѣла, Бѣла! — воскликнулъ
Испуганный Княжичь, и бросился къ дѣвѣ,
Въ объятья схватилъ и понесъ чрезъ палаты,
Какъ будто сквозь пѣнистый токъ водопада.

Не чувствуя самъ себя, въ страхѣ за дѣву,
Онъ выбѣжалъ съ нею на свѣтъ Божій.
— Бѣла!
Воскликнулъ онъ снова, — очнись моя радость!
Очнись голубица!
— Сударикъ ты, милый, —
Раздался бормочущій голосъ старухи, —
Куда жъ ей очнуться: въ ней замерло сердце;
Тутъ зовомъ да рёвомъ, дружокъ, не поможетъ.
— Ахъ, баушка! что же мнѣ дѣлать? скажи мнѣ!
— Что дѣлать? посмотримъ. Должокъ-то ты справилъ?
— Ахъ, вялое сердце! — Златой крикнулъ гнѣвно, —
Тутъ смерть, а она объ должкѣ! подавись имъ!

— Не гнѣвайся, батюшко, я вѣдь спросила
Не такъ, не спроста: пѣтушокъ-то мнѣ нуженъ,
Извѣдать живую водицу, родимый.

И съ словомъ, старушка, доставъ изъ котомки
Кубышку, хлѣбнула и вспрыснула трижды
Живою водой пѣтушка. Встрепенулся,
Нахохлился мой пѣтушокъ, да какъ крикнетъ
Вдругъ кукурику!
—Ну, теперь, помогай Богъ!
Сказала старушка, и вспрыснула трижды
И сонную дѣву. Очнулась, вздохнула;
А Княжичь стоитъ передъ ней на колѣнахъ,
Безмолвенъ, скрестилъ на груди своей руки

— Эге, и тебя вѣрно вспрыснуть придется,—
Сказала старушка, взглянувъ на Златоя, —
Смотри-ко, совсѣмъ обомлѣлъ! Да дари же
Невѣсту, сударикъ, скорѣй ожерельемъ:
Чай также ей слезки на радости нужны!

— Прекрасная Бѣла!. прими мое сердце,
Съ завѣтнымъ залогомъ любви материнской!—

Умильно промолвилъ Златой, возлагая
На Бѣлу, дрожащей рукой, ожерелье.

И вспыхнула дѣва зарею румяной,
И брызнули слезки изъ глазокъ лазурныхъ,
И пала безгласно въ объятья Златоя.

— Родные мои! Вотъ любовь-то! — сказала
Старушка, невольно сама прослезившись.

— Скорѣй, къ отцу-матери! — Княжичь вос-
клкнулъ.—
Гдѣ конь мой!—А конь ужъ стоитъ наготовѣ.
— Гдѣ Мавренъ?
— Слуга-то? да онъ, мой го-
лубчикъ,
Боится старухъ у тебя; чай въ кусты-гдѣ
Запрятался бѣдный.
И подлинно правду
Сказала старушка. Глядятъ, Мавренъ лѣзетъ
На зовъ, какъ ученый медвѣдь, поднимаясь
На заднія лапы.
—Родной мой!—вскричалъ онъ,
Бѣжитъ, повалился, какъ снопъ, прямо въ
ноги,

И съ радости слова промолвить не можетъ,
Цѣлуетъ, то Княжичу руки, то Бѣлѣ,
И смотритъ въ глаза имъ, какъ будто смѣ-
кaетъ,
Кто лучше изъ нихъ, и кому сердце радо.

—Ну, Мавренъ, домой!—крикнулъ Княжичъ,
и прянулъ
Въ сѣдло, посадилъ близъ себя, обнялъ Бѣлу;
Она приклонилась къ плечу. Конь помчался;
А Мавренъ во слѣдъ, въ хвостъ и въ голову
гонитъ.

—Давай вамъ Богъ счастья!—сказала старушка,
Родные мои! Вотъ любовь-то! Смотри-ко!

Волтава, Волтава! ключемъ закипѣли,
Взыграли твои сребропѣнныя воды,
Зарница блеснула на небѣ вечернемъ....
Да нѣтъ, то не воды Волтавы взыграли,
Блеститъ не зарница надъ нивой цвѣтущей:
Взыграло то сердце у Князя Власлава,
Блеснули то радостью очи Княгини,
Когда они обняли милаго сына,
Когда цѣловали невѣстушку Бѣлу.

И свадебный пиръ загремѣлъ, разгулялись
Веселые гости; пьютъ медъ, величаютъ
Чету молодую; а Княжичь и Бѣла
Другъ другу въ глаза такъ и смотрятъ, да
шепчутъ:
Намъ рай бы не въ рай, жизнь не въ жизнь
другъ безъ друга!

А. Вельтманъ.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ПАЖЪ.

(Изъ записокъ А. А. Башилова (*).

... Пажемъ я опредѣленъ въ 1793 году, Іюля 20, по милости Графа Безбородка, съ которымъ отецъ мой служилъ еще при Фельдмаршалѣ Румянцовѣ, когда тотъ вмѣстѣ съ Завадовскимъ были писарями. Директоромъ Пажескаго Корпуса былъ Полковникъ Chevalier de Vilneau, человѣкъ храбрый (подъ

(*) А. А. Башиловъ родился, какъ значится въ его запискахъ, 1771 г. Августа 31, въ городѣ Глуховѣ. Отецъ его былъ главнымъ начальникомъ колоній, а потомъ Вице-Губернаторомъ Кіевскимъ; женатъ на Христинѣ Лаврентьевнѣ Нейдгардтъ, отъ которой имѣлъ много дѣтей. Воспитателемъ А. А. былъ Лейпцигскій уроженецъ Шауфубъ, а за ону Божіему училъ извѣстный проповѣдникъ Левандъ. — Въ предлагаемомъ отрывкѣ слогъ исправленъ Редакціей.

Очаковымъ онъ былъ раненъ), достойный, но слишкомъ снисходительный къ дѣтямъ; оттого у насъ была во всемъ воля, и мы заслужили отъ Императрицы названіе «громовыхъ дѣтей» (enfants du tonnere). — Дежурить во дворцѣ началъ я пятнадцати лѣтъ. Вицъ-мундиръ нашъ былъ свѣтло-зеленый, съ золотыми петлицами; камзолъ красный, штаны зеленые; верженъ и букли напудренныя; шелковые чулки и башмаки съ пряжками и красными каблуками. Въ парадные же дни намъ давали зеленые бархатные мундиры, съ золотымъ шитьемъ по всѣмъ швамъ. Платья эти шиты были Богъ знаетъ когда и переходили въ наслѣдство отъ большаго къ малому, (при чемъ ушивался камзолъ, подправлялись штаны, сокращались рукава, и наконецъ такъ обветшали, что къ бракосочетанію Императора Александра Павловича надо намъ было сшить новыя, по мѣркѣ каждаго) кои и выданы, подъ росписку. Сохрани Боже замарать платье: тогда денежнаго штрафа не было, а просто запросто сѣкли розгами; отчего, при всей охотѣ шалить, мы берегли свои мундиры. — Главнымъ нашимъ начальникомъ былъ Оберъ-

Гофмаршалъ Князь Θедоръ Сергѣевичь Барятинскій, весьма ласковый и милый человѣкъ; но насъ онъ часто дралъ за уши и величалъ щенками. — Тогда пажи служили за столомъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли счастіе быть приглашенными къ столу Ея Величества. Вседневный столъ былъ не болѣе какъ на 12 персонъ, а въ воскресенье персонъ на 20 или 25: въ этотъ день обѣдали фрейлины и дежурные каммергеръ и каммеръ-юнкеръ. Въ воскресенье всегда кушалъ у Государыни Наслѣдникъ Престола Павелъ Петровичь съ Великою Княгинею Маріею Θеодоровною, и потому обѣдъ былъ церемонный. Тарелки были серебряныя; а какъ Императрица была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, то бѣда бывало, если столкнутся тарелка съ тарелкой и зазвенятъ: конецъ одинъ—розги! Лучше пажей никто не служилъ, мы были проворные и ловкіе ребята, и награда наша состояла въ томъ, что всѣ конфекты предоставлялись намъ на долю. Разборка конфектъ была настоящій штурмъ; кто былъ половчѣе, тотъ хваталъ сухія конфекты, которыя можно положить въ шляпу,—а кто послабѣе, тому доставалось

варенье: куда съ нимъ дѣваться? Да и тутъ кто изъ пажей былъ посильнѣе, тотъ у малютокъ и варенье отбиралъ, и слезы не помогали. Меня Богъ миловалъ, я не поддавался, и былъ, по пословицѣ, «и самъ съ усамъ.»

Не смотря на преклонныя лѣта, лице Императрицы было такъ привлекательно, улыбка такая очаровательная, осанка столь величественная, что все въ ней вселяло любовь и уваженіе.—Она неизъяснимо любила Великаго Князя Александра Павловича, и правду, было что любить: кротость, доброта, ласковость отражались на его прекрасномъ лицѣ. Великій Князь Константинъ Павловичь былъ рѣзвѣе, предпріимчивѣе, чрезвычайно похожъ на Павла Петровича, и хотя не красавецъ, но стройный молодецъ. — Царское семейство состояло изъ сихъ двухъ Великихъ Князей и изъ Великихъ Княженъ: Алесандры Павловны (живой портретъ старшаго брата, Елены Павловны, также очаровательной, прекрасной, и Маріи Павловны, если не такой красавицы, но столько привлекательной и доброй, что на нее смотрѣли какъ на ангела.

Лѣтомъ, когда Императрица жила въ Царскомъ Селѣ, все ея семейство находилось тамъ; а Великій Князь Павелъ Петровичь съ супругою жилъ въ Павловскомъ. Видъ его былъ строгій. Онъ пріѣзжалъ съ почтеніемъ разъ въ недѣлю, въ назначенные дни. Мы хотя были еще птенцы, однако же прибытіе его заставляло насъ, какъ говорятъ нынѣ, держать руки по швамъ. Должность нашей состояла еще въ томъ, чтобы и двери отворять, слѣдовательно мы были первые на виду, и можете судить, какъ мы оправлялись, боялись!

Выходъ Императрицы на прогулку былъ торжествомъ для знатныхъ, которые добивались благосклоннаго ея взгляда. Намъ она казалась богинею, и лице ея сіяло какъ солнце!

Во время прогулки по лугу игрывали въ военныя игры de Barre, и войско раздѣлено было на двѣ стороны: одна подъ командою В. К. Александра, а другая Константина; офицерами были: Графъ Чернышевъ, Графъ Элмтъ и другіе, а войско состояло изъ Великихъ Княженъ и амазонокъ-фрейлинъ. Императрица утѣшалась внуками и любовалась

непринужденностію всѣхъ. Тутъ брали въ плѣнъ: Князя Несвицкаго, Графа Строгонова, Черткова, Князя Барятинскаго, и они служили аманатами. Князь Платонъ Александровичь Зубовъ также бѣгалъ и воевалъ, а сотрудникомъ его былъ Сергѣй Лаврентьевичь Львовъ.— Припоминаю теперь одно забавное происшествіе, въ которомъ я игралъ важную роль.— Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ Царскомъ Селѣ, Императрица прогуливалась, по обыкновенію, а за нею слѣдовала свита и въ концѣ пажи. Императрица всегда любила ходить возлѣ луговъ душистыхъ, на которыхъ стояли копны сѣна. Князь Зубовъ, подозвавши меня, сказалъ: «возьмите Генерала Львова и бросьте его на копну!»—Львова, Генерала въ лентѣ, старика, любимаго Царицею? Ну, какъ разсердится: бѣда—опять розги! Но Князь Зубовъ, чтобы гулянье сдѣлать веселѣе и Императрицу посмѣшить, подалъ сигналъ къ штурму, положивъ клочекъ сѣна.... и всѣ, кто во что гораздъ, пошли разметывать копны, бросать на фрейлинъ и кавалеровъ; а насъ стая пажей кинулась на Львова, повалила на копну, и ну его засыпать сѣномъ! Онъ кри-

читъ, бранится, а Князь Зубовъ съ Великими Князьями ну его тащить за ноги. Копны всѣ разметали. Императрица сѣла на скамейку и очень смѣялась. Тутъ досталось и другимъ статсъ-дамамъ, и каммеръ-фрейлинѣ Протасовой, и Графинѣ Ливенъ; но всѣ шутили, бѣгали и не сердились. Барятинскому мы также услужили. Царица кивнула—мы забыли страхъ, и нашъ начальникъ въ мигъ былъ обсыпанъ сѣномъ.

Часто Императрица забавлялась Великими Княжнами, какъ онѣ въ сарафанахъ плясали по-Русски, подъ двѣ скрипки, изъ которыхъ на одной игралъ Паскевичь, полковничьяго ранга, въ большомъ пудреномъ парикѣ, въ шитомъ кафтанѣ, при шпагѣ,—а secondo игралъ какой-то 70-лѣтній старикъ. Судите, съ какимъ восторгомъ смотрѣли мы на сіяющее умиленіемъ лице Великой Екатерины, на ея радость, и наконецъ на обниманіе двухъ ангеловъ Княженъ.... Но недостанетъ ни силъ, ни памяти описать все, когда вспомнишь, что это было въ 1794 году, почти за полвѣка тому (*).

(*) Писано въ 1841 году.

Однажды чуть было не вышло трагической сцены. У Императрицы была Американская кошка, весьма сердитая, и мы боялись ее до смерти, хотя она никогда не бросалась. Разъ въ Царскомъ Селѣ, во время начала гулянья, Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна вошла въ комнаты Императрицы, именно въ ту самую, гдѣ перламутровый полъ. Кошка преспокойно сидѣла на окнѣ, но лишь только завидѣла Елисавету Алексѣевну, бросилась къ ней на шею, и ну царапать. Кошку насилу оторвали, и кончилось болѣе испугомъ, ибо она вцѣпилась въ косынку, которая послужила важною защитою. Кошку тотчасъ отправили въ заточеніе, и мы были весьма рады этому, потому что убѣжать отъ нея было невозможно; а мы боялись не столько за ноги, сколько за чулки: дядька не повѣрилъ бы, чтобы во дворцѣ кошка могла царапаться.

Не могу не разсказать еще одного вечера въ Царскомъ Селѣ. Нагулявшись, Государыня всегда садилась играть въ шахматы вчетверомъ, а иногда въ вистъ, въ билліардной комнатѣ. Кавалеры были всѣ лѣтъ по осьмидесяти. Великіе Князья и Великія Княжны

играли въ фанты, и главными коноводами были: любезнѣйшій изъ придворныхъ, Графъ Чернышевъ и любезно-дерзкій Графъ Элмтъ. Всегда, бывало, играли *въ муфти*, par ordre de moufti, и муфти всегда былъ Элмтъ. Онъ дурачился, обманывалъ, ловилъ, и фантовъ всегда набиралась цѣлая шляпа. Фанты вынимала Анна Степановна Протасова, и достался фантъ: le docteur et malade. Больной былъ А. П. Нащокинъ, а лекарь Графъ Элмтъ. Сняли бѣлые чахлы съ креселъ, устлали бильярдъ, оборотили стулъ вмѣсто подушки, повязали голову Нащокина салфеткой, а изъ чахловъ сдѣлали халатъ. Повели предъ Царицею кругомъ бильярда; всѣ шли по два въ рядъ, а Графъ Элмтъ сзади всѣхъ. Къ петлицамъ привязали нѣсколько пустыхъ бутылокъ, длинные бумажные ерлыки, взяли коротенькую каминную кочергу вмѣсто трубки, и положили Нащокина.... Государыня хохотала почти до слезъ. Я думаю, каково было и Нащокину. Онъ сердился, вертѣлся, но повиновался.... Потомъ вышелъ фантъ: ambassade turque. Избранъ былъ Каммергеръ Олешевъ, родственникъ Суворову. Онъ былъ

очень тихъ, скроменъ, и такъ желалъ веселиться, какъ бы лезть на висѣлицу; но дѣлать нечего. Элмтъ главный церемоніймейстеръ, а пажи, его прислужники, все мигомъ достанутъ. Опять долой чахлы съ креселъ, сдѣлали на Олешева чалму, нажгли пробку, намарали брови, вычернили бороду, одѣли въ чахлы и навѣшали шалей. Онъ морщился, просилъ пощады, но безъ этой процессіи не было бы веселья.

Въ Царскомъ Селѣ бывали спектакли, и лучшимъ поэтомъ для комическихъ піесъ былъ тогда Г. Копьевъ.

Императрица Екатерина любила поощрять всякую промышленность. Изъ Тулы пріѣзжали купцы и мастеровые, и привозили съ собою стальныя издѣлія Императрица покупала ихъ на нѣсколько тысячь, и всѣ знатные, глядя на сіе, обязаны были дѣлать тоже; и потому иногда разыгрывались безденежныя лоттереи стальныхъ вещей; такимъ образомъ у каждаго изъ живущихъ въ Царскомъ Селѣ или пріѣзжающихъ была какая-либо стальная штучка.

Зимою, когда Императрица жила въ Зим-

немъ дворцѣ, выходы ея къ обѣднѣ были дѣйствительно очаровательны. Убранство ея было богатое, а на головѣ блестѣло нѣсколько булавокъ съ бриллiантовыми подвѣсками. Выходъ всегда былъ церемонiальный. Впереди шли каммергеры и каммеръ-юнкеры, а послѣ обѣдни Государыня изволила проходить чрезъ большiе аппартаменты и кавалергардскую комнату. Тогда была кавалергардская рота изъ дворянъ, въ которой Царица была капитаномъ, Князь П. А. Зубовъ Поручикомъ, а капраломъ Г. М. Чулковъ. У кавалергардовъ, которые стояли на часахъ у дверей, былъ особый списокъ тѣмъ лицамъ, которымъ дозволялось входить за кавалергардовъ; въ кавалергардской же комнатѣ были генералъ-поручики, тайные совѣтники, множество генераловъ и бригадировъ, которые не имѣли входа за кавалергардовъ, и слѣдовательно удостоивались видѣть Императрицу только во время ея шествiя.—Великолѣпiе Двора было удивительное; въ кавалерскiе праздники обѣды давались въ тронной; кавалеры были въ орденскихъ мантiяхъ, и посуда была съ тѣми звѣздами и лентами, какой былъ кавалерскiй праздникъ.

Такъ шла моя молодость, пріятно и беззаботно, всегда почти при Дворѣ; можно было натереться, наслушаться и научиться.

Сколькихъ знаменитыхъ событій былъ я свидѣтелемъ при Дворѣ Екатерины! Вѣкъ ея дѣйствительно былъ волшебный.—Послѣ казни Людовика XVI, братъ его, Графъ д'Артуа, въ послѣдствіи Карлъ X, скитался какъ эмигрантъ. Великая Екатерина дала ему убѣжище, и онъ нѣсколько времени находился при великолѣпномъ ея Дворѣ. Графъ д'Артуа былъ принятъ со всею благосклонностію и должными почестями. Онъ жилъ въ Морской, въ домѣ Генерала Василья Ивановича Левашова. Рота Лейбъ-гренадерскаго полка содержала при немъ караулъ. Съ Графомъ д'Артуа находился тогда Арасскій Архіепископъ, также эмигрантъ и умный человѣкъ. Дворъ Графа состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Гофмаршалъ Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, камеръ-пажъ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; изъ пажей было двое: я и Иванъ Филипповичъ Буксгевденъ (бывшій послѣ шефомъ Астраханскаго полка и убитый подъ Бородинымъ). Графъ д'Артуа обѣдалъ

почти всегда дома, а по вечерамъ присоединялся къ обществу Императрицы.—Когда ему пришлось оставить Петербургъ, Императрица, желая показать, что онъ не бѣденъ, прислала ему подарки, которыми онъ всѣхъ насъ наградилъ; мнѣ достались часы съ эмалью, за которые теперь я дорого бы далъ.

Вскорѣ потомъ прибыло въ Петербургъ Турецкое посольство.—На площади передъ дворцемъ выстроены были горы, на верху коихъ стоялъ цѣлый жареный быкъ, а голова его начинена была 500 руб. серебромъ. Горы состояли, такъ сказать, изъ полокъ, на которыхъ уставлены были всякаго рода кушанья, и праздникъ этотъ именовался: «быковъ рвать.» По бокамъ были фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, пивомъ и медомъ. Народу была бездна, а когда зачиналась или драка или большая давка, то лучшій способъ для унятія состоялъ въ томъ, что пожарныя трубы дѣйствовали по головамъ и по лицамъ. 500 рублей доставались всегда самымъ сильнымъ людамъ—мясникамъ.—Великая Екатерина любовалась таковыми праздниками, народъ тѣшился, и, казалось, что все это одна семья. Такіе

великолѣпные праздники и фейерверки были и во время свадьбы Императора Александра I. Невѣста его, Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна, очаровывала всѣхъ красотою. Въ Петербургъ она пріѣхала съ матерью и сестрою, которая послѣ была Королевой Шведской (*).

Наконецъ наступило время бракосочетанія Константина Павловича. Пріѣхала Принцесса съ тремя дочерьми, и я былъ назначенъ находиться при нихъ, именно при особѣ В. К. Анны Ѳеодоровны.

Судьбѣ угодно было, чтобы я былъ дежурнымъ въ тотъ самый день, когда Россія лишилась мудрой Екатерины и воцарился Наслѣдникъ Престола Государь Павелъ Петровичь.

1796 года Декабря 6, въ 3 часа, стали поговаривать, что Императрица не здорова. Можно судить о смятеніи всѣхъ и каждаго.... Государь Павелъ Петровичь прибылъ около 9 часовъ, а въ 9 часовъ и 55 минутъ духъ Екатерины уже парилъ на небесахъ.... Я былъ

(*) Супругъ ея свергнутъ былъ съ престола роднымъ дядей, Герцогомъ Зюдерманландскимъ, котораго чернь въ Петербургѣ называла Сидоръ Ермолаичь.

дежурнымъ у дверей той комнаты, гдѣ лежало тѣло мудрой Владычицы. Предъ этой комнатой сидѣли всѣ сѣнныя дѣвушки, мамушки и камердинеры, и горько плакали по своей благодѣтельницѣ. Вдругъ отворились двери, и Государь съ Государыней пришли на поклоненіе усопшей Это было на другой день въ 9 часовъ утра. Всѣ пали ницъ. Государь, который на милости былъ неподражаемъ, изволилъ сказать: «встаньте, я васъ никогда не забуду, и все остается при васъ.» Мы стали на колѣни. Государь сказалъ намъ: «подите къ Оберъ-Каммергеру Графу Николаю Петровичу Шереметеву.»

Я какъ-то имѣлъ счастіе понравиться Государю, и онъ мнѣ изволилъ сказать, что я поѣду при его свитѣ въ Москву.

И такъ мы отправились. Я ѣхалъ въ запасной каретѣ, и потому никогда не могъ поспѣть во время для услугъ Государю. Желая доказать мое усердіе, я упросилъ Графа Н. А. Зубова, бывшаго тогда Оберъ-Шталмейстеромъ, позволить мнѣ ѣхать съ нимъ впереди, въ саняхъ на лихой тройкѣ, и уже

всегда успѣвалъ.—Въ Москвѣ мы остановились въ Петровскомъ дворцѣ. Государь съ супругой каждый день изволили ѣздить въ Москву, поутру въ Кремль, а ввечеру въ Слободскій дворецъ. По воскресеньямъ Государь ѣздилъ въ церковь Василія Кессарійскаго. Моя милость всегда у колеса верхомъ. Народъ часто останавливалъ коляску, дорога въ Лефортово была прескверная, даль ужасная; оттого постаменту доставалось; но молодости все было ни почемъ! Послѣ коронованія Государь переѣхалъ въ Слободскій дворецъ.

. . . Отсюда мы пустились вояжировать на Смоленскъ, Могилевъ, Вильну, Гродно, Митаву, Ригу и С. Петербургъ. Въ пути бываетъ и хорошо и дурно; но ѣхать было весело, потому что съ Государемъ путешествовали Великіе Князья Александръ и Константинъ со свитою. Государь ѣхалъ въ коляскѣ съ Генералъ-Адъютантомъ Нелидовымъ, который почти всегда уступалъ мѣсто Статсъ-Секретарю для доклада дѣлъ. Въ нашей свитѣ были: Князь Безбородко, Графъ Кушелевъ, Графъ Ростопчинъ, Графъ Кутайсовъ, Нелединскій, Обрѣзковъ; Флигель-Адъютанты: Князь Г.С. Го-

лицынъ и П. В. Кутузовъ; каммеръ-пажи: вашъ покорный слуга и Графъ Сиверсъ; да еше начальникъ кавалергардовъ корнетъ Князь Ѳ. С. Голицынъ. Кавалергарды были еще Екатерининскіе; они сидѣли по бокамъ козелъ съ карабинами.

Станція за станціей, вотъ мы и подъ Смоленскомъ, и ночлегъ нашъ въ селеніи Пневѣ, кажется, верстахъ въ 15 или 20 отъ города. Селеніе было предлинное, грязь ужасная, мостовая бревенчатая, т. е. едно бревешко есть, а пяти нѣтъ, такъ что бокамъ накладно. Для ночлега намъ отвели какую-то большую избу, ярко освѣщенную. Входимъ—Боже мой! армія *прусаковъ*, но безъ Фридриха. Государь сѣлъ за столъ, подали кушать; пошелъ паръ отъ кушанья, пошли и прусаки по потолку, по столу, и ну падать въ супы, въ соусы. Государь былъ удивительно терпѣливъ: но каково-то было знатнымъ, которые боялись прусаковъ пуще волковъ! А Государь и изволитъ говорить имъ: «что же вы не кушаете?»—Морщатся, но ѣдятъ... На другой день въ Смоленскѣ досталось немного, но Государь былъ

веселъ, ибо очень любилъ престарѣлаго Генерала Философова, который былъ Генералъ-Губернаторомъ Смоленска.

На пути въ Минскѣ случилось слѣдующее замѣчательное происшествіе, показывающее доброе сердце Государя. Мы несемся по большой дорогѣ, и вдругъ видимъ молодую барышню и молодаго мужчину на колѣняхъ. Государь остановилъ коляску, сейчасъ вышелъ, подошелъ къ барышнѣ, которая лицемъ была очень хороша, приказалъ ей встать, также и молодому человѣку и спросилъ что ей надобно? Дѣвушка, бывши знатной фамиліи и богатая, любила этого молодаго человѣка; но какъ онъ былъ бѣденъ, то мать не хотѣла выдать за него свою дочь. Юная дѣвушка, узнавши, что Государь изволитъ проѣхать, рѣшилась утруждать его просьбою. Государь далъ ей слово, сейчасъ же велѣлъ достать шкатулку, взялся за сватоство и написалъ къ матери. Запечатавъ письмо, приказалъ фельдъегерю отвезти и доставить отвѣтъ, потому что помѣстье несговорчивой старухи находилось верстахъ въ 3 или 4 отъ большой дороги. Можете себѣ представить, какъ принятъ былъ

такой сватъ и каковъ былъ отвѣтъ! Государь радовался, что случай подалъ ему возможность осчастливить двухъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ Гродно, и какъ тутъ была тогда граница съ Пруссіей, то Государь изволилъ вступить на Прусскую землю, и тѣмъ отдалъ визитъ Прусскому Королю, пославъ къ нему А. Н. Нелидова; а Король Прусскій прислалъ своего адъютанта благодарить за посѣщеніе.

Въ Вильнѣ, Митавѣ и Ригѣ вездѣ были великолѣпные пріемы, балы и смотры войскъ. Хотя и было за что сердиться, но Государь былъ добръ, щедръ и веселъ. Изъ Риги мы благополучно прибыли въ Павловскъ, и Государю угодно было отрекомендовать меня Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и сказать, что я отличный каммеръ-пажъ, и во всю дорогу успокоивалъ его какъ нельзя лучше, прибавя къ этому сіи слова: «вы помните каммеръ-пажа Козлова, который съ нами былъ въ чужихъ краяхъ: онъ былъ отличный пажъ, и Башиловъ точно таковъ же.»

Служба моя часъ отъ часу была для меня счастливѣе. Я не видалъ ни одного косаго

взгляда, хотя былъ во многихъ бурныхъ передѣлкахъ и свидѣтелемъ многаго. Если Государь былъ въ духѣ, то характера былъ самаго веселаго, прекрасно говорилъ и память имѣлъ необыкновенную. Жизнь его была какъ заведенные часы: все шло въ одно время и въ одинъ часъ; воздержность непомѣрная: обѣдъ, два-три блюда—самыя простыя и здоровыя, да чистая Невская водица. На стерляди, мателотъ, труфели, на которыя глаза разбѣгаются, онъ, бывало, только посмотритъ, и часто скажетъ мнѣ: «самъ кушай!» Послѣ говядины толстый мундшенкъ подносилъ ему тоненькую рюмочку вина бургонскаго — и только. Государь вставалъ рано, и въ 6 часовъ былъ уже одѣтъ; въ четверть седьмаго кушалъ чашку левантскаго кофе, и сейчасъ садился за работу; послѣ къ разводу, верхомъ по городу. Потомъ обѣдъ; послѣ обѣда въ коляскѣ или саняхъ, но всегда на какой-либо предметъ, въ больницу или какое богоугодное заведеніе; въ 6 часовъ вечера cercle, въ 9 ужинъ, а въ 10 почивать.—Труды были расположены и исполняемы такъ системически, что стоило только вникнуть, чтобы не попасть

никогда въ отвѣтъ. Я былъ съ небольшимъ годъ каммеръ-пажемъ, (*) но безсмѣннымъ, и ни разу не попался подъ гнѣвъ, хотя, бывъ пажемъ при Екатеринѣ, про службу Гатчинскую понатія не имѣлъ. Положеніе мое часто было затруднительное, но какая-то ловкость и непринужденность меня всегда спасали. Однажды слѣдовало быть большому выходу въ Мальтійскій праздникъ. Государю сдѣланъ былъ Гросмейстерскій долматикъ, епанча и большой токъ съ перьями. За обѣдомъ Государь объявилъ Императрицѣ о своемъ новомъ костюмѣ, и обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «поди надѣть на себя мое платье и приди показать.» Камердинеръ Государя, Кисловъ, который меня очень любилъ, изумился. — «Дослушалъ ли ты хорошенько, Александръ Александровичь? Не быть бы бѣдѣ?»—Подавай долматикъ, мантію и токъ, говорю я. Меня наряжаютъ, шлейфъ мантіи несутъ два скорохода, и я въ пышномъ одѣяніи предстою предъ Его Величество. Всѣ сидѣвшіе за сто-

(*) Т. е. при Императорѣ Павлѣ.

ломъ расхвалили мой костюмъ, и я важно скинулъ Мальтійскую одежду, и надѣлъ свой бархатный кафтанъ съ золотыми швами по всѣмъ галунамъ.

Я Государя любилъ душевно и сердечно; но батюшка мой подалъ Государю просьбу объ отставкѣ, и извѣстилъ меня объ этомъ. Въ одинъ день послѣ обѣда, возвращаясь въ внутреннія покои, Государь, вдругъ остановясь, обратился ко мнѣ: «Батюшка твой идетъ въ отставку?»—Такъ, Государь, отвѣчалъ я: по старости лѣтъ и слабости здоровья. — «Скажи, Башиловъ, чѣмъ его наградить? Этимъ что ли (показывая на ленту) или пенсіей?»— Я отвѣчалъ, что въ старыхъ лѣтахъ пенсія будетъ лучше. Государь приказалъ мнѣ сказать объ этомъ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому для написанія указа, и какъ это было въ Гатчинѣ, то я осмѣлился попросить дозволенія самому отвезти указъ въ Петербургъ. Государь похвалилъ меня, пожаловалъ поцѣловать руку и велѣлъ мнѣ взять придворную коляску.

Въ день рожденія Михаила Павловича судьба моя перемѣнилась, и, сбросивъ съ себя придворную одежду, я облекся въ Преображенскій мундиръ, бывъ произведенъ въ Поручики и назначенъ Флигель-Адъютантомъ къ Его Высочеству. (*)

(*) Потомъ Башиловъ, какъ видно изъ его записокъ былъ посланъ въ Италію къ Суворову, для врученія ему рескрипта на титулъ Князя Италійскагό, отвезъ Сардинскому Королю кредитовъ въ 300 т. рублей и опредѣленъ кавалеромъ при посольствѣ Н. А. Колычева въ Парижъ къ первому консулу Французской республики.

ГУССЕЙНЪ-БЕЙ. (*)

But who is he, whose darken'd brow
Glooms in the midst of general mirth!
(Byron.

«Съ твоей восточною любовью,
«Съ твоимъ полуденнымъ огнемъ,
«И необузданною кровью,
«И неиспорченнымъ умомъ,
«Не подходи къ красѣ холодной,
«Не подходи къ богинѣ модной,
«Кумиру свѣтскихъ мотыльковъ!
«У блѣдной дочери снѣговъ,

(*) Гуссейнъ-Бей, четвертый и любимый сынъ Мегмеда-Али, находился въ Парижѣ, въ Египетской школѣ, основанной его отцемъ, и умеръ тамъ 22-хъ лѣтъ; тѣло его отвезено въ Каиръ.

«Питомицы приличій чинныхъ,
«Рабы удушливыхъ гостиныхъ,
«Ты, смуглый сынъ степей пустынныхъ,
«Пришлецъ съ Египетскихъ песковъ,
«Ты не проси кипящей страсти,
«Невнятной ей, непонятой,
«Въ отвѣтъ на дикій пламень твой!
«Не жди сжигающаго счастья
«Отъ этой гурій земной!
«Смотри, приверженецъ Пророка,
«Забыть готовый свой Коранъ,
«Смотри: вотще ей небомъ данъ
«Приманки чудной талисманъ,
«Въ очахъ ея лучи Востока,
«Въ ея улыбкѣ много чаръ,
«И дышатъ рѣчи упоеньемъ....
«Но разумъ—ненавистный даръ,
«Своимъ мертвящимъ дуновеньемъ,
«Въ груди, знакомой съ отреченьемъ,
«Погаситъ вспыхнувшій пожаръ!
«Ей не слыхать твоихъ призывовъ,
«Не раздѣлять твоихъ порывовъ!
«Въ ней лжетъ и смоль ея кудрей,
«И черный блескъ ея очей,
«И медъ восторженныхъ привѣтовъ.

«Обману сладостныхъ обѣтовъ
«Не поддавайся, сынъ степей!
«Дикарь свободный и безпечный,
«Кому препонъ въ желаньяхъ нѣтъ,
«Смотри, какъ въ ней просторъ сердечный
«Сжимаетъ тягостный корсетъ!...
«Она чужда всѣмъ увлеченьямъ,
«Она живетъ воображеньемъ,
«Она, въ безстрастіи своемъ,
«Душею любитъ, а не кровью!
«Бѣги! таись въ себѣ самомъ,
«Съ твоей восточною любовью,
«Съ твоимъ полуденнымъ огнемъ.»

Такъ говорилъ на шумномъ балѣ
Совѣтникъ мудрый и сѣдой,
Парижскій денди заклятой,
И проводилъ по пестрой залѣ
Лорнетъ неумолимый свой.

Ему внималъ пришлецъ красивый,
Попавшій на блестящій пиръ
Почетнымъ гостемъ вмѣсто дива;
Но юношѣ былъ дивенъ міръ,
Ему открывшійся: въ смятеньѣ

Онъ предавался упоенью;
Въ наукѣ трудной просвѣщенья,
Начавши страстью свой искусъ,
Онъ сознавалъ свое безсилье....
Крутя новорожденный усъ,
Молчалъ онъ.... Дикой воли крылья,
Разгула мощнаго просторъ,
И власть отваги молодецкой,
Все гибло въ узахъ жизни свѣтской,
Все лишнимъ стало.... Жаркій взоръ
Вперялъ онъ грустно, безнадежно
На ту, кто, рѣзво въ вальсъ стремясь,
Кто болтовнѣ пустой смѣясь,
Не знала, что въ любви мятежной
Горѣлъ, томился онъ по ней.

О бѣдный, бѣдный Гуссейнъ-Бей!
Бывало, дома, предъ тобою,
Поникнувъ робко головою,
Твои невольницы толпою
Спѣшили свято выполнять
Приказъ, намёкъ, порывъ, желанье....
Ты властелиномъ гордымъ былъ....
Теперь ты самъ главу склонилъ
Въ нѣмомъ и тщетномъ обожаньи;

Теперь ты сонъ свой позабылъ,
Теперь ты плѣнъ свой полюбилъ!...

И какъ прекрасенъ сынъ Мегмета,
Любимецъ грознаго Паши!
Какъ живы, смѣлы, хороши
Его глаза! .. Мечта души
Сліяньемъ искристаго свѣта
И мрачной тѣни, чудно въ нихъ
Какъ отразилась!... Ловокъ, статенъ,
Высокъ—онъ затмѣвалъ собой
Пигмеевъ модныхъ, и порой
Замѣченъ даже былъ молвой;
Но.... женскій вкусъ вѣдь непонятенъ!
Лишь ей не нравился одной!

II.

Чрезъ мѣсяцъ, утромъ, у камина,
Она сидѣла, весела,
Жива (она не знала сплина,
И львицей скуки не была).
Вкругъ ней и дамы, и поэты
Изъ двухъ предмѣстій собрались.

(Пріемъ дневной, безъ этикета,
Привычкой сталъ большаго свѣта,
И рауты утромъ завелись.)
Тутъ львы изъ Джокей-клуба были,
И Беби-клуба старшины....
И всѣ болтали, всѣ шутили,
Обмѣномъ словъ увлечены.
И кто-то въ шумѣ разговора,
Межъ разныхъ городскихъ вѣстей,
Слегка сказалъ, что Гуссейнъ-Бей
Былъ боленъ, умеръ.... И у ней
Не отуманилися взоры
Слезой участья.... Онъ живой
Былъ для нея всегда чужой,
И чуждъ остался ей въ могилѣ....
И кстати о Пашѣ больномъ,
Сраженномъ въ сынѣ молодомъ,
Съ минутной жалостью потомъ
Ея друзья поговорили.

Но вотъ повѣреный сѣдой,
Знававшій тайну Гуссейнъ-Бея,
О ней вдругъ вспомнилъ: взглядъ тупой
Когда-то милаго злодѣя

Одушевился; какъ трофеи
Непонятаго торжества,
Къ ногамъ слѣпаго божества,
Онъ бросилъ юноши страданья
Въ добычу женской суетѣ....

Отбывшій, словно завѣщанье,
Свои посмертныя признанья
Въ ихъ безъискусстной простотѣ
Ей посылалъ.... Она внимала,
И безотвѣтная дрожала;
Улыбка съ устъ ея слетала,
И поблѣднѣла вдругъ она,
Участья поздняго полна....
Тревожнымъ вздохомъ, тайной думой
Она почтила мертвеца,
И вотъ бесѣда безъ конца
Вдругъ прекратилась.... Видъ угрюмый
Хозяйки разогналъ гостей....

Они ушли.... Стемнѣло.... Ей
Все представлялся Гуссейнъ-Бей,
Все снился пароходъ печальный,
Везущій поѣздъ погребальный

Къ роднымъ пустынямъ и пескамъ....
Ея душѣ, ея мечтамъ
И милъ, и близокъ сталъ мгновенно
Поклонникъ страстный и смиренный,
Почившій съ думой сокровенной
О ней, о ней одной.... Потомъ
Въ ней сердце обливалось кровью
При мысли, что въ краю чужомъ
Лишь тотъ, кто былъ ей незнакомъ,
Любилъ ее нѣмымъ рабомъ,
Своей восточною любовью,
Своимъ полуденнымъ огнемъ.

Гр. Е. Ростопчина.

1849.
Ноября 16

ПРОГУЛКА ПО АППЕНИНАМЪ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ РИМА,

въ 1830 году.

29-го Апрѣля. Четвергъ. Изъ Римской заставы, Porta Maggiore, которая впускаетъ въ Римъ воду Клавдіеву и новый Аніо, мы, древней дорогой Лабиканской, отправились въ Палестрину. По этой дорогѣ, думаютъ, была вилла Регула, гдѣ онъ, окруженный воздухомъ нездоровымъ, обработывалъ свое неблагодарное поле. Мы проѣхали мимо знаменитаго озера Реджилло, гдѣ происходила битва между Латинскими народцами и Римлянами; здѣсь диктаторъ, Авлъ Постумій, одолѣлъ навсегда Тарквиніевъ и покорилъ Риму его Латинскихъ сосѣдей; озеро похоже на болото—и ландшафтъ въ книгѣ Нибби (Путе-

шествіе по окрестностямъ Рима) существуетъ болѣе въ одномъ его воображеніи. Лабико, древняя колонія Албанская, нынѣ называется Колонною. Она славна была издревле своимъ виноградомъ, котораго Каракалла ежедневно съѣдалъ по 20 фунтовъ, съ прибавкою ста персиковъ Кампанскихъ и десяти дынь Остійскихъ. Близъ этого мѣста въ Сан-Чезарео (San-Cesareo) была вилла Юлія Цезаря, гдѣ онъ сдѣлалъ свое духовное завѣщаніе. Винограду и теперь много: онъ уступами стелется съ покатаго поля. Прекрасныя деревья, укутанныя плющемъ, предлагаютъ прохладу страннику. Этотъ виноградъ живо припоминаетъ сравненіе Виргилія со строями войска и, по совѣту его, растетъ на мѣстѣ, весьма доступномъ солнцу. Странно, что Виргилій, говорящій о супружествѣ винограда съ деревьями, не говоритъ о гирляндахъ его; стало быть, ихъ тогда не было. Неужели это красивое сажаніе Вакхова плода принадлежитъ неизящнымъ временамъ среднимъ? — Оттуда мы поѣхали въ Загароло (Zagarolo): въѣздъ — прекрасная аллея. Это древній Педумъ (Pedum); дворецъ принадлежитъ фамиліи Руспильози. —

Палестрина, древняя Пренеста (Preneste), славная прорицательнымъ храмомъ Фортуны, вытягивается вверхъ по крутой горѣ, потомъ прерывается голыми скалами и, наконецъ, на самой вершинѣ является цитаделью. Это также колонія Албанская, выведенная при Латинѣ Сильвіи. Она долго сражалась съ Римлянами. Во время войнъ Силлы и Марія, она приняла сторону послѣдняго, но строго была наказана первымъ. Онъ почти всѣхъ ея жителей велѣлъ умертвить, исключая своего хозяина, но и этотъ не хотѣлъ отстать отъ соотчичей. Воздухъ ея прекрасный. Ее любилъ Августъ; здѣсь Горацій перечитывалъ вновь Гомера; здѣсь Тиверій вылечился отъ болѣзни; М. Аврелій потерялъ своего семилѣтняго сына, Вера; но всего важнѣе, здѣсь былъ древній и всеуважаемый храмъ Фортуны, о происхожденіи котораго Цицеронъ разсказываетъ чудеса. Силла превратилъ весь городъ въ этотъ храмъ, такъ, что онъ занималъ всю гору. Нижнія стѣны служили ему основаніемъ: онѣ и теперь видны, и два рыбника (piscinae) или пруда по обоимъ бокамъ. Храмъ-городъ состоялъ собственно изъ

трехъ этажей; верхній былъ полукруглый портикъ; форма его сохранилась въ формѣ фасады дворца, на мѣстѣ сей части храма построеннаго и принадлежащаго Барберини. Остатки колоннъ, капителей, оснований, еще ясно въ немъ видны. Въ этомъ же дворцѣ мы видѣли на стѣнѣ написанную модель древняго храма, сдѣланную при Урбанѣ VIII Барберини. Сомнѣваюсь въ ея вѣрности. Художникъ Русскій, Тонъ, возсоздалъ это чудо древняго міра, этотъ храмъ-городъ, въ своемъ воображеніи. Во второмъ этажѣ мы видѣли также остатки колоннъ и древній жертвенникъ (не главный, а второстепенный): мѣсто превращено въ погребъ. — Кстати о дворцѣ: онъ удивительно заброшенъ. Мозаикъ древній, изображающій разлитіе Нила, и старинныя картины, всѣ въ пыли. Почти нѣтъ оконъ. Большіе камины. Терраса, гдѣ изображенъ храмъ, очень хороша. Отсюда видъ великолѣпный. Когда существовалъ храмъ, — что это было за чудо! Онъ обращенъ былъ къ морю, которое вдали синѣетъ какъ туча, на краю огромной долины, объятой съ двухъ сторонъ двумя горами! Какъ бы посмотрѣлъ

на него! Не даромъ храмы Фортуны всегда обращались къ морю: Горацій называетъ ее владычицею водъ (Dominam aequoris). — Палестрина въ Средніе вѣка принадлежала фамиліи Колоннѣ, и служила яблокомъ раздора между ими и Папами. Папы, какъ извѣстно, также какъ и прочіе монархи Европы, воевали съ феодализмомъ и проклятіями церковными громили упорныхъ вассаловъ. Вотъ почему всѣ эти маленькіе городки, или мѣстечки, или деревеньки, торчатъ на вершинахъ горъ Аппенинскихъ. Они очень живописны, особенно Субіако, который восходитъ по горѣ, и, можно сказать, свѣтѣетъ издали. Часто, на горной выси видишь оставленный замокъ. Удивительно, какимъ образомъ, во время осадъ, они могли доставать себѣ воду, потому что во многихъ мѣстахъ надобно за нею идти съ милю, а иногда и три — Вотъ почему названія всѣхъ этихъ деревень большею частію: Monte (гора), Rocca (скала), Castel (замокъ), Tor (башня) и проч. Многія имена перековерканы изъ древнихъ. По крутой горѣ, гдѣ видны слѣды нѣкогда текшей лавы, мы

взошли въ цитадель: за нами слѣдовала скучная, привязчивая толпа мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые встрѣчали насъ повелительными криками: date mi qualche cosa (дайте мнѣ что-нибудь), а съ горы провожали каменьями. Вообще Палестрина, кажется, бѣдна. Съ цитадели открылся видъ незабвенный: съ одной стороны огромное поле Римское, на которомъ виденъ былъ только неизбѣжный Св. Петръ, какъ полукругъ на небосклонѣ; двѣ горы и межъ ними огромная долина, идущая отъ древняго храма-города прямо къ морю. Съ другой стороны взрытые Аппенины, ужасно-безплодные, пепельнаго цвѣта, къ вершинамъ коихъ прилѣплены города, изъ тѣхъ же камней нескладно смазанные руками человѣческими. Аппеннины вездѣ кончаются Абруццами, по чернымъ вершинамъ которыхъ бѣлѣютъ снѣжныя полосы. Иногда гору вѣнчаетъ бѣлое облако. Въ сторону Рима, видны Коллація, Габіи и озеро Реджилло; напротивъ, Монте-Порціо, Колонна, Рокка-Пріоре; направо. Монте-Фортино, Валмонтоне, Паліано, Дженаццано, Каве, Ананьи. Сзади Рокка ди Каве, Капраника, Поли (древняя Воля) и Тиволи. Кап-

раника очень бѣдна, и Рокка ди Каве также: воды отъ нихъ на три мили внизу. И такъ, мы начали путешествіе широкимъ взглядомъ на все окружающее. Горы къ Неаполю напоминали мнѣ горы Кастелламаре. Въ церкви цитадели картина хорошая Піетро ди Кортона: Спаситель, дающій ключи Св. Петру Апостолу и поручающій ему овецъ своихъ. Насъ угощалъ въ Палестринѣ антекарь Грамиччіа, человѣкъ весьма ученый по многимъ частямъ, пріятный въ разговорѣ, знающій подробности Русской географіи. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ, что укушеніе змѣи-виперы, только троекратное, смертельно; что змѣи въ Фонтенеблю вреднѣе здѣшнихъ; что къ нему однажды мужикъ приносилъ виперъ для бульона, живыхъ у груди, за поясомъ. Вечеромъ, мы отправилися въ Каве, прекрасное мѣстечко въ долинѣ, укрытой горами. Оно славится торговлей, ибо черезъ него идетъ дорога въ Неаполь. Видно довольство и радушное гостепріимство, пріютившееся въ Аппенинахъ. Здѣсь оно начинается. Мы ужинали у г. Мастриколы, богатаго помѣщика, и провели у него ночь. Онъ угощалъ насъ, со всею

ласкою добраго Русскаго помѣщика, просто не зная чѣмъ угостить: свѣжій, розовый и сѣдой старикъ, похожій на веселаго Силена. Каве сла́вится каштанами, которые отправляются въ Римъ. Долина Каве, съ зелеными горами по обоимъ бокамъ, прекрасна. Новый мостъ и недостатокъ нищихъ показываютъ, что промышленность здѣсь жива. За́мокъ принадлежалъ Колоннамъ.

30-го Апрѣля. Пятница. Подеста́ Каве насъ рекомендовалъ Подестѣ Олевано. У моста, къ которому мы ѣхали прекрасной галлереей густыхъ дубовъ, насъ ожидали кони и мулы, и нѣсколько поселянъ съ заряженными ружьями, а въ заключеніе и самъ Подеста́. Мы отправились въ Оле́вано, отпустивъ свой экипажъ. Дорога плодоносная, обильная хлѣбомъ, виноградниками, вишнями и другими фруктовыми деревьями. Плодовитость почвы доказывается тѣмъ, что здѣсь, не такъ какъ въ Римѣ, виноградъ кустами, а цѣлыми деревьями, искривленными, то обнимаетъ другія деревья, то растетъ самостоятельно, или лучше сказать, потягивается, потому что

очень похожъ на искривленнаго потяготой человѣка. Какое сходство до сихъ поръ съ обработываніемъ винограда, описаннымъ въ Виргиліевыхъ Георгикахъ! Поэтъ предписываетъ сажать виноградъ или часто, или рядами, какъ строи войска. — Кстати сказать, что со мной въ дорогѣ были Виргилій, Овидій (Fasti), и Ливій. Перваго читалъ я преимущественно, изъ Овидія мало, а изъ Ливія прочелъ на мѣстѣ битву при озерѣ Реджилло; мѣста измѣнились, но гора, занятая Римлянами, и теперь еще велика. Думаю, что всѣ горы садятся въ землю и понижаются, какъ зданія, потому что вѣдь тяготятъ же онѣ къ землѣ. — У поселянъ Италіянскихъ обычай, вмѣсто нашихъ плетней, ограждать поля кустами; они пересаживаютъ ихъ съ горъ и изъ лѣсовъ, и съ нѣкоторыхъ собираютъ плоды. Эти кустарники, сажаемые во рвахъ и растущіе отъ корня, а иногда и отъ простыхъ вѣтвей (такъ плодовита почва), разрастаются очень высоко и весьма разнообразны. Тутъ разнаго рода шиповники: spina novella, ventosa, и пр., съ какими-то бѣлыми цвѣтами, на подобіе вишни, запаха мѣ-

доваго; кусты шелковничника, на которыхъ бываютъ ягоды черныя (mori); дикіе розаны, бѣлаго, краснаго, розоваго и тѣлеснаго цвѣта; chèvre-feuille (cuculio); сливнякъ, грушнякъ (pruncaccie, peraccie); между ними иногда кусты душистаго дрока (genista), который вообще любитъ мѣста каменистыя и горы; иногда же разрастается цѣлыми куртинами и пріятно золотится издали. Да, лучшія шелковичныя деревья въ Загароло и въ Олéвано, гдѣ есть шелковая фабрика. Мужики ужасно коверкаютъ имена и вмѣсто querce говорятъ cerque, вмѣсто alloro не помню какъ-то странно: коверкаютъ уже исковерканное съ Латинскаго. Къ кустарникамъ еще надобно отнести sambuco—бузину, cruniali съ какимъ-то кислымъ плодомъ, scopillo, съ бѣлымъ цвѣтомъ, и миртъ. Бузины много, когда подъѣзжаешь къ Олéвано; также на озерѣ Неми, а миртовъ около Субіако. Листъ дуба Италіянскаго гораздо мельче нашего. Ужъ вишня поспѣла въ Олéвано. Тамъ все спѣетъ мѣсяцемъ ранѣе, чѣмъ въ Субіако. Страна прекрасная! Большая часть земли Олéвано принадлежитъ Князю Боргезе. Такъ какъ Подеста (по имени Cap-

тори) самъ провожалъ насъ, то жители приготовили пріемъ великолѣпный: встрѣчали выстрѣлами изъ ружей, сдѣлали арки изъ миртовъ и нарядныхъ платьевъ, останавливали меня и просили за труды. Изъ всѣхъ домовъ высыпали поселяне всякаго возраста и стояли по дорогѣ. Одна мать подвела къ окну двухъ мальчиковъ, прекрасныхъ какъ амуры. Мы, тріумфальной дорогой, сквозь безотвязную толпу, пробрались къ дому Синьоры Балди, стоящему на прекрасномъ мѣстѣ. Сюда приходятъ пейзажисты. Нѣкоторые изъ нихъ, именно Нѣмцы, оставили на стѣнѣ собраніе своихъ портретовъ, весьма недурное. Они же написали картину, изображающую деревянныя доски: сходство удивительное съ деревомъ! Signora Baldi ходитъ какъ мѣщанка, въ народной одеждѣ. Мы смотрѣли на видъ, недалеко съ горы. Видны горы Серпентана, Чивителла, Палліана, Ананьи' Санневито, Веллетри; особенно хороши сизыя скалы, и къ нимъ какъ будто прилѣпленныя козы, и при нихъ пастухъ, весьма живописный. Но когда изъ Олѣвано ѣдешь къ Субіако и подымешься на горы, то открывается

видъ еще прекраснѣе, оживленный всею роскошью Италіянской растительности. Тутъ деревья разнообразныя, вдали сливающіяся въ одинъ цвѣтъ, кромѣ оливъ, примѣтно кладущихъ свои сѣдыя тѣни между яркою зеленью, кромѣ золотистыхъ куртинъ дрока и ковровъ шитаго изъ разныхъ лоскутьевъ поля. Но вотъ, какъ будто какимъ-то чудомъ, видъ измѣняется. Съ другой стороны, открываются снова безплодныя, лысыя горы; изрѣдка, какъ остатки волосъ на головѣ старика, рѣдѣютъ деревья; по камнямъ насѣянъ хлѣбъ, разчесанный промежуточными рядами, какъ голова у жидковолосой дѣвы. Страшное безплодіе горъ! Сколько пустой и праздной почвы! Какія-то развалины природы! Какіе-то тощіе, исполинскіе скелеты, накиданные когда-то! И какая противоположность съ другою стороною, цвѣтущею и разнообразною! — Но съ горы ведетъ васъ еще прекрасная галлерея каштановыхъ деревьевъ, густая, непроницаемая: это лучшіе каштаны изъ всѣхъ мною видѣнныхъ около Рима: листъ зеленый, густой, а когда цвѣтутъ, то болѣе цвѣтовъ, чѣмъ листьевъ, и цвѣтъ бѣлый, душистый,

длинный. — Отъ Олéвано до Субіако 4 часа ѣзды. Дорога ужасно крута: то поднимаешься вверхъ, то опускаешься внизъ. Въ серединѣ мѣстечко Роіоти: что за ужасъ! что за бѣдность! какія мазанки безъ оконъ! — Спускаясь къ Субіако, видишь впереди Понцу (Ponza), и Афиле.—Мнѣ говорилъ проводникъ, что въ Афиле славное вино, а Понца бѣдна, потому что въ ней родится только хлѣбъ, а нѣтъ плодовитыхъ деревьевъ, какъ у нихъ въ Олевано. Крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что у нихъ мальчика женятъ не прежде 18 или 19-ти лѣтъ, а дѣвушка прежде 16-ти не выходитъ замужъ, не смотря на то, что на югѣ скорѣе зрѣютъ люди, и долѣе остаются на одной точкѣ зрѣлости. — Когда подъѣзжаешь къ Субіако—видъ хорошъ. Это гора-городъ, которой вершина зáмокъ, но вокругъ его ужасно безплодныя горы. Въ немъ много оливъ, но не какъ въ Тиволи. — Дорогой я сорвалъ бѣлый цвѣтокъ, называемый viola di montagne; много розовыхъ скороспѣлокъ, цвѣтущихъ подъ кустами (viola di primavera), похожихъ на крылатыхъ мушекъ: вотъ, кажется, сорвется со стебля, расправитъ ле-

нестки, какъ крылышки, и полетитъ.—Проводникъ мнѣ сказывалъ много простонародныхъ именъ растеній, напр. sarge (верба, ивнякъ), древняя salicta, изъ которой дѣлаютъ корзинки, schioppi тополи, растущіе по берегу Аніо. Этого Аппеннинскаго жителя я въ первый разъ увидѣлъ въ Субіако Онъ здѣсь много шумитъ, какъ и во всѣхъ Аппеннинахъ, наполненныхъ его шумомъ. Въ Субіако на немъ бумажная фабрика, желѣзный заводъ, мельницы для хлѣба, для gran-turco, толчеи для масла, которое въ Субіако хорошо, но уступаетъ Тиволійскому. Субіако былъ древній Sublaqueum, гдѣ находилась вилла Нерона, но объ этомъ завтра. Мы по горѣ всходили въ городъ, и остановились въ гостинницѣ, довольно неопрятной; лучшей не было.

1-го Маія. Суббота. Берегомъ Аніо мы отправились въ Сан-Бенедетто или San-Speco, по крутой горѣ. На дорогѣ видѣли остатки бань Нероновыхъ и дворца, по обѣимъ сторонамъ рѣки, и развалины моста, ихъ соединявшаго. Неронъ весьма любилъ эту виллу. Сюда удалялся Св. Бенедиктъ, весьма молодъ,

по окончаніи ученія, и жилъ тамъ, гдѣ теперь монастырь. По дорогѣ къ нему есть еще другой монастырь, святой Схоластики, сестры Бенедикта; онъ ею основанъ; прежде былъ женскимъ, а послѣ превращенъ въ мужеской, когда который-то изъ Папъ запретилъ женскимъ монастырямъ быть внѣ городовъ. Неподалеку виденъ еще монастырь Капуцинскій съ рощею, гдѣ умерла св. Схоластика. Въ Santa-Scholastica, говорятъ, много интересныхъ манускриптовъ; но мы, къ сожалѣнію, о томъ узнали послѣ. Въ Сан-Бенедетто входишь галлереей вѣчно-зеленыхъ, неувядающихъ дубовъ. Она подлѣ открытой и жаркой дороги. Монастырь встроенъ въ скалу. Храмы его весьма старинные; живопись напоминаетъ нашу Греческую. Показываютъ пещеру, гдѣ жилъ св. Бенедиктъ; за алтаремъ видна его статуя, художникъ ея Бернини; святой представленъ молящимся на колѣнахъ. Тутъ же мѣсто, гдѣ онъ спалъ, и корзинка, сдѣланная изъ мрамора, въ память той, изъ которой онъ вкушалъ дикіе плоды. Онъ убѣжалъ сюда изъ монастыря Сан-Козиматто, гдѣ мы еще будемъ. Возлѣ той пеще-

ры рядомъ другая, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ братіею и преподавалъ ученіе Христово. Здѣсь посѣтилъ его св. Сильвестръ Папа, и видна его сидящая статуя. Св. Сильвестру посвятилъ онъ этотъ монастырь, изъ 12-ти все имъ же основанныхъ. Тутъ же я замѣтилъ на стѣнѣ повѣшенное изломанное ружье, и одна женщина разсказала намъ, что ея племянникъ, охотникъ съ ружьемъ, приходилъ помолиться святому, что курокъ сорвался, ружье разорвало, куски выломали стѣну, а у него былъ ушибенъ только палецъ: онъ приписалъ это чуду святаго и повѣсилъ въ пещерѣ остатки ружья. Въ Италіи, весьма часто видишь у образа Мадонны множество кинжаловъ, пистолетовъ и разныхъ смертоносныхъ орудій: это жертвы, приносимыя народомъ Пресвятой Дѣвѣ. Иной, убѣжденный проповѣдью монаха, отказывается отъ смертоубійства, которое было замыслилъ, и посвящаетъ орудіе пагубы Богу. — Мы вышли на террасу, гдѣ растутъ прекрасныя, но сверхъ того и святыя розы. Св. Бенедикта хотѣлъ искусить дьяволъ и предсталъ ему въ видѣ женщины; онъ, чтобъ избѣжать искушенія, нагой, бросился на ко-

лючій шиповникъ, который послѣ Франдис-комъ превращенъ былъ въ розаны. Одна картина изображаетъ, какъ св. Франдискъ прививаетъ розы, а другая, какъ св. Бенедиктъ бросается на терны. Монахъ одѣлилъ всѣхъ насъ розами. Преданіе граціозное!— Мы смотрѣли съ террасы, близкой къ монастырю, на видъ Субіако: горы страшно-безплодныя и природа сухая. На возвратномъ пути, укрывшись подъ деревья, мы завтракали. Здѣсь нашли скинутую чешую змѣи; змѣи всякій годъ мѣняютъ свою сорочку. Въ Италіи, часто, идешь или ѣдешь кустами и слышишь вдругъ запахъ мускуса: это означаетъ близость змѣи. Онѣ нерѣдко прячутся въ этихъ кустарникахъ. Иногда жалятъ поселянъ, собирающихъ ягоды. Вечеромъ, мы были въ церкви Субіако, гдѣ ничего не встрѣтили примѣчательнаго, кромѣ проповѣди, которую говорилъ аббатъ и въ которой разсказывалъ, какъ онъ во снѣ сходилъ въ чистилище и видѣлъ тамъ страданія какихъ-то пяти душъ. Потомъ мы заходили въ домъ къ г-ну Мастриколѣ, который далъ намъ славнаго проводника въ Треви и рекомендательное

письмо въ Арсоли. Этотъ проводникъ, по имени Луиджи, охотникъ, знающій всѣ ущелья горъ Аппенинскихъ, водилъ карабинеровъ Папы на разбойниковъ, и при немъ совершилось убіеніе одного изъ главныхъ, Минорчи. Онъ вмѣстѣ съ г-мъ Мастриколой разсказалъ много занимательныхъ подробностей на ихъ счетъ. Вотъ онѣ. Пять было главныхъ разбойниковъ: Анджело Фама, который былъ башмачникомъ, Гаспароне, Де-Чезарисъ, Минорчи и Барбоне. Всякій, совершившій какое-нибудь убійство, шелъ въ разбойники, избѣгая закона. Бушевали они въ горахъ и по всѣмъ большимъ дорогамъ Италіи. На лѣто уходили въ горы, а на зиму къ морю отъ холода. Пищу имъ носили крестьяне. Черезъ пастуховъ и поселянъ, которыхъ они не трогали, имѣли они сношеніе съ родственниками похищенныхъ. Одежда ихъ—мужская: остроконечная шапка, перевязанная множествомъ пестрыхъ лентъ, платокъ около шеи съ кольцами, корсетъ или куртка бархатная голубая, съ пуговицами и галунами, жилетъ красный, штиблеты и сапоги (родъ ботфортовъ) съ пуговицами, трое и болѣе часовъ, кинжалы,

пистолеты. У нѣкоторыхъ были жены. Ихъ одежда: корсеты (corpetti) съ золотомъ, разстегнутые съ боковъ, съ пуговицами, лентами и галунами; много кораллов на шеѣ; покрывало закинутое, бѣлое, съ разными лентами, булавка въ волосахъ, юбка коротка, синяя, съ золотыми коймами. Разбойники брали женщинъ, стариковъ, дѣтей; требовали по 1000, по 1500 піастровъ, которые доставлялись имъ чрезъ крестьянъ и пастуховъ; жили въ горахъ и лѣсахъ; домовъ у нихъ не было. Они взяли сына Бальди въ Олевано—и не хотѣли брать серебра, а все давай имъ золота, какъ говорилъ проводникъ; отецъ выкупилъ сына за 1500 піастровъ. Пеши, одинъ богатый помѣщикъ, не хотѣлъ давать имъ денегъ; они за это убили 500 барановъ изъ его стада, и пастуху отрубили голову такъ, что тѣло нашли въ одномъ мѣстѣ, а голову въ другомъ. У одного Нѣмецкаго капитана отняли 33,000 скуди и большой золотой крестъ. Семинаристовъ въ Террачинѣ похитили и убили, двухъ почти младенцевъ, потому что они не въ силахъ были идти. Камалдулскіе монахи были также ими похищены. Взяли

одного священника гдѣ-то убили; но за это, говорятъ, атаманы наказали убійцъ. Къ обѣдни они никогда не ходили. Притонъ разбойниковъ былъ около Арчинацци (Arcinazzi); это большая долина на горахъ, недалеко отъ мѣстечка Треви и источника Аніо того же имени, лежащая высоко и окруженная лѣсомъ. Жили они во всякомъ изобиліи. Въ гостинницахъ всегда платили втрое. Атаманъ не бралъ ничего лишняго противъ своихъ подчиненныхъ; но были на немъ лишнія противъ другихъ украшенія. Безъ приказу его ни на шагъ не смѣли. Но между шайками было взаимное недовѣріе. Вотъ главная ихъ характеристика. Самые злѣйшіе были Гаспароне и Минорчи, красавецъ и молодъ. Минорчи убилъ младенцевъ, о которыхъ говорено прежде. За ними Де-Чезарисъ. Всѣ трое-кровожадные. Первые двое разбойничали болѣе въ горахъ, по дорогѣ Неаполитанской, около Субіако, откуда нельзя было выйти безопасно; послѣдній около Каннно. Онъ-то хотѣлъ похитить Луціана Бонапарта, и, принявши за него его живописца, взялъ его.

Живописецъ былъ выкупленъ, и разсказывалъ самъ, не рѣдко въ обществахъ, свою исторію. Анджело Фама не былъ кровожаденъ, не любилъ убивать народъ. Онъ былъ женатъ, уже разбойникомъ, и жена его была чудо-красавица. Разбойничалъ около Витербо. — Барбоне, такъ названный по огромной бородѣ, ибо у прочихъ бороды не было, а большіе бакенбарты, — былъ добрѣе другихъ, разбойничалъ одинъ, никогда не убивалъ людей, а только отнималъ у нихъ деньги и даже часто раздавалъ ихъ бѣднымъ: за это онъ, когда сдался, прощенъ былъ Папою, — и только сосланъ въ крѣпость Сан-Леоне. Онъ бушевалъ около Веллетри, гдѣ была его жена, — и всегда одинъ. Онъ не любилъ прочихъ разбойниковъ, и не хотѣлъ пристать къ нимъ, не смотря на ихъ просьбы. Начальникъ карабинеровъ былъ Бентиволіо. Истребленіе разбойниковъ продолжалось пять лѣтъ: началось при Гонзальви, а кончилось при Львѣ XII. Завелись же они послѣ Французовъ. Выданъ былъ указъ; если кто понесетъ разбойникамъ ѣсть, тотъ будетъ разстрѣлянъ, — и исполнялся строго. Первый былъ взятъ Де-Чеза-

рисъ; когда товарищи его были уже изловлены, — онъ блуждалъ одинъ и пришелъ однажды въ домъ къ дѣвушкѣ, которую любилъ страстно. Мать не знала что́ дѣлать и выбѣжала просить помощи; случайно встрѣтились карабинеры, которые вошли въ домъ и взяли злодѣя. Втораго истребили Фаму. Онъ пировалъ въ мѣстечкѣ Пассо ди Ріэти (Passo di Rieti), въ домѣ одного купца, съ товарищами и женою; танцовали, пѣли, ѣли ветчину, сыръ (precinto, formaggio), какъ говорилъ Луиджи. Когда замѣтили они приближеніе войска, то заперли всѣ двери. Началась перепалка; осада длилась сутки — и осажденные истощили всѣ заряды. Надобно было сдаваться. Анджело Фама зажегъ домъ. Карабинеры подставили лѣстницы и говорили: кто хочетъ, сдавайся. Всѣ сдалися, кромѣ Фамы, и первая—женщина. Фама между тѣмъ бросалъ всѣ сокровища въ огонь, чтобы ничто не досталось врагу, рвалъ съ жены украшенія, обрѣзалъ ея прекрасные волосы, чтобы обезобразить ее, бросилъ все въ огонь-же,—и самъ сгорѣлъ съ домомъ. — За нимъ погибъ Минорчи въ горахъ. Луиджи былъ свидѣте-

лемъ его смерти, и изъ суммы, данной за нее карабинерамъ, получилъ 35 піастровъ. Коровникъ (съ позволенія сказать, какъ выразился Луиджи), носившій къ нимъ ѣсть въ продолженіе трехъ лѣтъ, увѣдомилъ карабинеровъ, что Минорчи близко въ горахъ и проситъ ѣсть. Минорчи, замѣтивъ солдатъ, прислонился къ дубу и сталъ стрѣлять; защищался долго, но истощилъ наконецъ весь свой патронташъ; ему самому пуля попала въ ногу; онъ упалъ въ оврагъ, гдѣ отрѣзали ему голову. Это было въ Январѣ мѣсяцѣ. — Сдался Барбоне. Наконецъ Гаспароне остался въ горахъ съ семью товарищами. Онъ замѣчалъ въ своей шайкѣ Витторіо, который, сдѣлавшись боленъ, оставленъ былъ товарищами и умеръ неизвѣстно гдѣ. Гаспароне сдался послѣ всѣхъ, побѣжденный голодомъ, и содержится въ крѣпости Св. Ангела, гдѣ находится и жена Фамы. Домы всей ихъ родни были разрушены, и вся родня сослана на острова.

2-го Маія. Воскресенье. Утромъ, очень рано, отправились мы къ источнику Аніо, Треви. Ѣхали на мулахъ, все низомъ горъ, у самаго

потока. Только вершины ихъ освѣщались еще невиднымъ солнцемъ; но мало по малу тѣни спускались къ низу. Аніо наполняетъ шумомъ своимъ всѣ Аппеннины. Эйзакъ въ Тиролѣ его быстрѣе, но и онъ хорошъ. Горы большею частію безплодны, каменисты. Но по берегамъ Аніо много растительности и деревьевъ прекрасныхъ: тутъ я замѣтилъ лучшія Грецкія орѣшины (noce).—Мостъ, гдѣ потокъ дѣлится на двѣ части, называется Куминаки (Cuminachi). Наконецъ мы доѣхали до Треви, сошли съ горы на лужайку, по которой катилась новорожденная вода, и, послѣ немногихъ трудностей, перешагнувши воду, достигли пещеры, или колыбели Аніо. Вода очень глубока въ ней, до половины человѣку, и прозрачна какъ воздухъ: чистота удивительная! какъ душа младенческая! Проводникъ сказалъ намъ: что бы съ жару напился этой воды, тотъ бы умеръ. Такъ холодна она. Пещера очень живописна, и вода уходитъ въ глубину ея. И такъ мы были въ гостяхъ у нимфы Кирены, гдѣ Аристей, по словамъ Виргилія въ его Георгикахъ, видѣлъ истоки Аніо (unde Aniena fluenta.) Вдали замѣтна деревенька Треви, также

на горѣ, а на небосклонѣ снѣжныя горы, гдѣ еще другой высшій источникъ Аніо, по имени Ферентина. На возвратномъ пути мы поднялись на горы—и открылся видъ прекрасный, напоминавшій Тироль. Какъ дивно облака рисуются на долинѣ и на горахъ безплодныхъ! Это мнѣ напоминало, какъ они рисовались на голомъ оставѣ Везувія, особенно издали. Мы выѣхали на долину и подъѣхали къ гостинницѣ (остеріи) Арчинацци, близъ которой находится разбойничья гора, о чемъ говорено прежде. Трактирщикъ былъ немного пьянъ и подчивалъ насъ хорошимъ виномъ. Онъ разсказывалъ, что ему часто доставалось отъ разбойниковъ и солдатъ; и посаженъ онъ былъ въ тюрьму, за то, что кормилъ ихъ, а они ему платили всегда втрое. Оттуда мы ѣхали долго долиною, на большомъ возвышеніи, и стали спускаться около Понзы и Афиле: намъ сказали, что прежде жители Понзы шалили, выходили въ маскахъ и грабили проѣзжающихъ, но теперь они унялы. Тутъ открылись виды прекрасные. Наконецъ мы возвратились въ Субіако. Дорогою, Луиджи показывалъ намъ многія мѣста, на которыхъ

совершились убійства во время преслѣдованія разбойниковъ. Онъ же выражался объ горномъ вѣтрѣ: вѣтеръ родится здѣсь и здѣсь же умираетъ (il vento qui nasce e qui muore).

3-го Маія. Понедѣльникъ. Утромъ мы пошли къ каскателлѣ (водопаду) Субіано. Много травъ и цвѣтовъ по берегу. Мѣсто водопада прекрасное, но водопадъ есть только эпизодъ. Герой же пеизажа—гора и въ нее вставленный монастырь Сан-Бенедетто. Здѣсь часто трудятся артисты.—Мы выѣхали изъ Субіано въ Арсоли. По дорогѣ находится Acqua Claudia. Какая прекрасная долина открылась! какіе виноградники! А за нею самая долина Арсоли еще лучше, неподражаема. Приближаясь къ мѣстечку, которое лежитъ на горѣ, но не такъ высоко какъ прочія,—мы ѣхали галлереей дубовъ, какихъ я еще не видалъ въ Италіи. Это дубы—патріархи, Маѳусаилы. Иные всѣмъ объемомъ вѣтвей своихъ наклонились надъ долиною, и между ними, и въ вѣтвяхъ ихъ чудные пеизажи на долину, усѣянную разнаго рода деревьями, кой-гдѣ оливами. Вотъ эпитеты къ симъ послѣднимъ:

сѣдыя, сѣрыя, безтѣнныя, сквозныя, прозрачныя; удивляюсь, какъ Виргилій имъ давалъ только два эпитета: tarda и pinguis. Въ Арсоли онѣ прекрасно разнообразятъ оттѣнки ландшафта. Въ Тиволи ихъ уже слишкомъ много. Мы остановились въ домѣ г. Марчелли. Нигдѣ не были мы такъ радушно приняты. Что̀ за видъ на долину и на горы изъ ихъ дома! Направо видна гора Св. Иліи (Monte Elio), изъ коей выходитъ Acqua Marcia. Арсоли прохлаждено водою, не такъ какъ другіе за̀мки. Налѣво видны на горѣ развалины забытаго за̀мка. Арсоли не древняя Карсеоли (Carseoli), которой мѣсто мы увидимъ завтра. Воздухъ прекрасный, здоровый. Нигдѣ такъ хорошо я не спалъ, какъ здѣсь. Вотъ тутъ-то бы пожилось мнѣ. За̀мокъ принадлежитъ фамиліи Князей Массимо. Аббатъ, дядя хозяина, старикъ 70-ти слишкомъ лѣтъ, но здоровый, свѣжій, говорунъ и ходокъ, показалъ намъ садъ и за̀мокъ. Прекрасные кипарисы: какіе прямые и еще свѣжіе! Италіянскія сосны также хороши; одну, въ симметріи стоявшую съ другою, разбила молнія, и близнецы разлучились. Прекрасная аллея зеленыхъ дубовъ!

Въ замкѣ показали намъ комнаты Филиппа Нери, народнаго святаго, который воскресилъ одного изъ фамиліи Массимо. Такъ разсказалъ намъ аббатъ это чудо: Филиппъ былъ при умирающемъ больномъ и собирался идти служить обѣдню, окончивъ исповѣдь и причастивъ отходящаго; его просили повременить, но онъ не хотѣлъ, увѣряя, что онъ не умретъ; но больной умеръ; пошли за святымъ; онъ пришелъ и воскресилъ умершаго, который, сказавши ему, что онъ позабылъ исповѣдать ему какой-то грѣхъ, покаялся и опять пожелалъ умереть, чтобы пойти въ рай къ своей матери и теткѣ.—Въ этихъ комнатахъ хорошо бы и всякому пожить.—Фамилія Массимо отличается своею скупостью и соблюдаетъ правила временъ феодальныхъ въ отношеніи къ жителямъ Арсоли. Очень смѣшны эти нравы! Она не приглашаетъ къ обѣду никого, кромѣ чиновниковъ.—Въ церкви есть картина Доминикино.—Въ семействѣ Марчелли случилась ужасная исторія при разбойникахъ. Братъ аббата, отецъ нынѣшняго хозяина, былъ взятъ ими; племянника, хотѣвшаго его защи-

щать, они убили. Жена видѣла, какъ тащили его по горѣ. Она собрала тотчасъ всѣ деньги, сколько у нея было,—и отправила, но они не удовольствовались. Она послала всѣ свои украшенія, снявъ съ шеи послѣдніе кораллы; но ужъ было поздно: несчастный былъ убитъ. Они однако взяли украшенія кромѣ коралловъ, которые возвратили съ словами: намъ некого выдавать замужъ. — Иные подозрѣваютъ въ этомъ плутни аптекаря, у котораго въ семьѣ въ то же самое время похитили родственника, и который, взявшись уладить дѣло, воспользовался будто бы чужими деньгами въ пользу своего похищеннаго, ибо онъ возвратился. Этотъ аптекарь взвелъ клевету на молодаго Марчелли, подкупивъ какую-то женщину насказать на него ужасы; но Марчелли оправдался и при насъ возвратился къ женѣ. — Изъ замка виды чудные.

4-го Маія. Вторникъ. Мы поѣхали въ Ауриколу (Auricola), на границу Неаполитанскаго королевства. Путь шелъ сначала дубами, а потомъ открытою горою: тутъ, гово-

рячъ, по близости есть бездна отъ потухшаго волкана. Насъ принялъ въ этомъ мѣстечкѣ г. Феррари и задалъ намъ завтракъ. Просто не зналъ чѣмъ угостить и даже выдумывалъ кушанья. Тутъ все были національныя блюда: frititure, славная ricotta, овечій сыръ и проч. Онъ разсказалъ намъ много анекдотовъ о помѣщицѣ замка Арсоли, и между прочимъ, какъ она отняла у него древнюю кольчугу, и обѣщала въ замѣну прислать хорошій подарокъ, и что жъ прислала? ножикъ въ два паоли, который онъ намъ и показалъ. Послѣ, когда онъ явился къ ней въ Римѣ, она встрѣтила его словами: non ho il bene di conoscerla (не имѣю удовольствія знать васъ).— Come, возразилъ г. Феррари, отступивъ на нѣсколько шаговъ, cosi presto ella s'è dimenticata di Ferrari d'Auricola? (Какъ, такъ скоро забыли вы Феррари Аурикольскаго?) Ему отвѣчали мы: Sarebbe meglio di dire: di Ferrari della maglia (лучше бы было, если бы онъ сказалъ: Феррари кольчужнаго). Досадно было ему, что не этотъ отвѣтъ пришелъ ему тогда въ голову; но онъ хотѣлъ, чтобы непремѣнно мы удовольствовались и его отвѣ-

томъ, — и принимался разсказывать его три раза. На границѣ Неаполя тотчасъ же встрѣтишь лаззарони. Но этотъ предобрый, хотя и смѣшонъ. Сосѣди его объ немъ разсказывали, что во время Французовъ, онъ гдѣ-то въ ровъ упалъ. — Видъ изъ Аурмколы — огромная долина, окруженная горами и называемая l'osteria del Cavaliere: тутъ видно мѣсто древней Carseoli. Направо, за горами, находится озеро Фучино (lago Fucino) также въ огромной долинѣ. Мы были за часъ ѣзды отъ него, но чтобы переѣхать границу, нужны паспорты въ королевство Неаполитанское. — Правительство продолжаетъ теперь Неронову работу, знаменитый эмиссарій, который отводитъ воду изъ озера, потопляющаго окружныя селенія. Тацитъ описываетъ этотъ безуспѣшный трудъ, который все-таки нынѣ будетъ полезенъ. Работники только что отрыли древній подземный каналъ, заваленный какими-то варварами. Какія въ древности были гигантскія предпріятія! Сколько горъ прорыто! — Видъ прекрасный. Вотъ границы Неаполя и Рима (regno и stato). Намъ показали издали неприступную крѣпость, гдѣ дверь въ скалѣ

и гдѣ, давно уже, разбойники защищались противъ правительства. Мы возвратились другимъ путемъ, и выѣхали на новую дорогу, которая чрезъ Тиволи прокладывается въ Неаполь. Въ кустахъ была змѣя: проводникъ ударилъ по ней и она зашипѣла. Онъ сказалъ мнѣ: la vipera fischia come una christiana, (змѣя свиститъ, какъ христіанка). Поселяне въ Италіи вмѣсто человѣка употребляютъ слово христіанинъ (christiano).—Мать бранила дочь: che brutta christiana! — Вечеромъ говорили мы объ охотѣ. Въ долинѣ ходятъ за кабанами.—Я прочелъ всѣ оды Горація, воспѣвающія Сабину, передъ тѣмъ какъ отправиться въ его Сабинское помѣстье.

5-го Маія. Середа. Мы поѣхали въ монастырь св. Козьмы, San-Cosimatto. Въ церкви есть весьма старинное распятіе I. Христа изъ дерева; возлѣ него фигура святаго, говорившая, какъ сказываютъ, съ Карломъ Великимъ. Есть картины, изображающія войны Карла съ Сарацинами. Недалеко отъ сего мѣста можно видѣть крѣпость Сарацинскую. Въ монастырѣ живутъ Францисканцы. Показали намъ одну пещеру,

гдѣ хранятся кости святыхъ христіанъ, другую, гдѣ св. Бенедикту монахи поднесли ядъ: онъ благословилъ его и сосудъ разбился; послѣ этого событія, святой удалился въ Субіако. Монахи эти были Василиканцы.—Потомъ повели насъ (женщины туда не входятъ) въ другія пещеры, въ скалѣ, гдѣ жили святые. Много любопытнаго. Замѣчательны олтари, воздвигнутые на тѣхъ же самыхъ камняхъ, на которыхъ совершали жертву древніе христіане. Пещеры удивительно тѣсны. Тутъ же мы проходили водопроводомъ Нерона, ужасно темнымъ. Видъ изъ пещеръ прекрасный. Аніо шумитъ подлѣ. Подъ этотъ шумъ жили и молились святые. Они не даромъ избирали мѣста живописныя. Не эгоизму монаховъ, а великой мысли древнихъ отшельниковъ должно приписать то, что всѣ древнія обители находятся на самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Нынѣшніе монахи Италіи предпочли бы городъ.—Отсюда на ослахъ мы отправились въ Сабинскую виллу Горація. Ѣхали кустами шиповника разноцвѣтнаго и красиваго: это лучшій изъ всѣхъ, мною видѣнныхъ на пути.

И бабочки тоже по этой дорогѣ порхали самыя блестящія: голубыя, бѣлыя съ чернымъ, и другихъ цвѣтовъ.—Было жарко. — Долина Ustica, или, какъ поселяне зовутъ, Rustica, ведетъ въ горы: по ней бѣжитъ рѣчка Licenza, или древняя Digentia. Направо видиѣется мѣстечко Канталупо (Cantalupo), гдѣ хорошій ленъ; налѣво Рокка-Джіоване (Rocca Giovane), гдѣ былъ храмъ Вакуны, богини Сабинской... Мѣста безплодныя... иногда деревья.... много воды. Подальше, вдали на горѣ, Личенца (Licenza). Бывшая вилла Горація засажена нынѣ виноградникомъ. Близъ нея каштановая роща. Намъ показали остатки мозаика въ виноградникѣ: думаютъ, что онъ принадлежалъ къ дому Горація. Влѣво-гора Лукретиле (Mons Lucretilis), высокая, или по нынѣшнему гора Январская (monte Gennaro), такъ названная по холоду, который вѣчно на ней царствуетъ; противъ нея въ той же сторонѣ гора поменѣе, а въ срединѣ ихъ еще поменѣе. Тутъ-то въ углубленіи находился Бландузскій ключь, воспѣтый Гораціемъ (fons Blandusiae). Мы не ходили туда, потому что надобно было пройти три мили пѣшкомъ, да

и очень было жарко. Но мы видѣли воды того ключа, которыя бьютъ фонтаномъ. Это рѣчка Digentia. Мы завтракали напротивъ Monte Lucretile, у самой виллы, въ каштановой рощѣ, и я пилъ вино въ память Горація. Да, есть еще остатки стѣнъ, можетъ быть, принадлежавшихъ его виллѣ. — Изъ Сан-Козиматто мы проѣхали чрезъ Виковаро (Vicus varius Горація), берегомъ Anio, дорогой весьма живописной и усѣянной развалинами, мимо Monte Catilo, въ Тиволи. Оно прекрасно представляется издали съ своими готическими башнями. Мы остановились въ Albergo della Sibilla. Поднялась страшная буря съ градомъ, котораго напало на четверть, и испортило виноградъ, и хлѣбъ, и оливы.— На возвратномъ пути изъ виллы Горація и туда, у меня съ проводникомъ были любопытные разговоры: вотъ подробности. Крестьяне змѣй не боятся кромѣ виперъ, но и випера не кусаетъ, когда ея не затрогиваютъ. Saettoni (родъ весьма большихъ змѣй) кладутся за пазуху. Дорогой проводникъ показалъ мнѣ убитую змѣю, по крайней мѣрѣ въ два аршина, и неопасную. Когда

укуситъ випера, — спать не надобно. Бьютъ шиповникомъ по укушенному мѣсту, которое не худо и вырѣзать (что̀ дѣлается у собакъ всегда), и завязываютъ выше платкомъ, крѣпко на̀ крѣпко, чтобы здоровая кровь не смѣшалась съ зараженною. Одну женщину, укушенную въ Арсоли, водили и носили по улицѣ всю ночь съ барабаномъ. Послѣ трехъ дней она встала. Употребляютъ противъ укушенія алкалическую соль. Въ четыре года, въ Арсоли, укушено было трое. Сквозь шерсть не кусаютъ. Крестьянъ, большею частію, жалятъ въ руки во время работы, когда они, не осмотрѣвшись, садятся на землю и тронутъ змѣю. — Покровитель противъ змѣй св. Доменико del Cuculo. Къ нему укушенные ходятъ на поклоненіе, и говорятъ, кто съ истинной вѣрой лишь только вступитъ въ его предѣлы, тотчасъ исцѣляется, а въ противномъ случаѣ тотчасъ умираетъ. Въ праздникъ сего святаго поселяне въ процессіи носятъ живыхъ змѣй, которыя имъ не дѣлаютъ вреда, а потомъ отпускаютъ ихъ; убивать же ихъ грѣшно. Крестьянинъ прибавилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ противъ святаго, между

прочимъ объ одномъ своемъ родственникѣ, который понапрасну водилъ къ нему укушеннаго змѣею мула, ибо онъ умеръ черезъ 40 дней. Монахъ объяснилъ это тѣмъ, что мулъ былъ приведенъ неосѣдланный. — Св. Бернардъ — покровитель виноградниковъ. Когда метутъ его церковь, крестьяне собираютъ соръ и бросаютъ на поле.—Св. Антоній—покровитель лошадей и ословъ. — Виноградъ сажаютъ дикій и прививаютъ къ нему хорошій. Деревья могутъ длиться 200 лѣтъ; въ началѣ же, не прежде трехъ, приносятъ плодъ. Олива такъ очень поздно: жди ее лѣтъ пятнадцать.

6 Маія. Четвергъ. Возлѣ самой гостинницы пріятно видѣть храмъ Весты, круглый, живописный. Внутренность (cella) и колонны, хотя не всѣ, прекрасно сохранились. Мы поѣхали въ виллу Адріанову; выѣхавъ изъ Тиволи, открываешь великолѣпный видъ на Римъ и ѣдешь потомъ рощей оливъ. Вотъ кипарисы-обелиски обозначили виллу Адріана, принадлежащую Герцогу Браски. Прежде всего встрѣчаются остатки театра: слѣды формы хорошо сохранились. Мимо гипподрома и нимфея

прямо къ Аѳинскому Пекилю: большая стѣна; передъ нею поле. На лѣво: зала для бесѣдъ и видны ниши для книгъ. Потомъ купальня (natatorio): довольно полныя развалины. Далѣе двѣ библіотеки. Какіе-то почти подземные корридоры ведутъ къ долинѣ Темпейской, прекрасной, цвѣтущей, зеленой и въ кустахъ своихъ скрывающей источникъ, изображавшій Пеней.—Отсюда къ развалинамъ дворца, которыя направо отъ Пекиля, преживописны и огромны. Вотъ храмы; вотъ циркъ для бѣга; вотъ термы; потомъ Египетскій Канопъ: довольно большая долина; съ обѣихъ сторонъ своды; въ углу святилище Канопа. Есть остатки живописи. Далѣе казармы для преторіанцевъ. — Оттуда полемъ въ ворота Пекиля. — Огромная змѣя извивалась по полю мимо насъ. Вилла ими богата. Кипарисы лучшіе здѣсь. Обелискъ взятъ непремѣнно отъ кипариса, какъ сводъ Греческаго храма отъ южной сосны.— Лѣса—типы архитектуры.— Потомъ въ виллу Эстовъ. Какое великолѣпіе! Что за кипарисы: огромные, полусокрушенные отъ древности! По лѣтамъ это старѣйшіе! Вдоль всего дворца фонтаны, играющіе разнымъ образомъ. Выше

былъ фонтанъ съ флейтами, но испорченъ. Налѣво построены, довольно безвкусно, модели разныхъ зданій Рима и видна статуя города съ трофеями; напротивъ прекрасный фонтанъ съ аллегорическими изваніями. Дворецъ заброшенъ. Фрески Цуккари потрескались; арабески отпадаютъ. Воды такъ много, что даже комнаты прохлаждены фонтанами. Теперь вилла принадлежитъ Герцогу Моденскому. Съ верхней террасы видъ на весь амфитеатръ виллы, спускающейся уступами, на Тиволи, на горы, возвышающіяся за нимъ, на все Римское поле, на Римъ и на куполъ Св. Петра. — Отсюда въ виллу Мецената. На мѣстѣ древней роскоши — желѣзные заводы, гдѣ живутъ черные циклопы и слышенъ неумолкаемый шумъ. Изъ чистыхъ комнатъ, принадлежащихъ какому-то аптекарю, я любовался долго видомъ водоската, оливковыми деревьями противоположной стороны и обширнымъ полемъ. Отсюда справа виденъ портикъ Геркулеса, гдѣ Августъ совершалъ судъ. Геркулесъ былъ патрономъ Тиволи или древняго Тибура. Въ виллѣ Мецената сохранилась

часть крытой Тибуртинской дороги, проходившей через нее; уцѣлѣли также слѣды большихъ комнатъ и особенно терраса, откуда видъ прекрасенъ. Ихъ прежде было двѣ, по обѣимъ сторонамъ; съ нихъ-то Меценатъ смотрѣлъ на покатый холмъ, покрытый на сажень отъ земли лугомъ виноградньымъ, также точно какъ и теперь, на Римское поле, на дымъ, на богатства и на шумъ блаженнаго Рима (beatae fumum et opes strepitumque Romae). Гдѣ была середина дома его, тамъ теперь растетъ виноградникъ. — Здѣсь мы завтракали.—Потомъ отправились къ другимъ водопадамъ. Переѣхали мимо Tempio del Mondo, по-просту Ninfeo въ пещерѣ, мимо древняго моста, показывающаго, что Anio перемѣнилъ теченіе, на другой берегъ, все оливами. Доѣхали до виллы Квинтилія Вара, которой остатки видны близъ церкви Santa Maria Квинтиліоло, гдѣ нашли образъ Мадонны. Отсюда видны и вторыя каскателлы. Видъ очаровательный, и панорама ландшафтовъ обнимаетъ кругомъ весь этотъ оврагъ. Ѣдешь мимо церкви Св. Антонія, гдѣ, говорятъ, былъ домъ Горація,

но Ниббн думаетъ, что онъ былъ не здѣсь, а въ долинѣ; потомъ слѣдуетъ вилла Катулла на горѣ, гдѣ церковь S. Angelo in Piavola, но Ниббн полагаетъ, что она была въ долинѣ, ибо Катуллъ исцѣлился въ ней отъ кашля, а на горѣ должно бнть очень холодно. — Въ началѣ оврага видъ на Тиволи, храмъ Весты, Aнio, водопады, долину, поле Римское и Римъ. Здѣсь всѣ оригиналы Гаспара Пуссеня и Клавдія Лоррена. Послѣ обѣда, мы видѣли снизу храмъ Весты и возлѣ него храмъ Друзиллы, сестры Калигулы, по мнѣнію Ниббн. Напротивъ, остатки виллы Вописска Манлія. Дорожкой, обвитой миртами и лаврами, мы сошли къ пещерѣ Нептуна. Изъподъ скалъ, въ черномъ вертепѣ, выбиваетъ жемчугомъ вода; а съ другой стороны, она падаетъ высоко сõ скалы, по огромнымъ каменьямъ... Брызги и водяная пыль летятъ далеко; трава и кусты кругомъ вѣчно влажны. Ревъ страшный. Вороны летаютъ надъ этимъ шумнымъ зрѣлищемъ и прицѣпляются къ скаламъ своими когтями. Скалы поросли зеленымъ мохомъ отъ воды; неподалеку гротта Сиренъ, уже испортившаяся, куда не схо-

дятъ, по причинѣ опасности. У пещеры Нептуна видно почернѣвшее отъ огня мѣсто, гдѣ зажигаютъ факелы и солому, и смотрятъ при огнѣ на это зрѣлище. (*)

7-го Маія. Пятница. Утромъ, на ослахъ, берегомъ Аніо, по полямъ, украшеннымъ остатками старинныхъ водопроводовъ, мы отправились въ Castel Madama. Когда я вслушивался въ звукъ колокола, невольно сказались два стиха:

Томно колоколъ сосѣдній
Поселянъ сзывалъ къ обѣдни.

Здѣсь, перемѣнивъ четвероногіе экипажи, мы поѣхали въ Поли. Подо мной былъ лошакъ несносно-упрямый, старый и лѣнивый. Дорога не живописна, безплодна до Сан-Грегоріо. Тутъ, позавтракавши въ долинѣ, мы добрались потомъ до Поли. Это древняя Bola или Vola (Воля). Здѣсь и далѣе въ горахъ обитали Эквы: народъ, жившій охотой, войною и грабежемъ, какъ изображаетъ его Виргилій. Его нравы еще отзываются въ разбойникахъ горъ. — Болане же, или

(*) Все это мѣсто уже измѣнилось въ 1839 году, потому что воды Аніо отведены были Папою Григоріемъ XVI въ другую сторону и образовали чудный водопадъ.

Воляне, отличались патріархальностію своихъ нравовъ и открытымъ характеромъ, который не терпѣлъ утонченной свѣтскости образованнаго Рима. Такое понятіе даетъ о Волянѣ Горацій въ одной изъ сатиръ своихъ. Братъ банкира Торлоніи, Герцогъ Поли (Duca di Poli), владѣетъ древнею Волею. Мѣстечко въ долинѣ тянется ровно, а не вверхъ по горѣ, какъ прочія. Принадлежало прежде фамиліи Конти, изъ которой произошли многіе Папы и между прочимъ славный Иннокентій III. Портреты ихъ висятъ по стѣнамъ древняго замка, который весьма любопытенъ. Здѣсь также встрѣчаете портреты Батторія, Фердинанда Австрійскаго, многихъ изъ фамиліи Конти. Шитыя картины, изображающія судъ Париса, примѣчательны костюмомъ: богини въ фижмахъ; Юпитеръ въ камзолѣ XVI столѣтія, и Меркурій тоже. Камины и вся мебель носятъ на себѣ признаки старины. Изображенія разныхъ праздниковъ имѣютъ историческую занимательность. Одна гравированная картина представляетъ торжество, данное во время Людовика XIV посланникомъ Французскимъ на площади Навонской въ Римѣ

(Piazza Navonna), по случаю рожденія Дофина. Вилла запущена. Замѣчателенъ домъ Папы Иннокентія XIII, а неподалеку отъ него домъ его Кардиналовъ. Положенія Поли сравнить не льзя съ другими мѣстами: въ немъ нѣтъ ничего особеннаго.

8-го Маія. Суббота. Утромъ рано, по высокимъ горамъ, мы поѣхали въ Монторелли (Montorelli), мимо стадъ и ихъ клѣтей, гдѣ они зимуютъ. Много фіалокъ, голубыхъ и бѣлыхъ астръ, мелькало въ кустарникахъ по дорогѣ. Достигли Гваданьолы. Видъ великолѣпный съ обѣихъ сторонъ: съ одной все Римское поле, а вдали Римъ и Средиземное море; съ другой же, изрытое каменное море Аппенинновъ, но не безплодныхъ, а украшенныхъ растительностію, то зеленою, то желтою, то синѣющею сквозь туманъ. Внизу, у подошвы горы, долина, какъ шитая канва изъ разныхъ лоскутьевъ, то просто земляныхъ, то зеленѣющихъ, то усаженныхъ оливами, дубами, каштанами; па небосклонѣ же черные верхи голыхъ Абруццъ со снѣжными по нимъ полосами; изъза горъ восходятъ облака; въ сторону, вдали,

просто очарованіе: какъ будто море снѣговъ, и надъ ними скалистые острова, точно множество Капри надъ Неаполитанскимъ заливомъ... Это облака и пары около горныхъ вершинъ. Видъ божественный! Всматриваясь въ эту дальнюю растительность сквозь воздухъ и синій утренній туманъ, я вспомнилъ пейзажи Кателя. Какая истина! Мы сошли къ скалѣ Монтореллн. Тутъ церковь и образъ Мадонны, весьма древній. На этой скалѣ совершилось чудо съ святымъ Эвстахіемъ, подобное тому, какое разсказываютъ о святомъ Губертѣ. Онъ былъ въ язычествѣ охотникъ; однажды гнался за оленемъ,—и вдругъ, на этой самой скалѣ, предсталъ ему олень съ крестомъ между вѣтвистыми рогами. Онъ палъ передъ святымъ знаменіемъ и окрестился. Въ часовнѣ, построенной на томъ же самомъ мѣстѣ, одна картина изображаетъ это происшествіе, а другая, какъ св. Эвстахій былъ съ своею семьею брошенъ въ жертву дикимъ звѣрямъ. Мы отслушали обѣдню въ церкви, гдѣ находится сердце Папы Иннокентія III, старинный канделябръ и старинные образа. Одинъ святой представленъ, обвитый змѣемъ, кото-

раго онъ душитъ. Змѣй мѣшалъ ему дойти до этого мѣста, равно какъ и многимъ другимъ поклонникамъ. Онъ задушилъ его, но черезъ три дня самъ умеръ, зараженный ядовитымъ его дыханіемъ.—Здѣсь былъ прежде монастырь и остались келліи. Крестъ надъ часовней Мадонны въ церкви, весь золотой, сохраняется въ горахъ беззащитныхъ. Въ трещинѣ скалы есть еще алтарь, гдѣ, по преданію, найденъ былъ образъ. — Скала сизаго цвѣта и острыми уступами спускается въ долину. Видъ отсюда на Аппеннины яснѣе, а особливо на долину, которая кажется отсюда какъ покрывало, сшитое изъ разныхъ матерій. Видно множество мѣстечекъ, изъ которыхъ помню одно Ceciliano. — По крутымъ горамъ сходили мы къ святой Маріи Новой (Santa Maria Nuova).... долго.... долго — и все въ обходъ, потому что прямо было бы слишкомъ круто,— и потомъ опять, — мѣстами, большею частію безплодными,—гдѣ желтѣетъ одинъ душистый дрокъ, любящій скалы, — мы вышли на прежнюю дорогу, и кустами огромнаго шиповника и другими, берегомъ Аніо, возвратились въ Тиволи, гдѣ меня ожидали письма отъ род-

выхъ и друзей. Мигомъ съ Аппеннинъ перелетѣлъ я на родину и въ сладкихъ мысляхъ провелъ вечеръ, пріятно отдыхая сердцемъ отъ любопытнаго странствія.

9-го Маія. Воскресенье. Было время дождливое. Мы поѣхали прямо въ Римъ. По дорогѣ встрѣчаются гробницы фамиліи Тоссіевъ, Плауціевъ, похожіе на памятникъ Цециліи Метеллы, и также въ свое время служившія крѣпостями; мостъ Лукана Плауція черезъ Аніо или Тевероне, много другихъ памятниковъ, пловучіе острова, превратившіеся въ болота, гдѣ, говорятъ, было нѣкогда прорицалище Фавна (по описанію Виргилія), и сѣрные ключи, обдающіе васъ своимъ гнилымъ запахомъ. Передъ въѣздомъ въ Римъ мы зашли въ базилику св. Лаврентія, современную Константину святому. Въ ней живопись древняя, мозаиковыя украшенія также; на гробницѣ — барельефъ древній, изображающій супружество: женихъ и невѣста положили руку на голову мальчика, держащаго въ рукѣ факелъ; мать возлагаетъ руки на плеча новобрачныхъ и благословляетъ ихъ;

за нею стоятъ родственники; одна женщина съ рогомъ изобилія и съ башнями на головѣ, какъ Церера. Въ рукахъ у всѣхъ какіе-то свитки или кости. — Эта базилика послѣ Константина была перестроена; но трибуна ея самая древняя; видно, что какой-то древній храмъ послужилъ къ ея строенію, и колонны до половины врыты въ землю; архитравъ составленъ изъ многихъ обломковъ. Пріятно было мнѣ узнать, что въ этомъ храмѣ почиваютъ мощи Архидіакона Стефана! Я отдалъ земной поклонъ нетлѣннымъ останкамъ первомученика, хранящимся подъ алтаремъ церкви. Потомъ пошли мы въ катакомбы: часть ихъ, очень небольшая, весьма хорошо устроена; Римъ основанъ на нихъ; но въ прочія входить опасно. И здѣсь такъ сыро, что вода крупными каплями выступаетъ на каменномъ потолкѣ. За рѣшетками видны кости и черепа святыхъ, погибшихъ за вѣру. Намъ показали дверь, которая ведетъ въ катакомбы св. Себастіана. Въ три часа возвратились мы въ Римъ.

С. Шевыревъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМЫ
«ПСКОВИТЯНКА.»

(Дѣйствіе происходитъ во Псковѣ.)

Свѣтлица въ теремѣ боярина Шелоги. На заднемъ планѣ сѣнная дверь; на правой сторонѣ сцены два косящатыя окна, выходящія въ садъ; на лѣвой — полурастворенная дверь; подлѣ нея столъ и на немъ ларецъ. Одно изъ оконъ открыто и въ него врывается нѣсколько вѣтокъ черемухи; предъ окномъ пяльцы и два стула съ высокими рѣзными спинками. Утро.

СЦЕНА I.

Явленіе I-е.

Надежда *сидитъ за пяльцами*, Перфильевна *стоитъ у стола и отпираетъ ларецъ. На Надеждѣ голубой сарафанъ; волосы ея заплетены въ косу; на Перфильевнѣ темная тѣлогрѣя и кика.*

ПЕРФИЛЬЕВНА *(вынимаетъ изъ ларца жемчужн. поднизь)*.

Вотъ, матушка боярышня, такъ поднизь!
Гляди-ка, какъ осыпали оправу

Жемчужины: что крупныя росинки
Подсолнечникъ.... Ужъ эдакую поднизь
Не стыдно королевишнѣ носить,
Да и самой царицѣ.... право-слово!

(Подходитъ къ Надеждѣ.)

Прикинемъ-ка къ волосикамъ твоимъ
Шелковымъ....

(Примѣриваетъ поднизь.)

Куды какъ разуборно!
Сама-то ты нашъ жемчугъ ненаглядный,
Нашъ камешекъ лазоревый: во Псковѣ
Красавицъ нѣту супротивъ тебя,
Опричь твоей сестрицы.

НАДЕЖДА.

Полно, няня!
Хвали сестру, да не стыди меня:
Мнѣ съ Вѣрочкой ни въ чемъ не поровняться.

ПЕРФИЛЬЕВНА *(кладетъ поднизь на пяльцы).*

И-и, Наденька! да вы съ сестрой—двойчатка,
Двѣ ягодки на вѣточкѣ одной!...
Намедни мы пошли съ сестрицей въ церковь,
Народу много, и пригожихъ много....

Гляжу, гляжу: все дѣвки молодыя,
А краше Вѣры Дмитріевны нѣтъ!
Заря-зарёй!

НАДЕЖДА.

Не знаешь ли ты, няня,
О чемъ грустить сестрица?

ПЕРФИЛЬЕВНА *(вздыхаетъ)*.

Знаетъ грудь
Да подоплёка ... Муженекъ не ѣдетъ —
Вотъ и грустить.... Разстались-то давненько,
А молодой женѣ безъ мужа скучно.

НАДЕЖДА.

Такая все печальная, такая
Понурая.... словечка не промолвитъ....
Сидитъ-себѣ весь день надъ колыбелью
Да Оленьку цѣлуетъ....

ПЕРФИЛЬЕВНА.

То-то, Надя!
Какъ выйдешь замужъ, такъ сама узнаешь
Въ ту пору—каково оно легко
И мужа-то любить, и дѣтокъ няньчить....
Вотъ, погоди, твой женишекъ Князь Юрій
Съ бояриномъ вернется изъ похода,
Ужъ плачь—не плачь, а косу расплету.

НАДЕЖДА *(наклоняясь къ пяльцамъ)*.

Заплачется, коль суженый не взраченъ.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Чего ужъ ты не выдумаешь, Надя!
Не грѣхъ тебѣ?... Да эдакого парня
Всѣ дѣвушки съ руками оторвутъ.
Бывало—онъ по улицѣ поѣдетъ....
Конь что твой звѣрь: и фыркаетъ, и пляшетъ,
И на дыбки, а онъ-то, мой соколикъ,
Сидитъ на немъ, и въ усъ себѣ не дуетъ,
Знай шапочку соболью оправляетъ,
Да встряхиваетъ кудрями, а самъ
На теремъ нашъ все смотритъ, все-то смотритъ....
Такъ вишь не взраченъ!

(Ударяетъ руками объ полы.)

Дура же я, дура!
И не въ домекъ, что ты меня морочишь:
Давно ль сама хвалила жениха?

НАДЕЖДА *(улыбаясь)*.

Я пошутила....

ПЕРФИЛЬЕВНА *(качаетъ головой)*.

Видно пошутила!
А плакала зачѣмъ, какъ онъ уѣхалъ?,..
Ну что жъ стыдиться? Плакать не зазорно
По суженомъ....

(Смѣется.)

Забыть мнѣ не забыть,
Какъ онъ въ Великихъ Лукахъ-то сошелся
Со мною, и давай мнѣ напѣвать
Про дѣвичью красу, свою зазнобу....
Изъ Лукъ-то мы когда съ тобой?

НАДЕЖДА.

Великимъ
Постомъ.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Ну вотъ—на пятой-то недѣлѣ
Ровнехоноко былъ годъ.... Аль на четвертой?
Не помню.... а распутица стояла:
Такая склизь, что Боже упаси!
Плетуся я тихонько отъ вечерни,
Да подъ ноги гляжу, а Князь-отъ Юрій
На встрѣчу мнѣ.... «Перфильевна, здорово!»
Я кланяюсь, а онъ мнѣ говоритъ:

«Скажи своей боярышнѣ, родная,
Что вся душа моя по ней изныла,
Что безъ нея мнѣ Божій день не въ день!»
А самъ кису мнѣ въ руки суетъ, суетъ.
«Смотри жъ, скажи, Перфильевна!»— Скажу-
молъ,
Родимый мой, скажу.

НАДЁЖДА.

И не сказала!

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Какъ не сказала? Да Господь съ тобою!
Не ты ль еще...?

НАДЕЖДА.

И слушать не хочу:
Молчи, молчи!
(Зажимаетъ Перфильевнѣ ротъ и смѣется. За сценой слышенъ дѣтскій крикъ.)
Ахъ, Оленька проснулась!
Вѣдь это мы съ тобою разбудили.

ВѢРА *(за сценой)*.

Шшъ—шшъ—шшъ—шшъ...
Баю, бай—бай—бай,
Баю, бай—бай—бай!

ПЕРФИЛЬЕВНА *(шепотомъ)*.

Припрятать поднизь, да сходить на погребъ.
(Запираетъ поднизь въ ларецъ и уходитъ въ сѣнную дверь.)

СЦЕНА II.

Явленіе І-е.

НАДЕЖДА, *потомъ* ВѢРА

ВѢРА *(напѣваетъ вполголоса за сценой)*.

Баю-баюшки, баю,
Баю Оленьку мою!
Что на зорькѣ на зорѣ,
О весенней о порѣ,
Птички Божія поютъ,
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Баю-баюшки, и т. д.

Соловейко-соловей!
Ты гнѣзда себѣ не вей:
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокій теремокъ.
Баю-баюшки, и т. д.

По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки пригрѣть,
Олѣ пѣсенку пропѣть..

Баю-баюшки, баю,
Баю Оленьку мою!

(Входитъ въ свѣтлицу. На ней цвѣтная шубка и каптуръ.)

НАДЕЖДА *(оборачивается)*.

Что, Оленька подъ пѣсенку твою
Заснула?

ВѢРА.

Да... *(Садится на стулъ.)*
А ты чему смѣялась?

НАДЕЖДА.

Съ Перфильевной; она хвалила Князя,
А я его бранила.

ВѢРА.

Жениха-то?!..

НАДЕЖДА.

Вѣдь я шутя..

ВѢРА *(улыбаясь)*.

А любишь не на шутку?

НАДЕЖДА.

Не знаю какъ: люблю и не люблю.
Какъ здѣсь онъ былъ, такъ я его боялась,
А какъ уѣхалъ, стало словно жалко...
Бывало и не думаю о немъ,
И не взгляну, когда проѣдетъ мимо;
Теперь—хоть бы однимъ глазкомъ взглянула,
Да не на что! Когда они вернутся?
Пора бы насъ порадовать....

ВѢРА.

Пора!

НАДЕЖДА.

Твой мужъ давно подъ Колывань уѣхалъ?...

ВѢРА *(тихо)*.

Давно....

НАДЕЖДА.

И Оли не видалъ, сестрица?

ВѢРА *(задыхающимся голосомъ)*.

Нѣтъ...

НАДЕЖДА.

Какъ же онъ утѣшится, сердечный,
Какъ разцѣлуетъ Оленьку!

ВѢРА *(вскакиваетъ)*.

Молчи!

Не рѣжь меня!

НАДЕЖДА *(испуганнымъ голосомъ)*.

Господь съ тобою, Вѣра!

ВѢРА *(падаетъ на колѣни)*.

Сестра, сестра! я обманула мужа;
Моя малютка а его ребенокъ!

НАДЕЖДА *(поднимая Вѣру)*.

Голубушка-сестрица! полно, полно!
Перекрестися! что ты говоришь!
Опомнися!..

(Цѣлуетъ ее.)

ВѢРА *(опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками)*.

Опомнюсь я въ могилѣ!

(Надежда хочетъ ее обнять.)

Не подходи ко мнѣ, не оскверняйся:

Я грѣшница, я клятву преступила—
Нѣтъ у меня ни друга, ни сестры!

(Рыдаетъ.)

НАДЕЖДА *(обнимая и цѣлуя Вѣру).*

Мой другъ, сестра, не надрывай мнѣ сердца!
Господь проститъ... давай Ему молиться.

ВѢРА.

Нѣтъ, Надя, мнѣ не замолить грѣха!
Не выплакать у Господа прощенья!

НАДЕЖДА.

Зачѣмъ же такъ отчаяваться, Вѣра!
У Господа и слезы на счету.

ВѢРА.

Слезамъ не смыть съ души любви преступной,
Не смыть со щекъ преступныхъ поцѣлуевъ
Любовника ... Нѣтъ, жеребій мой выпалъ,
И какъ мнѣ быть—я твердо порѣшила....
Пріѣдетъ мужъ, подамъ ему топоръ,
Скажу: пришла съ тобою распроститься:
Прискучилъ мнѣ твой свычай и обычай,
Нашла себѣ я мужа помоложе,
Да надъ тобой, сѣдымъ, и насмѣялась!

Ищи и ты хозяюшку другую,
Получше да почище, а съ меня
Снимай и стыдъ, и голову....

НАДЕЖДА.

Ахъ, Вѣра!
Какъ у тебя языкъ-то повернулся
На эту рѣчь грѣховную?... Татаринъ—
И тотъ своей хозяйки не зарѣжетъ,
А твой Иванъ Семеновичь—крещенный!...
Ну, пригрозитъ, посердится, потужитъ,
Да и проститъ....

ВѢРА.

Не надо мнѣ прощенья
И милостей! Я мужу — не жена,
И никогда женой ему не буду:
Люблю другова, а любови этой
Мужъ и ножемъ не вырѣжетъ изъ сердца.
(Обнимаетъ Надежду.)
Охъ, не корн! И ты бы полюбила,
Когда бъ *ему* въ недобрый часъ попалась
На зоркій глазъ, на ласковое слово....
И ты бы грѣхъ на душу приняла!

НАДЕЖДА.

Да кто же онъ?

ВѢРА.

Не спрашивай, Надежда:
Не вымолвить, а то языкъ отсохнетъ!
Я и въ молитвахъ шепотомъ боюся
Проговорить желанное словечко:
Назвать *его* по имени ... А хочешь—
Я разскажу, какъ я *его* взлюбила....
Во всемъ тебѣ, какъ на духу, откроюсь....

НАДЕЖДА.

Разсказывай, голубушка-сестрица!

ВѢРА.

Садись и слушай.... Сердцу какъ-то легче,
Когда есть съ кѣмъ тоскою подѣлиться....

НАДЕЖДА *(садится)*.

Да, Вѣрочка, мы сестры, не чужія:
И радости, и горе пополамъ!

(Молчаніе.)

ВѢРА *(задумчиво)*.

Я замужъ шла и мужа не любила;
Потомъ привыкла.... Мой Иванъ Семенычь
Прениравный, а во мнѣ души не слышалъ
И баловалъ какъ малаго рабенка....
Въ глаза глядитъ, и мысли-то, кажися,

Все вызнаетъ да высмотритъ насквозь:
Сегодня что ни есть мнѣ приглянулось,
А завтра, глядь—ужъ и несутъ купцы.
Даритъ—даритъ, да самъ еще боится —
Въ угоду ли? Колечко — не колечко,
Запястье—не запястье...Такъ мы жили
Съ нимъ до зимы.... Зимою слышно стало:
На Нѣмцевъ рать сбираютъ... Мой хозяинъ
Куды грустилъ, что нужно намъ разстаться.
Да какъ тутъ быть. Пошелъ и онъ въ походъ.
Поплакала я, Богу помолилась,
Дала обѣтъ къ Печерскимъ Чудотворцамъ
Сходить пѣшкомъ, коль радостныя вѣсти
Услышу... Вотъ и прискакалъ гонецъ:
«Сломали Нѣмцевъ: Богъ послалъ побѣду!»
Недѣли съ три прошло—другой гонецъ:
«Царь будетъ въ Псковъ и наши съ нимъ вернутся.»
Прошло еще три мѣсяца иль больше,
Пріѣхалъ Царь, пріѣхали и наши,
А мужа нѣтъ.... Остался на-сторожѣ
Подъ Колыванью; впрочемъ не надолго....
Прислалъ поклонъ мнѣ съ нашими, гостинцы....
Взгрустнулось мнѣ: какъ будто кто ножемъ

Ударилъ мнѣ подъ сердце... плачу—плачу,
Вотъ какъ ручей немолчный, да молюся...
Ждать—ждать—не ѣдетъ. Думаю: навѣрно
Меня Господь за то и наказуетъ,
Что я дала обѣтъ и не сдержала.
Подумала—подумала—рѣшилась:
Взяла съ собою дѣвушекъ, пошла
Угодникамъ Господнимъ поклониться...
Ты не была въ монастырѣ?

НАДЁЖДА.

Въ Печерскомъ?
Нѣтъ, не была.

ВѢРА.

Туда дорога лѣсомъ...
А лѣсъ густой: березы да осины
Переплелися, спутались вѣтвями,
Какъ волоса, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнемъ раскинулся, разросся—
Продору нѣтъ!.. Идемъ мы по опушкѣ,
Вдругъ дѣвушка одна и говоритъ:
«Боярыня, гляди-ка—подъосинникъ!
Пойдемъ искать грибовъ.»

НАДЕЖДА.

Ты и пошла?

ВѢРА.

Я и пошла.... Давно ужъ это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ....
Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ, что коверъ шелковый, подъ ногами....
А впереди деревья гуще, гуще,
Темнѣй, темнѣе: такъ къ себѣ и манятъ!
Иду.... кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь:
Тутъ боровикъ, тутъ рыжикъ, тамъ бѣлянка,
Тамъ земляника.... Тишь въ лѣсу такая,
Что ни одинъ листокъ не шелохнется...
Вотъ слышится мнѣ—будто бы кукушка
Кукуетъ гдѣ-то, только далеко:
Дай, думаю, послушаю поближе,
На долго ли Господь грѣхамъ потерпитъ.
Аукнула и побѣжала дальше.
За мной: ау! ау! а я ныряю
Промежъ кустовъ—не хуже перепелки....
А между тѣмъ кустарникъ чаще, чаще,
Все жимолость, да цѣпкая такая:
То здѣсь, то тамъ лѣтникъ сучкомъ прихватитъ....
На ту бѣду моя кукушка смолкла:
Куды идти—не знаю, да и только.

Остановилась, духъ перевела,
Подумала: заблудишься, пожалуй!
Пошла назадъ тихонько, а сама
По сторонамъ гляжу, ищу дороги....
Кажися—здѣсь! Прошла шаговъ съ десятокъ—
Нѣтъ: здѣсь не шла; взяла я полѣвѣе—
Опять не то: свернула вправо—топь:
По щиколдку ушла нога въ болото.
Я крикнула—никто не отвѣчаетъ;
Еще, еще—опять отвѣту нѣтъ!
Я не сробѣла, крикнула погромче,
Прислушалась: чу! кто-то отозвался!
Я на голосъ бѣжать—бѣжать—бѣжать,
Все цѣликомъ, по хворосту, по кочкамъ..
Лѣтникъ изорвала, каптуръ сронила,
Валежникомъ всѣ ноги исколола,
Всѣ руки исцарапала—напрасно:
Не изъ лѣсу бѣгу, а дальше въ лѣсъ!
Трущоба, глушь! Деревья такъ столпились,
Какъ будто мнѣ дорогу заступаютъ
И изловить хотятъ меня вѣтвями....
Страхъ обуялъ! Я побѣжала шибче,
Куда глаза глядѣли, безъ пути,
Безъ памяти; бѣжала и кричала,

Покуда ноги шли и голосъ замеръ;
Да напослѣдокъ выбилась изъ мочи,
Упала и заплакала.... Какъ вдругъ ...

Л. Мей.

ПРЕДЪ ПАМЯТНИКОМЪ.

—

На мрамора кусокъ холодный
Въ раздумьѣ тихомъ я гляжу,
И имя надписи нагробной
Невольно про себя твержу.
Оно—узоръ доски печальной—
Глубоко такъ же, какъ на ней,
Начертано въ душѣ моей
Любовію первоначальной.
Душа черты завѣтныхъ строкъ
Съ упорствомъ грустнымъ сохраняетъ,
И дней губительный потокъ,
Скользя по нимъ, ихъ не смываетъ.

К.

А. К.

Въ дни счастья обо мнѣ не думай,
Въ печали день воспомни обо мнѣ:
И словомъ ласковымъ, въ сердечной глубинѣ,
Благослови мой путь угрюмый.

То слово доброе душа моя почуетъ,
И съ благодарностью пошлетъ тебѣ привѣтъ:
И тихая слеза боль сердца уврачуетъ,
И укрѣпитъ его для новыхъ бурь и бѣдъ.

К. Картамышевъ.

СОНЕТЫ КАМОЭНСА.

(съ португальскаго.)

Когда свой смертный часъ ждетъ лебедь
гордѣливый,
И часъ его послѣдній настаетъ,
Съ какою жалобой пустынѣ молчаливой
Онъ пѣснь прощальную поетъ!

Напрасно стонетъ онъ, жилецъ пустынныхъ водъ,
Желая и тогда продлить свой вѣкъ счастливый,
И о кончинѣ дней своихъ краснорѣчиво
Торжественную вѣсть передаетъ!
Подобно лебедю, въ судьбѣ моей печальной,
Когда насталъ конецъ блаженству дней моихъ,
Конецъ любви первоначальной —
Я тоже началъ пѣть и сѣтовать о нихъ:
Но пѣсни лебедя грустнѣе былъ мой стихъ,
Печальнѣе стеналъ мой гимнъ любви прощальной.

—

Когда очамъ моимъ съ улыбкою даритъ
Блаженство тихое краса твоя земная,—
О, мысль моя такъ высоко паритъ,
Что видитъ на землѣ одно блаженство рая!
Другія радости ничтожествомъ считая,
Отъ общей радости душа моя бѣжитъ....
Что жъ? Ежели тогда разсудокъ мой забытъ,
Теряю малость я, разсудокъ забывая.
Я похвалы тебѣ не буду расточать:
Кто чувствовалъ восторгъ съ тобою молчаливый,
Тотъ понялъ, что его нельзя пересказать.

Когда тебя не вижу я, сеньора,
Какъ много въ памяти моей
Для похвалы тебѣ есть огненныхъ рѣчей
И важныхъ думъ для разговора!
Но встрѣчусь лишь съ тобой, блестящая Аврора,
Я забываю все предъ красотой твоей,
Молчу, и не могу я отвести очей
Отъ обаятельнаго взора!
Въ то время красотѣ твоей въ моихъ устахъ
Нѣмѣетъ всякое хваленье...
Такъ въ простодушномъ изумленьѣ
Съ нѣмымъ почтеніемъ въ очахъ,
Дивясь, глядитъ дикарь, воспитанный въ лѣсахъ,
На образцовое художника творенье!

ПѢСНЯ ПЕРСИДСКАГО РАЗБОЙНИКА КЮРЪ-ОГЛУ.

(съ персидскаго.)

Прилетѣла весна,
Нѣту краше поры!
Разостлала она
По долинамъ ковры....

*

Горы, горы мои,
Сбросьте бѣлый покровъ
И катите ручьи
На раздолье луговъ!

*

Вонъ у той у горы
Мы бывало въ ночи
Становили шатры
И точили мечи;

*

А потомъ межъ собой
Мы дѣлили добро —
Коней въ збруѣ лихой,
Жемчуги, серебро....

*

Межъ утесовъ и скалъ
Я бывало лежу....
Вотъ ѣздокъ проскакалъ....
Я гляжу, и дрожу....

*

Я дыханье таю,
Съ нетерпѣніемъ жду,
И винтовку свою
Я туда наведу....

*

Съ полки брызнулъ огонь,
Громко выстрѣлъ гремитъ, —
Онъ свалился, и конь
Одинокій летитъ....

*

Горы, горы мои,
Я любилъ васъ, любилъ,
Всѣ богатства свои
Я сюда приносилъ;

*

Приходилъ я не разъ
И добро повѣрялъ,
И ни разу отъ васъ
Злой измѣны не зналъ!

*

Я Скутари разбилъ,
Падишаховъ чертогъ,
Твердъ, какъ горы онъ былъ,
И какъ горы высокъ!

*

Подложилъ я огня
Къ неприступнымъ стѣнамъ....
И три ночи, три дня
Пировали мы тамъ!

*

Тамъ было житье,
Были славные дни!...
Вамъ спасибо мое,
Горы, горы мои!

*

Все прошло, пронеслось,
Точно сонъ, точно дымъ,
И опять мнѣ пришлось
Воротиться къ своимъ!

*

Не обрадовалъ ихъ
Мой нежданный возвратъ;
Сталъ я жить межъ своихъ
Какъ чужой, а не братъ!

*

Ни привѣту, ни встрѣчь
Никогда не видалъ,
И съ разбойникомъ въ рѣчь
Тамъ никто не вступалъ...

*

Какъ чума, какъ бѣда,
Только силы губя,
Я бродилъ.... и тогда
Я сказалъ про себя:

*

Или вспомнить опять
Удалое житье?
Или снова достать
Боевое ружье?

*

Архалукъ подтянуть,
Ятаганъ наточить,
Смерти въ очи взглянуть,
Вольной птицей пожить?

*

И въ горахъ повидать
Дни былые свои?...
А! здорово опять,
Горы, горы мои!

Н. Бергъ.

ПО ВОЗВРАЩЕНІИ СЪ БАЛА.

Сонъ глубокій надъ Москвою,
Только мнѣ еще не спится,
Только мнѣ лишь нѣтъ покою,
И душа моя томится....
Все я слышу разговоры,
Слышу звуки нѣжной скрипки....
Предо мной мелькаютъ взоры
И прекрасныхъ устъ улыбки....
Но прекраснѣй всѣхъ межъ ними
Вы, мой геній легкокрылый,
Вы, съ очами голубыми
И съ улыбкой вашей милой!
И влюбленными глазами
Я слѣжу и наблюдаю
Все за вами, все за вами,
А другихъ не замѣчаю...
Я любуюсь вашимъ взоромъ,
Вашихъ глазъ лазурнымъ свѣтомъ,
Вашимъ платьецемъ, уборомъ,
Вашимъ розовымъ букетомъ,

Всякимъ вздоромъ, всякой шуткой,
Вашей чудною головкой,
Вашей ручкою-малюткой,
Вашей ножкою-плутовкой...
Радъ живому контрадансу
И лихому галопаду,
Я бѣгу отъ преферансу
И танцую до упаду...
Помню я, какъ вы устали,
Васъ круженье утомило,
Вы немножко захромали,
И хромали-то вы мило!
Послѣ танцевъ помню ужинъ;
Все, что прыгало, усѣлось...
Только мнѣ онъ былъ не нуженъ,
Ѣсть мнѣ вовсе не хотѣлось.
Я смотрѣлъ, какъ вы порхали,
И виномъ насъ угощали,
Точно нектаромъ, какъ Геба.
Вотъ гремятъ стаканы, ложки!
Всѣ встаютъ—и къ танцамъ снова!
Снова мчатся ваши ножки...
Слышны вальсъ и la redowa...
Долго я ходилъ по залѣ,
Дожидаяся кадрили,

Той, которую вначалѣ
Вы поэту подарили;
Долго ждалъ я и дождался,
И потомъ, танцуя съ вами,
Съ толку часто я сбивался,
Вралъ словами и ногами...
Но смиривъ въ душѣ тревогу,
Бросивъ балъ живой и шумный,
Я отправился въ дорогу,
Безпокойный и безумный...
Голова моя горѣла....
Между тѣмъ передъ глазами
Вы носились то-и-дѣло,
Ангелъ съ ясными очами...
И досель я помню живо
Этотъ вечеръ.... слышу скрипку....
Помню все и особливо
Вашу дивную улыбку....
Сонъ глубокій надъ Москвою,
Только мнѣ еще не спится,
Только мнѣ лишь нѣтъ покою,
И душа моя томится...

Н. Бергъ.

Москва.
Февраля 4 1849 г.

ПОДВОДНЫЙ ЦАРЬ.

(СЪ ШВЕДСКАГО.)

Какъ однажды у берега Саймы,
Между сосенъ, малютка рѣзвился,
И кидалъ онъ своею ручонкой
Разноцвѣтные камешки въ воду.
Царь подводный въ малютку влюбился,
И замыслилъ малютку похитить.
Вотъ выходитъ онъ на берегъ старцемъ,
Но его испугался малютка,
Побѣжалъ и за соснами скрылся.
Царь подводный исчезъ подъ волнами,
И является юношей статнымъ;
Манитъ снова къ себѣ онъ малютку,
Но малютка не идетъ, и спокойно
На него изъ-за дерева смотритъ.
Снова Царь опустился въ пучину:
Выплываетъ потомъ жеребенкомъ,
Вспрыгнулъ на берегъ, бѣгаетъ, скачетъ,
Машетъ гривой своею волнистой;
Вотъ, его увидавши, малютка
Побѣжалъ, и поймать жеребенка

Захотѣлъ; но къ нему жеребенокъ
Самъ понесся — малютка за гриву
Хвать рукой, и проворно садится
На хребетъ его сильный и крѣпкій.
Тутъ взыгралъ молодой жеребенокъ,
И съ добычею кинулся въ волны.
Мать приходитъ на озеро Сайму,
Стала кликать любезнаго сына,
Зарыдала, и на̀ берегъ влажный
Подлѣ самаго озера сѣла.
И увидѣлъ е́е Царь подводный,
Полюбилъ и похитить замыслилъ.
Вотъ выходитъ онъ на берегъ старцемъ,
Но она, лишь его увидала,
Побѣжала къ дремучему лѣсу.
Царь является юношей статнымъ,
Но она, посмотрѣвъ, отвернулась
И не вышла изъ темнаго лѣсу.
Опустился онъ въ озеро Сайму,
И малюткой потомъ выплываетъ.
На волнахъ закачался малютка,
По водѣ онъ рученками плещетъ,
Будто на берегъ хочетъ подняться,
Но волною его отбиваетъ.
Мать увидѣла милаго сына,

Подбѣжала, дитя свое манить,
Обѣ руки къ нему протянула;
Но внезапно малютки не стало,
Царь схватилъ дорогую добычу
И съ съ добычею скрылся въ пучинѣ.

Н. Бергъ.

КЪ УЧЕНОМУ.

I.

Ученый! берегись покидать свой мирный кабинетъ, бойся мѣшаться съ толпою, бѣгай какъ можно далѣе отъ салоновъ, пропускай мимо ушей ихъ пустыя сплетни. Иначе — ты нарушишь спокойствіе души своей, помрачишь воображеніе, возмутишь сердце. Какого общества тебѣ лучше: Гомеръ, Софоклъ, Аристофанъ, Виргилій. Насладился ими — тебя ожидаютъ Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Альфіери, — или Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте. Займутъ они тебя пріятнѣе, въ часы отдохновеній, всякаго

господина Аза, мадамъ Буки, барона Вѣди, маркиза Глаголя и княжны Добро. Или ты думаешь, что эти мертвыя *буквы* принимаютъ живое участіе въ твоихъ дѣйствіяхъ, принимаютъ къ сердцу твои мысли, раздѣляютъ твои желанія? Жалкое ослѣпленіе! Повѣрь — имъ нѣтъ никакого дѣла, цвѣтетъ литература или вянетъ, 12 ли пѣсенъ переведено и даже сочинено Одиссеи, или 24, кто правъ, Скандинавоманъ или Славянофилъ! Ученый, поэтъ — для нихъ тотъ же комедіантъ, лекція — пріятное щекотанье ушей, ученый споръ—бой Англійскихъ пѣтуховъ. Что онъ сказалъ, а какъ тотъ отвѣтилъ, хорошо ли разгорячился, скоро ли нашелся, — вотъ что ихъ занимаетъ, а тамъ будь ты Мильтонъ или Мевій, Гердеръ или Триссотинъ, для нихъ все равно: было бы разсказать что завтра поутру, было бы поспорить о чемъ ввечеру.

Помни, что писалъ Ломоносовъ къ своему, такъ названному меценату, Шувалову, о столахъ знатныхъ господъ. Помни, что завѣщалъ намъ Пушкинъ:

Не чисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И признакъ Бога, вдохновенье,
Для нихъ и чуждо и смѣшно.

Ученый! не обольщайся ихъ ласками: кому онѣ не расточаются? Не принимай ихъ комплиментовъ за чистыя деньги: это фальшивыя ассигнаціи, кои сыплются передъ всякимъ встрѣчнымъ, потому что ничего не стоятъ; не цѣни слишкомъ ихъ вниманія: они слушаютъ тебя по модѣ, хвалятъ тебя съ голоса, принимаютъ изъ видовъ. Нынче они превознесутъ тебя пожалуй до небесъ, завтра, если перемѣнятся обстоятельства, и не будетъ въ тебѣ нужды, они пропустятъ безъ вниманія лучшее твое произведеніе, а послѣ завтра ожидай отъ нихъ уже всякой клеветы.

Ученый! будь увѣренъ, что самый блистательный салонъ есть твой кабинетъ, что самое лучшее общество есть твоя библіотека, самый вѣрный другъ — наука, самое пріятное наслажденіе—въ твоемъ сердцѣ, и самая вѣрная награда трудамъ твоимъ—въ совѣсти.

II.

Ты грустишь, мой другъ! Клеветы, о тебѣ распущенныя, которыхъ долго ты разобрать, не только понять, не могъ, огорчили тебя до глубины сердца! О слабый! Чѣмъ ты огорчаешься? Развѣ это новость для тебя, развѣ у тебя не было уже всякихъ опытовъ, и развѣ ты не привыкъ еще къ этой атмосферѣ, окружающей, испоконъ-вѣка, всякаго человѣка достойнаго, атмосферѣ, что производятъ нравственныя инфузоріи, — ихъ гораздо больше описанныхъ Еренбергомъ. На тебя клевещутъ! Добрый знакъ! стало быть, ты стоишь клеветы; обыкновенные люди оставляются всегда въ покоѣ, подъ сѣнію смоковницъ. Ты помнишь ли, что сказалъ о клеветѣ Донъ-Базиль, а это вѣдь былъ мастеръ великій своего дѣла, знатокъ, законный судья!

Но тебя смущаетъ всего больше, говоришь ты, что въ числѣ виноватыхъ носятся предъ тобою образы друзей твоихъ. Друзей! Такъ ты не выразумѣлъ еще этого имени? Ты не знаешь еще, что оно, въ нашъ вѣкъ прогресса, перемѣнило, вмѣстѣ съ прочими, свое зна-

ченіе на языкѣ человѣческомъ, и если «слово» стало, по опредѣленію Талейрана, прикрытіемъ мысли, а не выраженіемъ ея, то «другъ» еще прежде сдѣлался вражескимъ чиномъ. Помилуй! — враговъ нынѣ уже нѣтъ между порядочными людьми, между людьми comme il faut: найди ты въ обществѣ одного человѣка, который бы не у всѣхъ жалъ руки безъ разбора, да еще съ какими умильными глазами! Врагъ—фи, какъ это старо̀, пошло, отстало! Отъ врага можно было отстороняться: онъ шелъ на тебя спереди; врага предупреждалъ тотъ, кто былъ проворнѣе его; врагу не всякій вѣрилъ о тебѣ. То ли дѣло— другъ! Откройся ему, попроси совѣта, — или дай хоть денегъ въ долгъ! Врагъ понялъ, что въ прежнемъ обветшаломъ своемъ костюмѣ онъ не могъ бы оказать тебѣ никакой настоящей дружеской услуги, по высокому курсу; не могъ бы запустить кинжала подъ самую ложечку, такъ чтобъ тебѣ осталась одна минута вздохнуть, чтобъ ты успѣлъ только почувствовать квинт-эссенцію его яда, на лезвеѣ, и смежающимися глазами увидѣлъ, кто удружилъ тебѣ окончательно. «Это ты?» Да, это я!

Вспомни, съ кѣмъ прощался Пушкинъ, принявъ смертоносную пулю отъ руки какого-то поганаго бродяги! Съ книгами, — и напрасно нашъ добрый Жуковскій сомнѣвался въ смыслѣ его послѣднихъ словъ. Комментарій къ нимъ можемъ прочесть въ 5книгѣ Онѣгина.

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.
А что? да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты.
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной,
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпости такой,
Иль эпиграммы площадной,
Который бы вашъ другъ съ улыбкой
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ сто-кратъ ошибкой.
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ, какъ родной.

Но нѣтъ, ты все еще не доволенъ моими убѣжденіями — я вижу по глазамъ твоимъ. У тебя проходятъ въ головѣ мысли, что ты находишься совершенно въ особыхъ обстоятельствахъ, кои никакъ не могли вызвать ни чьей зависти, ненависти, злобы, не могли породить клеветы; я живу, говоришь ты, всегда въ уединеніи, вдали отъ знати и свѣта, работаю на нивѣ особой, песчаной и каменистой, въ потѣ лица, люблю ближняго, не желаю ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елико ближняго моего, — я никому не мѣшалъ, ни у кого не перебивалъ дороги, ничего никогда не просилъ, не искалъ, не получалъ, а напротивъ, своей грубостію, гордостію, или искренностію, можетъ быть, отталкивалъ отъ себя даже тѣхъ, кто былъ расположенъ сдѣлать что-нибудь доброе для меня За что же на меня злиться, за что ненавидѣть меня? А друзья — за что они-то могли ожесточиться, остервениться? Имъ, кажется, стоило бы только вспомнить факты вмѣсто несбыточныхъ предположеній. Чего я не дѣлалъ для нихъ? Въ чемъ я отказывалъ? Какой

случай пропустилъ я, чтобъ доставить удовольствіе? Когда не поторопился исполнить ихъ желаніе, сколько мнѣ то было возможно? Полно, полно — перестань, ты не понимаешь ничего, ты все еще младенецъ при разсужденіи о жизни настоящей, хоть и берешься рѣшать въ прошедшемъ всѣ вопросы о царяхъ и царствахъ, о племенахъ и народахъ. Что ни говорилъ ты мнѣ въ свою пользу, все это горящій уголь на твою голову.... «Ты не искалъ, не желалъ«.... но очень естественно, ловко, пріятно, предполагать, для уравненія, что ты искалъ и желалъ.... не оставить же тебя всегда правымъ.... да это и быть не можетъ.... Твои обстоятельства и отношенія ко-врагамъ и друзьямъ отнюдь не особыя, не новыя; онѣ всегда были, есть и будутъ, одинакія между людьми, въ какой бы сферѣ кто изъ нихъ ни находился, — и вмѣсто того, чтобъ думать, говорить, писать, а всего менѣе огорчаться ими, ты, далеко за второй половиной своей жизни, сознавая свое достоинство, долженъ забавляться ими и ихъ безпрерывными измѣненіями, какъ тѣнями въ китайскомъ фонарѣ; а если въ припадкѣ слабости непремѣнно хочешь искать утѣшенія, внѣшняго, такъ вотъ тебѣ оно: продолжай

трудиться, и всякій новый твой трудъ будетъ уголовною уликою противъ всѣхъ клеветниковъ, местію, самою дѣйствительною, твоимъ врагамъ или друзьямъ, въ глазахъ людей мыслящихъ, безпристрастныхъ, благонамѣренныхъ, которыхъ, что ни говорится и что ни творится, а все еще есть у насъ много, потому что святая Русь не клиномъ сошлась. Они, вдали отъ рынковъ, площадей и салоновъ, слѣдятъ за твоими, тяжелыми занятіями, знаютъ цѣну всѣхъ благородныхъ усилій, и радуются на твои ученыя пріобрѣтенія. Рано ли, поздно ли, а твое чистое сѣяніе дастъ прекрасной плодъ, ты увидишь его своими глазами, и одна минута этого наслажденія заставитъ позабыть тебя всѣ неудовольствія, огорченія, удары, язвы, которыя, ни за что, ни про что, сыплются на тебя сторицею. Впередъ, съ Божіей помощію!

М. Погодинъ.

ДВА СЧАСТЛИВЦА.

БАРКАРОЛЛА, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

> Then *two* — a woman and a youth — were ther....
> And *both* were young, and *one* was beautiful.
>
> *(Byron, the Dream).*

—

Въ сосѣдствѣ, за ближней стѣною,
И говоръ, и шорохъ, и смѣхъ......
Ни днемъ, ни ночною порою,
Тотъ шумъ не даетъ мнѣ покоя,
И (будь мнѣ признанье не въ грѣхъ!)
Къ сосѣдямъ стремлюсь я украдкой
Моей любопытной догадкой.

—

Какъ пара голубокъ влюбленныхъ,
Какъ милыхъ двойняшекъ чета,
Тамъ двое счастливцевъ блаженныхъ,
Медовой порой упоенныхъ....
И мало ли чѣмъ мнѣ мечта
Несвязную рѣчь дополняетъ,
Неконченный смѣхъ объясняетъ....

—

Я слышу, какъ долги, какъ звучны
Любви поцѣлуи горятъ....
Я вижу, всегда неразлучны,
Къ рѣшеткѣ балкона подручной
Прильнутъ *они* вмѣстѣ.... стоятъ....
На небо, на море, на волны
Любуются, радости полны....

—

Неаполя роскошью чудной,
Залива его синевой,
И зеленью виллъ изумрудной,
И горъ живописной грудой,
И далью прозрачно-златой
Любуются баловни счастья....
И дума имъ отдыхъ отъ страсти!

—

Вчера, на Везувій горящій
Сбирались они въ поздній часъ;
Ни путь, близкой смертью грозящій,
Ни вѣтеръ, въ лицо имъ палящій,
Не тронули ихъ: все рѣзвясь,
Они на волканъ не смотрѣли....
Другъ другу лишь въ очи глядѣли!

—

Подъ сумерки, только прохлада
Замѣнитъ удушливый зной,
Ужъ лодка готова: имъ надо
Понѣжиться новой отрадой,
И вотъ ужъ по зыби морской
Послушный гребецъ ихъ качаетъ,
Волна ихъ лелѣетъ, лобзаетъ.....

—

И свѣтятъ имъ звѣзды ночныя,
И мѣсяцъ сіяетъ для нихъ,
И пѣсни полудня простыя,
Напѣвы любви огневые,
Заразой роптаній своихъ
Вливаютъ во грудь имъ волненье,
На сердце наводятъ томленье....

—

Счастливцы!.... спѣшите, спѣшите
Пить сладкую чашу до дна!
Блаженствуйте.... нѣжьтесь.... живите!
И крѣпко, и страстно любите:
Любовь не на вѣкъ вамъ дана!....
Съ улыбкою тихой участья
Слѣжу и люблю ваше счастье!

—

Вамъ миръ и согласье желаю,
Хоть чужды вы жизни моей!
Про васъ, только то лишь я знаю,
Что вы изъ далекаго края,
Что кудри златыя у *ней*....
Но видѣть мнѣ любо и мило,
Какъ счастье возможно бъ здѣсь было!....

Гр. Е. Ростопчина.

Неаполь,
въ алберго делла Витторья.
Апрѣль 1846.

ОТВѢТЪ НА СТИХИ

П. М. Б.....ной.

Я былъ боленъ; снова очи
Стали тускнуть у меня;
Я ужъ ждалъ туманной ночи
Вмѣсто радостнаго дня!
Ваше милое посланье
Для меня, въ моемъ изгнаньѣ,
Было говоромъ съ небесъ:
Я какъ будто бы воскресъ!
Столикъ мой у васъ недаромъ!
Онъ напомнилъ нашу даль!
Черный аспидъ — вашимъ даромъ
Сталъ поэзіи скрижаль!
Но и сладко мнѣ и грустно
Ваши строки прочитать!
Долго рѣчи вашей устной
Мнѣ придется не слыхать!
Тихій кругъ вашъ, кругъ семейный,
Гдѣ и я былъ, какъ родня,

Разговоръ нашъ беззатѣйный —
Скрылись, смолкли для меня!
Придетъ лѣто; садъ Бутырскій
Разцвѣтетъ — зеленый рай!
Всѣ пріѣдутъ; гость Симбирскій
Не явится невзначай!
Наши дѣти по аллеѣ,
Тамъ, гдѣ лиліи цвѣтутъ,
Пестрыхъ бабочекъ рѣзвѣе
Встрѣчу къ вамъ не побѣгутъ!
Въ теплый вечеръ нѣги полный,
Въ лунный свѣтъ потонетъ садъ,
Померанцевыя кроны
Разольютъ свой ароматъ;
Подъ ночною пеленою
Розъ дыханьемъ окуренъ
И цвѣтами, какъ стѣною,
Обнесенный съ трехъ сторонъ,
Чайный столъ — другой луною
Озаритъ хрустальный шаръ;
Гости доброю семьею
Вкругъ обсядутъ самоваръ;
Веселъ, живъ, многостороненъ,
Разгорится разговоръ;
И заспоритъ вновь . . . . . . ъ

И не выду я не споръ!
Грустно право! — Но стихами
Вы творите чудеса!
Я ослабшими глазами
Вижу — ваши небеса,
Шаръ воздушный, садъ зеленый,
Чай вечерній, кругъ друзей,
Все, что видѣлось въ дни оны,
Какъ я жилъ между людей!

Мих. Дмитріевъ.

12 Ноября 1848.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Къ тебѣ, поэзія святая,
Къ тебѣ я возвращаюсь вновь,
Въ горячемъ сердцѣ обрѣтая
Къ тебѣ остывшую любовь.
Прости, прости мнѣ заблужденья,
И снова на душу навѣй
Святыя, чистыя видѣнья
Моихъ прошедшихъ, свѣтлыхъ дней!

На мигъ единый, мигъ напрасный,
Иные помыслы земли
Отъ цѣли лучшей и прекрасной
Меня безумно увлекли;
Небесное съ земнымъ боролось
Въ моей душѣ.... я умиралъ...
Но снова твой привѣтный голосъ
Мнѣ благодатью прозвучалъ;
И внялъ я голосъ тотъ призывный,
И снова въ твой роскошный міръ,
Въ твой міръ плѣнительный и дивный,
Лечу, какъ на веселый пиръ;
Лечу, исполненъ жизни новой,
Съ печатью Бога на челѣ,
Земной любви вѣнецъ терновый
Я покидаю на землѣ!

Н. Бергъ.

ПОДЗЕМНЫЙ МІРЪ.

(Изъ Гейне.)

I.

Я не радъ, что я женатъ!
Говорилъ Плутонъ, горюя:
Вотъ теперь-то нахожу я,
Самый адъ мой былъ не адъ,
Прежде чѣмъ я былъ женатъ!
И къ чему женился я?
Ставъ супругомъ Прозерпины,
Все молю себѣ кончины:
Ахъ! за криками ея
Цербера не слышу я!
Миръ души меня бѣжитъ!
Здѣсь никто того не знаетъ,
Какъ властитель самъ страдаетъ;
Мнѣ завиденъ казни видъ
Даже милыхъ Данаидъ!

II.

Въ чертогахъ подземныхъ, на тронѣ златомъ,
Съ Плутономъ, супругомъ угрюмымъ, рядкомъ
Сидитъ Прозерпина;
А злая кручина
У бѣдной богини на сердцѣ лежитъ.
—Тамъ розы алѣютъ, поетъ соловей,
При блескѣ денницы, подъ сѣнью вѣтвей,
А я здѣсь горюю!
Меня молодую
Тоска по отчизнѣ совсѣмъ иссушитъ!
— Тяжелъ мнѣ съ немилымъ нерадостный бракъ

Въ проклятой берлогѣ, гдѣ царствуетъ мракъ,
Гдѣ ночью лишь тѣни
Въ окно моей сѣни
Глядятся, и Стиксъ такъ уныло шумитъ!
—Сегодня къ обѣду былъ мной приглашенъ

Сердитый, костлявый и лысый Харонъ;
А прочіе гости,
Лишь кожа да кости....
Ахъ, общество это мнѣ душу мертвитъ!

III.

Но межъ тѣмъ, какъ тутъ мученьямъ
И стенаньямъ нѣтъ конца, —
Тамъ Церера съ сокрушеньемъ,
Безъ манишки и чепца,
Какъ шальная пробѣгаетъ
По долинамъ, по горамъ,
И тѣ жалобы читаетъ,
Что давно извѣстны вамъ: (*)
Вновь поляны оживились!
Знать повѣяло весной;
Холмы солнцемъ озлатились,
Льды разрушены волной;
Въ лонѣ водъ съ высотъ ѳѳира
Улыбается Зевесъ;
Крылья нѣжнаго зефира
Чуть колеблютъ юный лѣсъ;
Въ рощахъ хоры пробудились,
Ореада мнѣ поетъ:
Всѣ цвѣты къ намъ возвратились:
Дочь твоя ужъ не придетъ!
Ахъ! ее-то я искала,

(*) Жалобы Цереры — баллада Шиллера.

Обѣгая много странъ,
Вслѣдъ за нею посылала
Всѣ лучи твои, Титанъ;
День приходитъ, день уходитъ, —
Нѣтъ слѣда прелестныхъ ногъ!
Онъ, который все находитъ,
Лишь ея найти не могъ.
Ахъ, не ты ль, властитель неба,
Скрылъ ее, плѣнясь красой?
Иль въ подземный мракъ Эреба
Взялъ Плутонъ её съ собой?
Кто же къ ней мой стонъ призывный
Отнесетъ за Ахеронъ?
Челнъ отходитъ непрерывно,
Но лишь тѣни носитъ онъ;
Міръ подземный, мрака полный,
Вѣкъ сокрытъ очамъ земныхъ,
Стиксъ, пока струитъ онъ волны,
Но носилъ еще живыхъ;
Сотни есть туда тропинокъ,
Но оттуда — ни одной;
Тамъ и токъ ея слезинокъ
Скрытъ для матери родной!

IV.

Теща милая, Церера!
Не кручинься такъ, — повѣрь —
И моихъ страданій мѣра
Преисполнилась теперь.
Полно плакать! — Коль угодно,
Мы подѣлимся женой:
Прозерпина ежегодно
Будетъ полгода съ тобой;
Надъ работою крестьянской
Станетъ вмѣстѣ надзирать,
Или въ шляпкѣ итальянской
По полямъ-лугамъ гулять.
Пусть она и помечтаетъ
У ручья въ вечерній часъ,
Какъ на дудкѣ заиграетъ
Босоногій свинопасъ;
Иль пожалуй въ хороводѣ
Съ Ваней, съ Лизою пройдетъ:
Вѣдь ее въ такомъ народѣ
Всякій барыней почтетъ.
Я же въ Оркѣ, на покоѣ
Пуншъ изъ Леты буду пить,
Чтобъ скорѣе все былое
И жену мнѣ позабыть.

Ө. Миллеръ.

НИ КОГО.

Ни кого!... пустота!.. холодъ!... тьма!... на
землѣ
И въ душѣ—ни кого!...
Былъ одинъ сердцу другъ, жизни жизнь!...
отняла—
Унесла смерть его!...
Съ той поры — одинокъ и далекъ отъ любви,
Отъ родства, отъ друзей:
(Безъ него все и всѣхъ разлюбилъ, позабылъ!)
Я таюсь отъ людей:
Имъ меня не понять, не унять и тоски
Имъ моей. Я боюсь
Ихъ рѣчей: о судьбѣ, о грѣхѣ, о крестѣ—
Знаю все! а крушусь
И сержусь я на нихъ! Рѣчи ихъ, жалость
ихъ—
Не елей, не вино
Въ язвы мнѣ; ихъ совѣтъ, ихъ укоръ, ихъ
глаза—
Сердцу ножъ! и оно—
Подъ ножомъ ихъ рѣчей—и дрожитъ и кипитъ,
Рвется прочь, все въ крови!...

А они? поглядятъ — и качнутъ головой!
Гдѣ же взять имъ любви?
И скорѣй убѣгу и запрусь отъ людей —
И одинъ... какъ-то мнѣ
И вольнѣй, и слышнѣй вопль души, скорби пѣснь,
Вздоха звукъ въ тишинѣ...
Я молюсь, и молюсь.... а тошнѣй, и тошнѣй
На душѣ! А смягчить,
Удалить, разлюбить мнѣ печаль—силы нѣтъ!
Воли нѣтъ позабыть
Какъ любилъ я дитя! мнѣ тоска—хлѣбъ души!
Слезы мнѣ—медъ, елей!
Какъ любилъ я тогда и своихъ и чужихъ!
Въ немъ—звѣздѣ свѣтлыхъ дней—
Былъ огонь, былъ мой свѣтъ, теплота добрыхъ чувствъ,
Добрыхъ дѣлъ!...Мой родникъ
И любви и молитвъ! скрылся ты—и упалъ
Духомъ я! и поникъ
Головой! Что мнѣ въ васъ, вы, родня и друзья!
Кто отдастъ мнѣ его?
У родни, у друзей—есть друзья, есть семья;
У меня—ни кого!

Съ нимъ я все схоронилъ; имъ и въ немъ все любилъ;
Жизнь и свѣтъ безъ него —
Пустота, холодъ, тьма! безъ него на землѣ
И въ душѣ—ни кого!

*

О! не ропщи на скорбь души больной,
На бредъ тоски, на буйные укоры:
Отчаянье мнѣ гложетъ грудь порой
И умъ мутитъ и затмѣваетъ взоры —
И, внѣ себя, не слажу я съ собой!
И кровь и желчь во мнѣ кипятъ — и шумно
Въ ушахъ! и я, какъ Каинъ, не мольбой,
А ропотомъ хочу склонить безумно
На жалость Небеса!... Пройдетъ гроза
Въ душѣ больной—вздохну вольнѣй, и стихну!
Въ глазахъ блеснетъ раскаянья слеза—
И сладко вновь любовью, вѣрой вспыхну!
И вновь, смирясь, благодарю Творца,
Что ты—со мной! ты, ангелъ мой хранитель!..
Въ неистовствахъ опаснаго слѣпца
Ты бережешь, какъ пѣстунъ и водитель.
Ты—мать! свой крестъ безропотно взяла—

И мнѣ дасшь терпѣнія уроки!
И—будто жизнь еще тебѣ мила —
Изъ устъ твоихъ не слышатся упреки!...
Храни жъ меня, о спутница моя!
Когда впаду въ припадокъ грусти буйной —
Молись! молись! о! пусть душа твоя
Вся скажется въ молитвѣ тихоструйной!

Николай Сушковъ.

ДОЧЬ МАТРОСА.

Повѣсть.

I.

Въ 1780-хъ годахъ Севастополь не былъ еще тѣмъ *прекраснымъ городомъ*, который возвышается теперь надъ двумя заливами, и, примыкая къ большой рейдѣ, кажется издали богатой горкой, уставленной фарфоромъ. Теперь бѣлые домики простой, но правильной архитектуры, съ красными черепичными крышами, поднимаясь одинъ надъ другимъ, унизываютъ улицы, кои отъ главной, обстроенной большими домами и обнимающей подошву холма, восходятъ ступенями до вершины.

Со ставшаго на рейдѣ корабля, гребное судно приноситъ пассажировъ къ гранитной лѣстницѣ, украшенной саркофагами и грифо-

нами, ведущей прямо къ дворцу Великой Создательницы этаго перваго въ цѣломъ мірѣ порта. Посвятивъ, по мѣрѣ способностей своихъ, нѣсколько мыслей этому назидательному памятнику, пріѣзжій можетъ повернуть на такъ называемый встарь *хребетъ беззаконія*, сглаженный теперь замѣнившимъ его тѣнистымъ бульваромъ, посреди котораго возвышается монументъ храбраго Козарскаго; съ бульвара путникъ войдетъ въ гостинницу, гдѣ, ублаживъ всю взыскательность вкуса, можетъ если желаетъ, почти не покидая крова, посѣтить вечеромъ театръ или танцовать, если случится, въ благородномъ собраніи; или спокойно отдыхая отъ качки извѣданнаго мореходами Чернаго моря, заняться исчисленіемъ неизчислимыхъ выгодъ этой точки нашей доброй Русской земли, охватывающей едва ли не пятую часть всей твердой поверхности.

Природа въ Севастополѣ, какъ библейская *кокошь*, собираетъ подъ крила птенцовъ, перелетающихъ на вѣтрилахъ водныя пространства. Никакое искусство не могло бы доставить въ этомъ отношеніи бо́льшихъ выгодъ.

Нѣтъ подобнаго Севастопольскому залива, вдающагося на семь верстъ въ землю, въ десять саженъ глубины. Дно его устлано иломъ, грунтомъ самымъ надежнымъ для удержанія якорей. Нѣтъ другаго подобнаго рейда, украшеннаго горами, какъ ширмами, отъ всѣхъ злыхъ вѣтровъ, гдѣ постоянно, исключая сильныхъ бурь, по захожденіи солнца до полудни, дуетъ вѣтеръ отъ востока съ гавани, а послѣ того переходитъ къ западу, и дуетъ въ продолженіе дневнаго зноя до вечера. Это физическое явленіе, происходящее отъ положенія горъ, какъ будто для того придумано Провидѣніемъ, чтобы въ случаѣ нужды суда могли при разсвѣтѣ выйдти въ море, и, давъ сраженіе, возвратиться благополучно въ гавань, защищенную двумя устроенными у единственнаго входа батареями, съ которыхъ въ одну точку дѣйствуютъ до 600 орудій.

Четыре пространныя бухты представляютъ четыре обширныхъ и удобныхъ покоя для крылатыхъ пришельцевъ. Въ корабельной бухтѣ сто-пушечные корабли съ полнымъ грузомъ и воруженіемъ стоятъ подлѣ самаго берега и могутъ выходить изъ нее на рейдъ

подъ парусами. Эти доки снабжены необходимой мебелью: противъ каждаго корабля высѣчены въ горѣ магазины для храненія его принадлежностей. Самое Адмиралтейство устроено на западномъ берегу южной бухты, и отдѣлено отъ города стѣною, чтобъ для вооруженія флота всѣ матеріалы были подъ рукою.

Таковъ-то Севастополь подъ синимъ небомъ юга, въ лонѣ роскошной природы, на берегу надежнѣйшаго въ мірѣ залива, оживленнаго зрѣлищемъ входящихъ и выходящихъ изъ пристани судовъ и шлюбокъ, которыя снуютъ во всѣхъ направленіяхъ, какъ будто рѣзвясь заодно съ береговыми чайками, гдѣ вѣчная кипящая на гавани ярмарка, подъ неумолкаемый концертъ звуковъ стукотни и крика въ Адмиралтействѣ, пальбы изъ пушекъ, барабаннаго боя и музыки, безпрерывно смѣняющихъ другъ друга.

Не то было вскорѣ по завоеваніи Крыма, когда на мѣстѣ Севастополя, на сѣверномъ берегу залива; лежала бѣдная деревушка Ахтіаръ, жители которой прозябали беззаботно посреди уже несуществующаго густаго лѣса,

отдыхая отъ бездѣлья и помня слова Писанія, что каждому дню довлѣетъ злоба его. Безграмотный старожилъ безучастно смотрѣлъ на окружающіе его памятники вѣковъ, на лежащіе въ концѣ рейда остатки древняго Инкермана, на пещеры, высѣченныя въ утробѣ высокихъ и крутыхъ горъ, гдѣ нѣкогда скрывались гонимые сектаторы Арія, Генуэзскіе и иные изгнанники; гдѣ теперь хранится порохъ и огнестрѣльные снаряды, а въ иныхъ по-Гомеровски укрываются стада, пасущіяся на прекрасномъ окрестномъ лугу, орошенномъ Черной рѣчкой. Для полудикихъ туземцевъ не имѣли глагола безцѣнныя для насъ развалины Херсонеса, отъ которыхъ уцѣлѣли только нѣсколько лѣстницъ, высѣченныхъ въ гранитѣ для схода къ пристанямъ, одна полуразвалившаяся башня, совершенно обрушившійся водопроводъ и нѣсколько улицъ, съ обѣихъ сторонъ явственно означенныхъ основаніями домовъ, которыхъ по огромности камней нельзя было сдвинуть и разметать. Одинъ только Георгіевскій монастырь, воздвигнутый Греками за 1000 лѣтъ, во впадинѣ горы, сзывалъ богомольцевъ на от-

даленный благовѣстъ, но врядъ ли кто изъ прихожанъ занялся бы отыскиваніемъ въ его окрестности храма Діаны, гдѣ великолѣпная жрица Ифигенія сожигала на жертвенникѣ богинѣ ѳиміамъ, и поражала собственною рукою быстрыхъ сернъ и дикихъ вепрей.

Этимъ монастыремъ начинается дивная панорама южнаго берега, куда не зачѣмъ намъ вести читателя. Мы ограничиваемъ описаніе мѣстомъ дѣйствія, Севастопольскимъ заливомъ, куда въ одну бурную ночь влетѣлъ неожиданно фрегатъ *Стрѣла*, подъ командою умнаго своего капитана, который, потерпѣвъ штормъ въ предательскомъ Понтѣ, очутился вдругъ въ безопаснѣйшемъ пріютѣ. Здѣсь-то, имѣя досугъ и случай оцѣнить Ахтіарскій портъ, удобный для помѣщенія обширнаго флота, онъ подалъ о томъ мысль великому дѣятелю, Свѣтлѣйшему Князю Потемкину-Таврическому, и вскорѣ явился туда Адмиралъ Ушаковъ. Застукалъ молотъ, вырывая изъ нѣдръ горъ въ окрестностяхъ Инкермана камень, заходилъ топоръ, и начали одно за другимъ возникать, какъ будто волшебствомъ, окоймившія рейду зданія.

Не вдругъ однако же окончилось достойное своего вѣка предпріятіе. Долго спустя былъ присланъ для новыхъ учрежденій новый комплектъ опытныхъ офицеровъ. Они прибыли изъ Таганрога въ одинъ осенній полдень на мѣсто назначенія, и въ тотъ же полдень запраздновали на берегу встрѣчу пріѣзжихъ.

II.

Былъ пиръ, радушная трапеза, гдѣ въ кругу товарищей воротъ вицъ-мундира и душа были на-распашку.

Тогда еще городъ не представлялъ нынѣшнихъ разнообразныхъ удобствъ: невзыскательная дружная семья была тѣмъ рада, чѣмъ богата.

Единственный трактиръ, гдѣ обѣдала бездомная молодежь, содержался старикомъ Неаполитанцемъ, нѣкогда шкиперомъ купеческаго судна, потерпѣвшаго въ окрестныхъ берегахъ крушеніе, и, какъ поговаривали недоброжелатели синьора Лоренца, онъ, продавъ предварительно грузъ въ Трабезонтѣ, затопилъ ввѣренную ему барку. Другіе, судя по Ринальдинской наружности трактирщика,

разсказывали, съ неменьшею вѣроятностію, что смолоду онъ занимался инымъ ремесломъ, и бороздилъ, гоняясь за добычею на бойкой шкунѣ, лабиринтъ Архипелага, котораго всѣ заливы, бухты, проливы, мели, мысы и скалы, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ; но ни намъ, ни веселымъ посѣтителямъ его локанды до того не было собственно нужды.

Привычные гости Лоренцо рѣдко заводили съ нимъ разговоръ, потому во-первыхъ, что Лоренцо плохо говорилъ по-Русски, а гораздо лучше стряпалъ свои поленты, равіоли, макароны, стофаты и разновидныя яства изъ рыбы и другихъ морскихъ плодовъ: и во-вторыхъ потому, что посѣтители его больше любили обращаться съ своими требованіями къ помощницѣ Италіанца, проворной служанкѣ заведенія, быстроглазой Смирніоткѣ, еще сохранившей полувосточный нарядъ свой— Албанскую шапочку, дважды обвитую черною косою.

Мóрица по обыкновенію служила у столовъ, исполняя въ одинъ мигъ тысячу приказаній, и вызывая улыбкой снисходительность прика-

зывающихъ; но въ свободное отъ этой работы время, она замѣняла своей хорошенькой особой вывѣску, которой не было на трактирѣ. Каждый вечеръ постоянно, по обычаю Смирніотскихъ красавицъ, сидя на порогѣ, она испытывала магнитъ черныхъ глазъ своихъ надъ проходящими моряками.

Благодаря этому магниту и огню добрыхъ винъ Лоренца, также можетъ быть и тому, что не представлялось ничего другаго для выбора и состязанія, хлѣбъ-соль трактира Лоренца шла въ прокъ и хозяину и потребителямъ.

Въ упомянутый нами день, въ необширной столовой Неаполитанца, сидѣли трапезующіе передъ столомъ, уставленнымъ десертомъ и отчасти уже порожними бутылками Сицилійскаго и Греческаго вина.

Не смотря на то, что по тогдашнему доброму обычаю сѣли обѣдать въ часъ пополудни, по обычаю не менѣе доброму, никто не считалъ ни кусковъ, ни стакановъ, никто не мѣрилъ времени, и стало уже помаленьку смеркаться, а гости продолжали еще бесѣду и трапезу, которая все болѣе оживлялась, окрашиваясь «кровью виноградныхъ лозъ.»

— Что братъ, Снярскій, ложишься въ дрейфъ? рано братецъ! — сказалъ лейтенантъ Левъ Николаевичь Свиристилевъ.

Это была старшая особа по возрасту, по званію и по уваженію, которымъ пользовался; голосъ его покрылъ безтолковый гулъ, наполнявшій, подобно хаотическому смѣшенію, комнату. Рѣчь лейтенанта обращалась къ старшему мичману неопредѣленной наружности, которая въ молодыхъ годахъ не молода, но за то въ старыхъ, какъ будто не имѣя способности измѣняться, остается нетронутою, застрахованною — стереотипною.

— Благодаренъ, не хочу, — отвѣчалъ мичманъ, отклоняя стаканъ свой отъ нагнутаго надъ нимъ горлышка бутылки.

— Что жъ такъ?

— Не хочется.

— Не хорошо, братецъ, не хорошо! въ половину ничего не должно дѣлать!... Какъ полагаете вы, господинъ докторъ? Не прикажете ли, по сырой погодѣ, прибавить противъ ревматизма?

Особа доктора сидѣла съ другой стороны лейтенанта, и находилась въ томъ созерца-

тельномъ положеніи, которое подъ вліяніемъ хмѣля родится у людей, въ нормальномъ состояніи не расположенныхъ къ глубокомыслію. Трудно было рѣшить, о чемъ именно думалъ онъ въ эту минуту, но, повидимому, направленіе идей его было нѣжное. Онъ улыбнулся, и въ слѣдъ за тѣмъ глубоко вздохнулъ на вопросъ лейтенанта, который, взглянувъ на него пристальнѣе, махнулъ рукою.

Лейтенантъ, не задолго передъ тѣмъ тяжело раненный подъ Бейрутомъ, гдѣ фрегатъ его бомбардировалъ зубчатыя стѣны, за которыми скрывался хищный Геззаръ-Паша, въ свободное отъ службы Нептуну и Марсу время, остерегался жертвовать, какъ бывало съ молоду — Вакху, а по старому обычаю и по хлѣбосольному свойству своему, любилъ поощрять къ тому гостей и собесѣдниковъ.

Видя, что одинъ изъ сосѣдей его находится въ нерасположеніи, а другой въ физической невозможности принять это поощреніе, онъ обратился къ сидѣвшему насупротивъ его усастому капитану изъ Грековъ, находившемуся долго въ плѣну у Алжирцевъ.

Но капитанъ столько погрузился въ минувшее сладкое воспоминаніе; настоящее какъ будто изгладилось передъ нимъ, и разгоряченное его воображеніе перенесло его въ страну крокодиловъ и іероглифовъ.

— Что, вспомнилъ одалыку Бея? а?

— Одалыку Бея, — проговорилъ капитанъ, протягивая руки къ юношѣ, штурманскому ученику, какъ будто угрожая заключить его въ объятія.

— Отчаливай съ своей одалыкой! — сказалъ, уклоняясь отъ него, молодой человѣкъ.

— Ну, братъ, извини. Это воображеніе.... она мнѣ и днемъ и ночью снится.... Одинъ только разъ въ жизни удалось влюбиться, да и то не въ попадъ!...

— Лоренцо! Синьоръ Лоренцо! — крикнулъ Снярскій, — гдѣ же грогъ? Гдѣ грогъ мой? повторилъ онъ такъ громогласно, что лейтенантъ, вовсе не принадлежавшій къ нервнымъ созданіямъ, вздрогнулъ.

— Э, братъ, — сказалъ онъ, — ты видно по-Англійски, хочешь скорѣй къ цѣли?

— Грогу! — проговорилъ мичманъ еще разъ, но гораздо тише, и замолкъ, какъ будто за-

бывъ о своемъ требованіи. Еще глубже погрузился онъ въ думу, отуманенный парами, которые, казалось, коснулись до его мозга.

Лейтенантъ, поглядѣвъ на него и покачавъ головою, сказалъ:

— Снярскій! ты, кажется, вывезъ сплинъ изъ угарной и туманной своей Англіи? Тебя не узнать родному брату. Бывало, хватъ и въ дружбѣ и въ любви; а теперь, на что ты сталъ похожъ? Сидитъ, какъ укоръ совѣсти, въ веселой бесѣдѣ. Эхъ, Снярскій!

Мичманъ взглянулъ во всѣ глаза на своего собесѣдника, какъ будто съ усиліемъ стараясь уразумѣть смыслъ словъ его; казалось, наконецъ понялъ, приподнялся и хотѣлъ выйдти изъ-за стола.

— Куда жъ ты? куда? — спросилъ, удерживая его за полы, добрый лейтенантъ, испугавшись, не затронулъ ли онъ его словами. — Помилуй, что съ тобой? Ты сталъ обидчивъ, какъ старая Англичанка.

— Голова кружится, — отвѣчалъ, едва держась на ногахъ, мичманъ.

— Съ чужаго хмѣля?

— Голова кружится, — повторилъ онъ, шатаясь, и придерживаясь къ стѣнѣ, вышелъ на галлерею.

За нимъ послѣдовалъ лейтенантъ, и оба они усѣлись на галлереѣ, отъ которой разстилался далекій видъ на бухту; суда съ обнаженными отъ парусныхъ пеленъ своихъ мачтами походили на огромныхъ, опрокинутыхъ вверхъ лапками, насѣкомыхъ. Вода казалась вороненою, гладкою сталью; но поднимающійся туманъ, какъ ржа, начиналъ покрывать собою это живое зеркало, и проникалъ раздражительно въ глубь сердца.

Долго сидѣли молча, свидѣвшіеся послѣ трехлѣтней разлуки, товарищи. До нихъ среди окружной тишины атмосферы долетали изъ столовой звуки внутренней бури. Тамъ бушевало море хмѣльныхъ испареній, съ которымъ смѣло и храбро справлялись добрые моряки; а Морица, какъ Амфитрита, появлялась въ волнахъ, сверкая, какъ фосфоромъ, черными глазами, и олицетворяя собою то одалыку Бея, вызываемую изъ минувшаго капитаномъ, то другія не меньше пріятныя воспоминанія пирующихъ.

— Вишь какой ты сталъ джентльменъ! слова не добьешься!—началъ лейтенантъ. — Ужь не тоска ли любви запала, любезный другъ, на сердце?

Не смотря на сумракъ, замѣтно было, какъ поблѣднѣло при этомъ словѣ лицо мичмана, оглянувшагося на товарища.

— Что, догадался?—вскричалъ весело лейтенантъ. — Такъ видно вправду осталась на чадномъ островѣ тосковать по тебѣ какая-нибудь блѣдная леди? Ахъ ты, баковая рожа! Знай нашихъ! рѣдко ступаемъ на берегъ, да вѣрно мѣтко! Только послушай, Снярскій, пусть ихъ тоскуютъ и томятся; а ты-то что? Нашъ братъ морякъ въ каждой пристани долженъ выгружать тоску; а нагружать себя тоской, извини — эта провизія въ море не годится! — Однако ты совсѣмъ раскисъ, любезный! Что съ тобой, душа моя?

Добрый лейтенантъ, какъ заботливая няня, приблизился къ молодому человѣку, какъ будто съ намѣреніемъ погладить его по головкѣ и приголубить.

— Ахъ, отстань, братецъ!—простоналъ онъ.

— Скажи пожалуйста, я же провинился, за

то, что готовъ плясать идти, чтобы развеселить тебя.

— Очень нужны мнѣ ваши веселости!

— Не понимаю тебя. Бывало ты говорилъ мнѣ все, что на душѣ было; а теперь.... ну право, точно какъ влюбленный герой романа!

— Ну, влюбленъ!... что жъ такое?... ну, герой романа, вотъ и все!... Эй! Лоренцо!... грогу!

— Стало быть, это ужъ не шутка.

— Не шутка! — крикнулъ Сиярскій, стукнувъ пустой стаканъ о перилы, такъ что онъ разлетѣлся въ дребезги.

Лейтенантъ посмотрѣлъ на мичмана; лицо его какъ будто раскалилось, на глазахъ выступали слезы.

— Много перемѣнъ съ тобою, послѣ долгой нашей разлуки! и это все вывезъ ты изъ Англіи.

— Да! изъ Англіи! именно! влюбился тамъ въ машину!... въ гидравлическую машину, которая, чортъ бы дралъ, такъ и выжимаетъ слезы!... Ахъ, Лёва!

— Эхъ, пріятель, плохо сталъ дѣйствовать на тебя хмѣль! — сказалъ лейтенантъ.

— Хмѣль! хорошъ хмѣль! Послушай, ты помнишь Анночку Гиреневу? — сказалъ Снярскій, приклонивъ голову на плечо Лейтенанта.

— Гиреневу?... Гиреневу....

— Ну, Гиреневу, дочь коммиссара Гиренева, въ Таганрогѣ.

— Помню, помню! дѣвочку, которую ты училъ....

— Хмъ! дѣвочку! какъ будто дѣвочки такъ и остаются дѣвочками!...

— Ну, да положимъ, что она выросла и теперь не дѣвочка, что жъ такое?

— Что такое! ахъ, свинья братецъ ты какой, Лёва! Пошелъ, вели подать мнѣ чего-нибудь!...

— Э-эхъ, Снярскій! я думалъ, что у тебя и голова и сердце немножко понадежнѣе.

— Что жъ, я училъ ее для другаго что ли? для другаго что ли я ее училъ?

— Ну, положимъ, что для себя.

— Я думаю, что для себя; и она, и отецъ, и мать, и тетки, и дяди, и вся домашняя челядь это понимали

— Ну?

— Ну, я отправился въ походъ. Ей еще былъ пятнадцатый годъ.

— Я думаю, что влюбиться было еще не въ кого.

— Скажи пожалуйста! влюбиться! пьфу? да нешто я ее для другихъ готовилъ? а? скажи пожалуйста? нешто я ее для другихъ готовилъ?

— Ну, положимъ, что такъ....

— Какъ, положимъ такъ? Стало быть я для другихъ ее готовилъ?

— Вѣрю, что не для другихъ; но, стало быть, ты, возвратясь изъ похода, засталъ ее замужемъ?

— Хмъ! засталъ замужемъ! нѣтъ, не засталъ замужемъ.

— Такъ она отказалась отъ тебя?

— Хуже!

— Да что жъ такое случилось!

— Что случилось! вотъ оно въ томъ-то и дѣло!... Что жъ это не подаютъ ничего?

— Чего тебѣ?

— Да хоть чего-нибудь.... чего бы?... вели хоть рому подать....

— Эй, Лоренцо!

— Вотъ, возвращаюсь я въ Таганрогъ, — продолжалъ Снярскій, — не успѣлъ фрегатъ

бросить якорь, а проклятый штиль охватилъ его, какъ льдомъ въ Сѣверномъ морѣ... Разумѣется, я шмыгнулъ въ гребную шестерку.... пошелъ!.... Ѣдутъ не ѣдутъ.... точно какъ на одномъ мѣстѣ стоимъ.... такая дрянь попались гребцы.... Взялъ самъ весла.... Эхъ! чортъ бы дралъ, лучше вѣкъ бы не доѣхать до берега!... или по крайней мѣрѣ вмѣсто штиля штормъ! перевернулъ бы шлюбку вверхъ тормашкой, такъ ужъ и зналъ бы, что все камнемъ на дно пошло!

— Ну?

— Ну, пріѣхалъ, какъ разъ въ пору!... Вотъ какъ разъ, какъ на смѣхъ попалъ прямо на ножъ!.... Бѣгу; ну, думаю: день веселія насталъ!.... Вотъ ужъ и приходская ихъ церковь.... здѣсь буду я съ ней вѣнчаться.... Смотрю: церковь освѣщена, на паперти толпа народу....

— Что такое?

— Свальба.

— Добрый знакъ! Чья?

— Коммиссарская дочка выходитъ.

— Какая коммиссарская?

— Гирсенева. Охъ, братецъ, точно какъ мертвый якорь полетѣлъ на дно, да канатъ

пополамъ сорвало! Вбѣгаю, проталкиваю толпу.... Кончено! вотъ они идутъ! .. какая-то рожа ведетъ ее!... Ахъ, проклятый!... Схватился за кортикъ, рвусь сквозь толпу.... поздо! уѣхали!... убилъ бы, клянусь тебѣ убилъ бы!.... и поминай какъ звали!....

— Ахъ ты безумный, изступленный! — сказалъ лейтенантъ, смотря на мичмана, который, выхвативъ кортикъ, вонзилъ его въ столъ.

— Что-о? для другаго что ли я ее готовилъ?... Я бы его убилъ, еслибъ проклятая горячка не оковала рукъ, и не увезли меня товарищи сюда.... Эй! Лоренцо! — крикнулъ снова мичманъ, выдернувъ кортикъ, и снова вонзилъ его въ столъ.

— Полно, любезный, ты такъ разгорѣлся, что готовъ рѣзать кого попало!

— Кто, я? — поди ты, безчувственный! Ему говори, открывай душу; а онъ: полно, любезный!... Пьфу!.. уйти отъ зла и сотворить благо!

И съ этими словами Сиярскій спустился, придерживаясь за перилы, съ лѣсенки галлереи, выбрелъ въ калитку на улицу, и по

шелъ твердымъ шагомъ, махая руками и разсуждая самъ съ собой, съ сердцемъ, какъ обиженный.

Въ тихомъ ароматномъ воздухѣ не было ни малѣйшаго колебанія, ни малѣйшаго вѣтерка, который обдулъ бы горячую голову мичмана. Онъ вышелъ на площадку какъ разъ къ церкви. Яркій свѣтъ хлынулъ на него потокомъ изъ открытыхъ дверей храма.

— Что это? — спросилъ онъ самъ себя какъ будто съ испугомъ, остановясь и взглянувъ на толпу простаго народа, стоявшаго около паперти.—Что такое?—повторилъ онъ.

— Да вотъ ждутъ жениха, да вишь онъ. .

— Жениха ждутъ?—проговорилъ Снярскій, глаза его загорѣлись:—гдѣ? какъ?... ждутъ? Ахъ онъ!...

И съ этими словами онъ бросился въ открытыя двери.

— И подлинно такъ! по сю пору нѣтъ, — продолжала старуха,—чай не проспался еще; а невѣста ждетъ ни жива, ни мертва....

— Да чья невѣста-то?

— Невѣста-то? Матросская дочка, да за матроса же и выдаютъ. А какой, говорятъ, пьяница?

— Э!

— Отставной вишь, домъ свой есть; да что домъ: по бревну пропьетъ....

— Э!

— Ей-Богу! а дѣвочка-то хоть куда; молода еще правда; чай годковъ пятнадцать.

— Поди вотъ!

— Право! Да что жъ это тамъ ужъ поютъ, слышь? Стало быть пришелъ....

— Въ самомъ дѣлѣ, ужъ вѣнчаютъ!

— Ой! что жъ это мы проглядѣли!....

Стоявшіе на паперти бросились въ церковь; а толпа, окружавшая налой, стояла въ изумленіи, уставивъ глаза на вѣнчаніе *офицера* съ молоденькой, хорошенькой собой, дѣвушкой, но бѣдной и перепуганной.

III.

— Кто тамъ стучитъ такъ? Э! вѣрно баринъ съ компаніей! — проговорилъ деньщикъ Снярскаго, Антипъ, протирая глаза, — ужъ чай тово.... Куда какъ всякій день ухитряется, вотъ съ той поры, какъ слегъ въ горячку въ Таганрогѣ....

— Антипъ!... ну!...

— Вотъ онъ....

— Что жъ ты свѣчей? а?

— Сейчасъ, сударь!... Ишь ты привелъ.... съ собой!....

— Ну! скорѣй!... Не бойся, душа моя!... садись.... Огня! Антипъ!

Антипъ зажегъ въ своей коморкѣ свѣчу.

— Вы-то что тутъ?—сказалъ онъ, увидѣвъ толпу мѣщанъ и бабъ. — Васъ за чѣмъ принесло?

— Провожатые.... Господинъ офицеръ приказалъ.

— Ну-ну-ну! проваливай.

— Огня! — крикнулъ Снярскій изъ своей комнаты.

— Сейчасъ! да ну, вонъ, вонъ! вѣдь знаешь баринъ шутить не будетъ....

И Антипъ вытурилъ всю толпу въ двери, заперъ ихъ.... вошелъ въ комнату, не смотря ни на барина, ни на молоденькую женщину, которая стояла трепещущая посреди комнаты.

— Не наше дѣло!—пробормоталъ онъ, выходя вонъ.

Въ это время послышался снова стукъ въ калитку.

— Вотъ чортъ кого-то несетъ очень кстати! — пробормоталъ Антипъ, снявъ было свою куртку. — Ишь стучатъ!...

И онъ вышелъ въ сѣни.

— Кто тамъ?

— Антипъ, баринъ дома?

— А! ишь, это лейтенантъ, кажись? — проговорилъ про себя Антипъ.

— Антипъ!

— Кто тамъ?

— Это я, отопри! Баринъ пришелъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Неужели? гдѣ жъ это онъ?

— Богъ его знаетъ.

— Отопри, я его подожду.

— Да нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, ихъ дома....

— Да отопри же; говорятъ тебѣ, что я его подожду!

— Ахъ ты, Господи, что мнѣ дѣлать! ну какъ тутъ я буду отпирать! — проговорилъ

Антипъ самъ себѣ.—Левъ Николаевичъ, сударь, признательно сказать, баринъ ужъ изволилъ лечь спать и свѣчку потушилъ....

— Для чего жъ ты мнѣ вралъ, что его нѣтъ дома?

— Да такъ, извините, сударь, съ просонковъ ...

— Кто тутъ?—раздался новый голосъ подлѣ калитки,—а! это ты. Дома Снярскій?

— Онъ ужъ спитъ.

— Ну мало ли чего нѣтъ! Спитъ! уродъ! ушелъ изъ честной компаніи. Мы всѣ отправляемся къ капитану — и его туда же надо тащить.

— Оставьте его.

— Вотъ тебѣ разъ! измѣнника! За ноги потащимъ! Эй, отпирай!

— Да, какъ бы не такъ! — проговорилъ Антипъ

— Отпирай! выломаю двери!

И кто-то началъ бить ногой въ калитку,— задвижка отлетѣла.

— Позвольте, Ваше Высокоблагородіе! — вскричалъ Антипъ, ставъ у дверей въ комнатѣ.

— Для чего это позволить?

— Баринъ почиваетъ!

— Встанетъ, какъ мы его разбудимъ.

— Нельзя-съ!

— Отъ чего нельзя?

— Нельзя-съ.

— Ну, убирайся.

— Ваше Высокоблагородіе! нельзя! у нихъ гости!

— Ха, ха, ха!

— Хорошъ влюбленный! — проговорилъ лейтенантъ,—пойдемте господа.

— Ну, Богъ съ нимъ, что жъ его безпокоить!

И вся толпа офицеровъ пошла.

Антипъ залегъ спать.

Ранымъ-рано онъ поднялся по обычаю, принялся за свое дѣло, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Вдругъ постучались въ двери крыльца.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.

— Да мы, къ господину офицеру.

— А кто вы?

— Да матросъ Өедоръ Игнатовъ съ женой.

— Вотъ что! Спитъ.

— Мы подождемъ.

— Жди на улицѣ.

— Ты доложи барину, что мы пришли. Дочка-то наша.

— Что-о?

— Да дочка наша чай, съ которой онъ повѣнчался.

— Э? видишь! Ахъ вы казусные! безстыжіе! а еще отецъ и мать!

— За что ты, батюшка, ругаешься?—проговорила женщина:—вольно было барину твоему повѣнчаться съ нашей дочкой.

— Ну, убирайтесь!

— Извини, сударь, не уберемся! Дочь-то намъ родная.

— А кто васъ просилъ выдать! — сказалъ Антипъ, отворивъ двери, — просили что ль! Да мнѣ что—плевать на вашу дочку!

— Не смѣешь, сударь? она теперь офицерша!

— Что-о?

— Да то же! Я вотъ барину скажу, что ты такъ смѣешь порочить....

— Что-о!

— Мы твоего офицера не просили жениться; у Кати свой женихъ былъ.... а ужъ обвѣнчался, такъ не сниметъ съ нея офицерскаго званія.

— Ахъ ты дура, баба! безумная! поди-ко-сь! много было бы офицершъ!..

— Да ты не ругайся, братъ,—сказалъ старый матросъ,—я тебѣ говорю; а скажи барину, что отецъ и мать пришли съ поздравленіемъ, что такую честь сдѣлалъ нашей дочери: его добрая воля была жениться на ней.

— Ужъ разумѣется, что добрая! Да чортъ васъ дери, убирайтесь, здѣсь никакой дочери вашей нѣтъ! баринъ почиваетъ...

— Что жъ, пойдемъ, коли почиваютъ еще; что съ нимъ съ дуракомъ говорить-то.

— Я вамъ такого дурака дамъ, что въ ушахъ зазвенитъ!

— Ну, ты, озарникъ; постой, ужъ я тебя доѣду!—проговорила женщина, удаляясь.

Только что Антипъ хотѣлъ притворить двери, вдругъ раздался голосъ:

— Эй! любезные, гдѣ тутъ живетъ мичманъ Снярскій?

— Господи! да это коммиссаръ, Петръ Егоровичь!—проговорилъ Антипъ, забывшись и отворяя двери.—Батюшка, Петръ Егоровичь, здравія желаю!

— Ахъ, Антипъ! — крикнулъ радостно довольно пожилой мужчина въ военномъ сертукѣ,— здравствуй, любезный! Насилу отыскалъ васъ! Баринъ здоровъ? дома?

— Дома, сударь; да.... почивать еще изволятъ,—сказалъ Антипъ, спохватившись.

— Что это онъ такъ заспался, бывало чѣмъ свѣтъ на ногахъ?

— Да такъ, сударь....

— Послушай же, какъ встанетъ, сейчасъ скажи ему, что я здѣсь, остановился въ заѣздномъ домѣ, вотъ на самомъ поворотѣ улицы.

— Скажу, скажу, сударь! Какъ они обрадуются-то.

— Да постой, вотъ, отдай ему гостинецъ, скажи, что отъ ученицы....

— Отъ Анны Петровны? слушаю, слушаю, сударь! чай какъ выросла-то?

— Ужъ невѣста; вотъ и письмецо; а мы узнали, что баринъ твой возвратился изъ походу, да поджидали къ себѣ.

— Скажу, скажу, сударь, все скажу; ужъ какъ баринъ обрадуется; да вѣдь они чай были у васъ, какъ заѣзжали мы въ Таганрогъ.

— Когда?

— Да вотъ чай ужъ двѣ недѣли.

— Не можетъ быть!

— Какъ же, сударь; баринъ къ вамъ и побѣжалъ; да я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось: его привезли на фрегатъ больнаго въ горячкѣ.

— Скажи пожалуйста!

— Ей-Богу! три дни пролежалъ безъ памяти; и въ бреду-то все васъ поминалъ, да Анну Петровну.

— Ахъ онъ добрый! Ну, а теперь-то здоровъ?

— Слава Богу.

— Я пойду, разбужу его.

— Нѣтъ, ужъ не извольте безпокоиться; они только что заснули; вчера, знаете, была пирушка.

— А, ну нечего дѣлать! Такъ скажи же....

— Какъ же, сударь.

Антипъ притворилъ двери.

IV.

Только что Антипъ вошелъ въ переднюю, Снярскій вышелъ изъ своей комнаты въ халатѣ.

— Антипъ, — сказалъ онъ, — давай умываться!... Чортъ знаетъ, я проспалъ!... Ты запри двери, никого не впускай!...

— Да кого жъ я впущу? Вотъ былъ сейчасъ только, знаете ли кто, сударь?

— Кто?

— А вотъ извольте-ко.... письмо, да и посылочка....

— Что это? — проговорилъ съ изумленіемъ Снярскій, пробѣжавъ письмо: — Господи! Кто это доставилъ?

— Да самъ Петръ Егоровичь.

— Что ты говоришь! Гдѣ онъ?

— Остановились въ заѣздномъ домѣ на углу.

— Ахъ Боже мой! — проговорилъ Снярскій, пробѣгая еще разъ письмо, — да это сонъ!... Антипъ!...

— Что прикажете?

— Фу ты пропасть! да это сонъ!

— Какой же сонъ, сударь; Петръ Егоровичь самъ мнѣ въ руки отдалъ.

— Одѣваться! скорѣй! скорѣй, скорѣй!

И Антипъ торопливо подалъ барину платье.

— Послушай, Антипъ....

— Чего изволите?

—Тамъ, братецъ.... Такъ смотри, я уйду, ты спровадь, да осторожнѣе: чтобъ кто не замѣтилъ ...

— Слушаю-съ.... Тутъ ужъ приходили...:

— Ну, такъ смотри же.... Чортъ знаетъ, ничего не помню.... голова страшно болитъ!...

И съ этими словами Снярскій бросился вонъ, и бѣгомъ на заѣздный дворъ.

— Максимъ Андреевичь!

— Петръ Егоровичь!

— Помилуйте! что это съ вами сдѣлалось: я слышалъ, вы были у насъ въ Таганрогѣ, да заболѣли.

— Петръ Егоровичь, вы не знаете, что со мной случилось, я было умеръ, сошелъ было съ ума! Мнѣ сказали, что Анна Петровна вышла замужъ....

— Помилуйте! кто это вамъ сказалъ! я выдалъ замужъ племянницу Наташу; а Анюта.... Помилуйте! вѣдь я не злодѣй — отецъ! она ждетъ не дождется васъ, извелась съ тоски.... Я ужъ вамъ откровенно говорю, между нами ужъ церемоній не можетъ быть.

Снярскій снова бросился въ объятія Гиренева.

— Да помилуйте, я только что узналъ, что вы пріѣхали, тотчасъ же сюда, хоть взглянуть на васъ; къ счастью, отправлялась шкуна, я и махнулъ. Когда жъ къ намъ?

— Да хоть сей часъ, Петръ Егоровичь.

— Э! вотъ славно, такъ вы на ней же и обратно. Только успѣете ли вы, — она сейчасъ идетъ.

— Успѣю! — крикнулъ Снярскій; — пошлите ко мнѣ, чтобъ Антипъ уложилъ что нужно, въ чемоданъ и принесъ сюда; а я между тѣмъ бѣгу къ капитану, выпрошу отпускъ на двѣ недѣли.

— И прекрасно.

Чрезъ часъ Снярскій возвратился запыхавшись, и засталъ своего Антипа съ чемоданомъ.

— Меня-то, сударь, возьмете?

— Нѣтъ; ну, а что?...

— Да что, насилу выжилъ: на всю улицу заревѣла; а тутъ вдругъ пришли отецъ и мать; кричатъ: мы будемъ жаловаться: жениться да выгонять жену, говорятъ....

— Что-о? — проговорилъ Снярскій, поблѣднѣвъ, потирая лобъ и какъ будто припоминая что-то.

— Богъ ихъ знаетъ, что говорятъ; такъ разъярились, что и Господи, особенно проклятая баба: какъ ты, говоритъ, смѣешь холопъ, выгонять господскую жену изъ дому.... Знаешь ли ты, говоритъ, что она теперь офицерша! — Ахъ ты поганая тварь! говорю я....

— Что-о? — повторилъ Снярскій, устремивъ взоръ какъ будто въ пучину подъ ногами.

— А! вы ужъ возвратились, Максимъ Андреевичь, — сказалъ Гиреневъ, выходя изъ комнаты, — ну, все готово. Поѣдемте-ка, поѣдемте, почтеннѣйшій! Анюта-то и не воображаетъ, что я везу такой гостинецъ ея сердчишку. Несите-ка чемоданы; а мы позавтракаемъ.

Снярскій молча, едва держась на ногахъ, вошелъ въ комнату. Стоячій взоръ его не видѣлъ окружающихъ предметовъ. Почти наткнувшись на кожаный диванъ, онъ сѣлъ на него.

— Что это вы такіе пасмурные? — спросилъ Гиреневъ, взглянувъ на него.

— Что-то голова закружилась.

— Э, батенька, это отъ того, что вы, заторопившись, вѣрно бѣжали; легко ли, поворотили въ четверть часа! Выпейте-ка вотъ ромку, такъ все это пройдетъ.... выпейте, выпейте поскорѣй!

Снярскій взялъ рюмку и выпилъ.

— Ну, что?... закусите-ка.... да оно же вѣдь, Антицъ мнѣ сказывалъ, что у васъ была пирушка вчера; такъ оно вещь естественная: на пріятельскомъ праздникѣ нельзя остерегаться. Чай со свѣтомъ воротились, не успѣли соснуть хорошенько?

Снярскій взялся за голову.

— Ничего, пройдетъ сейчасъ, — продолжалъ Гиреневъ, выпивъ и закусывая. — Эхъ вы, молодежь! а еще морякъ! да я и теперь по-

стою за себя при случаѣ.... Ей-Богу! бывало ни чѣмъ не отшибешь памяти!

— Поѣдемте скорѣй! — вскричалъ Снярскій, вскочивъ съ мѣста,

— Ѣдемъ, ѣдемъ! на морѣ скорѣй пройдетъ, освѣжитъ вѣтромъ.

Честь имѣю рекомендоваться. По силѣ обстоятельствъ, съ которыми, извѣстно, никто сладить не можетъ, хоть будь семи пядей во лбу, по порядку вещей, который въ нашей журнальной области, какъ и въ прочихъ, также долженъ бы называться часто, гораздо вѣрнѣе, безпорядкомъ вещей, пришлось мнѣ, антикварію, оканчивать повѣсть, которой начало до сихъ поръ имѣли вы удовольствіе прочесть, почтенные читатели, пришлось мнѣ отъ разсужденій о боярствѣ, вѣчахъ и дружинѣ въ предъ-Татарскомъ періодѣ, изъ Володимира, съ Углича Поля, отъ несчастной для Русскихъ рѣки Сити, перенестися вдругъ на коврикѣ-самолетѣ къ берегамъ Чернаго моря, — и тамъ, гдѣ передъ глазами моими ходятъ тѣни Печенѣговъ, Половцевъ, Ясовъ, Косоговъ, подъ своими войлочными вѣжами, гдѣ высоко поднимаются, хоть и покрытыя мглою, бойницы Тмутораканскія, ни-

какъ не сбитыя хлопотами Г. Спасскаго,—описывать происшествія изъ миѳологическаго вѣка Екатерины, Потемкина, Суворова и Орлова. Вы удивляетесь?—Благоволите выслушать сперва быль въ объясненіе этой повѣсти.

Въ прошломъ году, въ селѣ Порѣчьѣ, гдѣ гостилъ я вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими учеными и литераторами,—въ гостяхъ у благосклоннаго къ музамъ хозяина, Графа С. С. Уварова, послѣ утреннихъ бесѣдъ и лекцій объ Исторіи, Русской и Европейской, объ искусствѣ, и филологіи, о критикѣ, о церкви, одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, самый веселый, М. А. Окуловъ, (который для какого-нибудь Дюма, Бальзака или Сю могъ бы замѣнить рудникъ Калифорнійскій,—по своему неистощимому запасу анекдотовъ, комедій, трагедій, романовъ и повѣстей), разсказалъ намъ любопытное *истинное происшествіе*, случившееся въ 80 годахъ, въ какой-то Черноморской гавани. Это происшествіе мнѣ очень понравилось, и запало въ памяти по одной чертѣ, принадлежащей къ отличіямъ Русскаго человѣка отъ прочихъ его Европейскихъ братій.

Въ нынѣшнемъ году Редакція Москвитянина, которая всѣми силами старается угождать публикѣ, и при содѣйствіи всѣхъ почти нашихъ знаменитостей, поддержать чисто Русскій литтератур-

ный и ученый журналъ, на Русскихъ началахъ, въ Русскомъ духѣ, съ Русскими принадлежностями, составить средоточіе текущей Русской словесности, сколько по нашимъ силамъ, средствамъ и обстоятельствамъ можно, Редакція, говорю, вздумала подарить читателямъ альманахъ.

Для альманаха всего нужнѣе повѣсть. Карамзинъ въ осьмисотыхъ годахъ говорилъ, въ статьѣ о нашей книжной торговлѣ, радуясь распространенію грамотности и любви къ словесности: хорошо, что наша публика и романы читаетъ. Рѣчь шла о несчастномъ Никанорѣ, чувствительномъ романѣ. Пушкинъ, въ двадцатыхъ годахъ, при изданіи Московскаго Вѣстника, въ которомъ принималъ онъ искреннее и живое участіе, писалъ мнѣ, чтобъ больше всего старался я о повѣстяхъ. Прошло пятьдесятъ лѣтъ съ первыхъ словъ Карамзина, — публика наша все еще сидитъ за *повѣстями* — понравились! Никакія Исторіи, никакія Біографіи, никакія разсужденія, не привлекаютъ ея вниманія. И только на дняхъ Аббатъ Сугерій (который по Бланшардову Плутарху звучитъ мнѣ все Аббе Сюжеромъ) возстаетъ изъ мрака феодальнаго, на мрачномъ горизонтѣ нашей ученой литературы, и призываетъ публику къ произведеніямъ изъ міра Исторіи, изъ міра жизни прошед-

шей и настоящей. Въ самомъ дѣлѣ — долго ли женамъ сидѣть за докучными сказками! А въ ожиданіи —

Къ чему напрасно спорить съ вѣкомъ?
Обычай — деспотъ межъ людей.

И Редакція озаботилась пріисканіемъ средствъ къ снабженію задуманнаго альманаха приличными повѣстями. На общемъ совѣтѣ я передалъ слышанное содержаніе, (канву для повѣсти, какъ говорятъ нынче, — полотно для шоссе, — слово, котораго я терпѣть не могу, скажу мимоходомъ, наровнѣ съ «развитіемъ» и «убѣжденіями» и проч.). Не угодно ли кому написать, спросилъ я присутствовавшихъ. Куда! Московскіе литераторы, отличаются, извѣстно, своею самостоятельностію. (Самостоятельностію — это слово очень хорошо! Точно — они *стоятъ* сами о себѣ, но отнюдь не *шествуютъ*, и напоминаютъ мнѣ живо рѣку Вологду, которую жители называютъ быстростоячею Вологдою. На инаго взглянешь лѣтъ черезъ 10, черезъ 20, — стоитъ себѣ голубчикъ какъ вкопанный, а за то, какъ вѣрно, какъ умно, какъ рѣзко, судитъ онъ *проходящихъ*! Глубокій умъ! Высокіе взгляды! Мыслящій человѣкъ! А какой горизонтъ обширный! У — какой обширный горизонтъ!) Вотъ, напримѣръ, прибавлю здѣсь еще объ изслѣдовате-

ляхъ! Исторія — наука старая, пріемы всѣ извѣстны, испытаны! Проложите дорогу, по извѣстнымъ правиламъ, на какомъ-нибудь полѣ, Кіевскомъ, Черниговскомъ или Новогородскомъ, докажите какъ дважды два четыре, что эта дорога самая краткая, самая удобная, самая надежная, — нѣтъ! мы пойдемъ колесить, каждый по своему, кто направо, кто налѣво, черезъ рвы и овраги, по кочкамъ и тундрамъ, лишь бы не по тому пути, что указанъ другимъ!... Нужды нѣтъ, что долго не придемъ къ цѣли, что истощимъ силы понапрасну, что заблудимся и попадемъ въ яму,—за то мы самостоятельные изслѣдователи!

Да Богъ съ вами, съ вашими намеками и съ вашими изслѣдованіями: они надоѣли намъ и въ прежнемъ Москвитянинѣ,—ворчатъ читатели. Разскажите намъ, что сдѣлалось съ Снярскимъ, съ его женою, съ его невѣстою, и намъ больше ничего не надо.

Подождите, господа, вы узнаете все досконально; а между тѣмъ для вашего успокоенія думайте пока, что вы читаете статью Г. Хомякова, (только безъ его мыслей, слышится въ ближнемъ приходѣ. Точно такъ—но я вѣдь первый отдаю справедливость этимъ прекраснымъ мыслямъ), и такъ думайте, что вы читаете статью Г. Хомякова, который всегда, отправляясь въ Филадельфію, побы-

ваетъ въ Калькуттѣ, объѣдетъ всѣ факторіи на Коромандельскомъ берегу, и наконецъ уже, найдя, что въ Японіи всѣхъ лучше понимается Гегелева философія и сохраняются древнѣйшіе обороты Славянскаго языка, пустится въ обратный путь, исправитъ еще по дорогѣ ошибку Араго въ аннюерѣ, издаваемомъ отъ Bureau des Longitudes о времени эквиноксіальныхъ вѣтровъ, и потомъ, привезя васъ въ Европу, поставитъ преблагополучно между Чехи и Ляхи, по толкованію Г. Сенковскаго, на ночлегъ до новой статьи.

И такъ Московскіе литераторы отказались тратить свои благородныя силы на сочиненіе о чужомъ предметѣ, полученномъ извнѣ, а не извнутри.

Такъ вотъ что сдѣлаемъ, господа,—предложилъ я,—сочинимъ повѣсть въ нѣсколько рукъ. Вы, хорошо знакомые съ Чернымъ моремъ, приготовите намъ вступленіе, опишите сцену дѣйствія; Г. Вельтманъ разскажетъ офицерскую попойку—помните, какъ описалъ онъ круговую чашу съ пуншемъ въ «Двухъ Маіорахъ,» одной изъ лучшихъ своихъ повѣстей (*), гдѣ онъ не далеко отлетаетъ отъ дѣйствительности, — и наконецъ сыграетъ свадьбу взбалмошнаго офицера съ дочерью матроса; это почти эпизодъ изъ Чудодѣя....

(*) Москвитянинъ 1848 г.

Начались какъ обыкновенно возраженія: скажутъ, что это подражаніе Французскимъ сочиненіямъ компаніями. Какое намъ дѣло, что будутъ говорить,— отвѣчали другіе. Лишь бы написалось живо, пріятно и занимательно, лишь бы читатели не зѣвали. Чего больше для альманаха? Отъ разговоровъ нигдѣ и никогда не оберешься. Чѣмъ лучше будетъ какое изданіе, тѣмъ больше будутъ находить въ немъ дурнаго и самостоятельные литераторы и литераторы-скороходы, то есть прогрессисты. О журналистахъ и говорить нечего. Ихъ брань доказываетъ всего яснѣе успѣхъ, который задѣваетъ за живое.

Потолковали, поспорили, и наконецъ рѣшились, въ крайнихъ обстоятельствахъ, исполнить эту мысль.

Крайнія обстоятельства, извѣстно, не замедляютъ никогда случиться, и вотъ, авторъ Лидіи, Маркизы Луиджи и Алкивіада, изобразилъ сцену дѣйствія, Севастополь; авторъ Чудодѣя описалъ свадьбу офицера съ дочерью матроса, — а мнѣ далъ продолжать....

Какъ я прочелъ его главу, у меня волосы стали дыбомъ. Столько навелъ онъ новыхъ лицъ, столько выдумалъ небывалыхъ происшествій, навязалъ такое множество затѣйливыхъ узловъ.... Помилуйте, сказалъ я ему,—что мнѣ дѣлать съ Гиреневой, невѣстой Спярскаго, которой никогда не бывало? что

мнѣ дѣлать съ Гиреневымъ, о которомъ я не слыхалъ ни слова, куда дѣвать мнѣ незванаго тестя и сварливую тещу?

— Куда! мало ли куда дѣвать ихъ можно, — отвѣчалъ авторъ Чудодѣя.

— Можно вамъ, а не мнѣ. Что я слышалъ, то разскажу какъ-нибудь, если уже никакъ нельзя избавиться мнѣ отъ этой литературной экскурсіи, а чего не слыхалъ.... Размѣщайте этихъ героевъ сами.

— Радъ бы, но ей-Богу мнѣ некогда. Я долженъ оканчивать Чудодѣя для читателей Москвитянина, сказалъ — и шаркнулъ за Уралъ.

Отъ Г. Вельтмана я обратился къ Г. Загоскину, отъ котораго Редакція надѣялась получить описаніе сельской жизни для этой повѣсти. Не могу, получилъ я отвѣтъ: мнѣ надо непремѣнно начинать съ начала, надо сродниться съ дѣйствующими лицами, чтобъ написать о нихъ что-нибудь порядочное. А если описывать ихъ въ данный моментъ — выйдетъ вялый эпизодъ въ вашей повѣсти, плохая заплата на нарядномъ платьѣ,—отвѣчалъ заслуженный романистъ, съ скромностію писателей стараго поколѣнія.

Отказались и прочіе: одинъ оканчиваетъ романъ, другой начинаетъ трагедію, третій задумываетъ комедію; у кого разсужденіе, у кого изысканіе — словомъ сказать, такая литературная дѣятельность

въ Москвѣ, что любо! Дай Богъ всѣмъ кончить вамъ по добру по здорову, думалъ я, а между тѣмъ я остался одинъ, какъ ракъ на мели: повѣсть объявлена, новый годъ на дворѣ, типографія требуетъ оригинала для альманаховъ Москвитянина. Я принимаю въ изданіи мало дѣятельнаго участія, что доказывается быстрымъ его успѣхомъ; но все-таки я издатель отвѣтственный, и долженъ, во что бы то ни стало, кончить обѣщанную повѣсть, и рѣшать судьбу дочери матроса. Итакъ прощайте на два вечера лѣтописи и граматы, рукописи и книги: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. На чемъ остановился Г. Вельтманъ?...

— Ѣдемъ, ѣдемъ,—кричалъ Снярскій, спускаясь къ гавани почти бѣгомъ, такъ что старый коммиссаръ едва могъ за нимъ слѣдовать.

Въ гавани въ тотъ день замѣчалась особая дѣятельность: нѣсколько кораблей, Русскихъ и иностранныхъ, готовилось къ отплытію, кто въ Константинополь, кто въ Средиземное море, кто за проливъ Гибралтарскій. Разноцвѣтные флаги развѣвались въ воздухѣ, на палубахъ толпился народъ, матросы бѣгали взадъ

и впередъ. То и дѣло слышались выстрѣлы, звонки, сигналы для отъѣзда. Красивая Таганрогская шкуна мелькала между большими кораблями.

На полугорѣ нагоняетъ Снярскаго, запыхавшись, матросъ, красный какъ ракъ, хватаетъ его за полу и кричитъ во все горло: — Ваше благородіе! вы отбили у меня невѣсту. Пожалуйте хоть что-нибудь на водку.

Снярскій двинулъ его въ грудь, такъ что тотъ покатился внизъ кубаремъ.

— Ваше благородіе, ваше благородіе!—послышались еще два голоса,—поздравляемъ васъ, поздравляемъ! Уймите вашего деньщика. Милости просимъ къ намъ чаю кушать, честь-честью!—Старикъ и старуха подошли къ нему, кланяясь.

— Чортъ васъ возьми!—закричалъ Снярскій, и толкнулъ стариковъ по сторонамъ, такъ что они отлетѣли, одинъ направо, другой налѣво.

— Максимъ Андреевичъ! Максимъ Андреевичъ! Куда вы ѣдете?—восклицаетъ молодая женщина, нагнавъ Снярскаго, вся блѣдная, растрепанная. Возьмите и меня съ собою!—и повисла ему на шею.

Снярскій освободился отъ нея и бросился со всѣхъ ногъ, оставивъ вдалекѣ за собою удивленнаго Гиренева, но на берегу наткнулся онъ на Антипа, который шелъ къ нему на встрѣчу съ какимъ-то толстымъ господиномъ.

— Здравствуйте, мой почтеннѣйшій, прошу любить и жаловать. Я отъ вашего батюшки. Кланяются и зовутъ васъ какъ можно скорѣе домой. На силу васъ отыскалъ. Дѣло слажено. Вотъ и письмо невѣсты, о которой они писали къ вамъ....

Снярскій остановился, и слушалъ его уже, какъ деревянный. Всѣ эти встрѣчи, одна за другою, вскружили ему голову. Между тѣмъ всѣ прежнія лица догнали и окружили его со всѣхъ сторонъ,—и пьяный матросъ, и молодая жена, и старикъ со старухою, которые привели священника и множество свидѣтелей. Всѣ они кричали и говорили во всѣ голоса. Гиреневъ, Антипъ и толстякъ, не понимая ничего, слушали съ открытыми ртами.

Вдругъ раздался звонокъ на Англійскомъ кораблѣ. Отнимаютъ послѣднюю доску съ палубы на набережное крыльцо. Корма поворачивается. ..

Какая-то свѣтлая мысль блеснула въ головѣ у Снярскаго. Онъ повелъ вкругъ себя мутными глазами, рванулся отъ всѣхъ осаждающихъ, и бросился стремглавъ на крыльцо, а оттуда отчаяннымъ прыжкомъ на корабль, въ ту самую минуту, когда онъ, поворотившись, былъ отъ него въ самомъ близкомъ разстояніи. Молодецъ! раздалось на берегу. Вѣтеръ попутный дунулъ, и корабль на всѣхъ парусахъ вылетѣлъ изъ гавани въ открытое море.

— Ахъ!—воскликнула молодая вдова, и упала въ обморокъ.

— Лови его, лови его, карaулъ!—бѣсновалась ея мать.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!—проворчалъ отецъ.

— Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки!—кричалъ матросъ.

— Эге,—сказалъ сквозь зубы Гиреневъ.— Видно Аннушкѣ искать другаго жениха.

— Да и Наташа, кажись, опоздала,—проворчалъ толстякъ.

— А мнѣ-то куда дѣваться! — заплакалъ Антипъ.

VI.

Въ благословенной Малороссіи, на берегу живописной Сулы, жили два старосвѣтскихъ помѣщика, мужъ и жена. Старикъ ходилъ еще съ Минихомъ подъ Турку, и потомъ бралъ Берлинъ во время Семилѣтней войны. Возвратившись изъ походовъ, онъ женился и расположился доживать вѣкъ въ приданомъ помѣстьѣ. Жизнь ихъ текла покойно, мирно и счастливо, въ сельскихъ занятіяхъ, богомольѣ, чтеніи, дружескихъ бесѣдахъ съ сосѣдями. Бракъ ихъ былъ благословленъ единственнымъ сыномъ. Они не надохли на него въ дѣтствѣ, въ юношествѣ дали лучшее воспитаніе, которое въ Малороссіи того времени несравненно было лучше и выше Великорусскаго, благодаря Кіевской Академіи, и наконецъ, когда онъ достигнулъ совершеннаго возраста, снарядили на службу. Живой, пылкій, но добрый, умный, сынъ ихъ составлялъ ихъ радость, утѣшеніе и гордость. Для него они жили, для него трудились, объ немъ были ихъ рѣчи, къ нему относились всѣ желанія. Прошло три-четыре года,

и между тѣмъ какъ онъ служилъ прекрасно и счастливо въ молодомъ Черноморскомъ флотѣ, и ежемѣсячно утѣшалъ ихъ своими письмами (читатели догадываются, что я знакомлю съ родителями Снярскаго), старики начали думать о прiисканiи ему невѣсты, — и нашли прекрасную дѣвушку, дочь ихъ сосѣда, довольно близкаго, красавицу, съ состоянiемъ и добрѣйшимъ сердцемъ, какъ они имѣли случай развѣдать обстоятельно. Устроить Максимушку при себѣ — это сдѣлалось любимою ихъ мыслiю, средоточiемъ ихъ дѣятельности. Между родными положено было наконецъ на словѣ, и Снярскiе поручили своему прiятелю, ѣхавшему на Черное море для принятiя на себя подрядовъ, отыскать ихъ сына, и звать непремѣнно домой. Читатели знаютъ, какое извѣстiе долженъ былъ привезть имъ добрый ихъ прiятель. Старики ахнули. Громъ разразился надъ ихъ головами. Чѣмъ неожиданнѣе было извѣстiе, тѣмъ больше ихъ поразило — они просто потерялись, и долго ходили ни живые, ни мертвые, ничего не видали, не слыхали, не понимали. Скажутъ имъ: пора обѣдать—они садились за столъ. Примутъ свѣчки — они ло-

жились спать. Все падало у нихъ изъ рукъ. Изрѣдка только перемолвятся они словомъ, и крупныя слезы польются изъ ихъ глазъ.

Напрасно сосѣди и пріятели, любившіе ихъ искренно, старались развлечь ихъ, ободрить, подать надежду. Старики молчали, улыбались только, и ясно было видно, что утѣшеніе не проникало до глубины ихъ сердца.

Другой утѣшитель, время, оказало свою силу, и отчаянная горесть смѣнилась наконецъ тихою грустію. По прежнему они были пасмурны и молчаливы, но чаще стали ходить въ церковь, и внимательнѣе слушать чтеніе духовныхъ книгъ, кои приносилъ имъ священникъ. Однажды, въ Воскресенье, — прошло уже три года послѣ роковаго происшествія,—выходили они изъ церкви по окончаніи обѣдни; молодая женщина, прекрасная собою, одѣтая очень бѣдно, но опрятно, падаетъ къ нимъ въ ноги.

— Что тебѣ надо, голубушка?

— Возьмите меня къ себѣ въ услуженіе.

— У насъ много своихъ людей, милая.

— Возьмите Христа-ради, сдѣлайте милость,— продолжала она, обливаясь слезами.

— Право не нужно намъ, милая. Поищи себѣ мѣста въ городѣ

— Жила я въ городѣ. Не по сердцу мнѣ жизнь тамошняя. И такъ уже я вытерпѣла много. Мнѣ хочется уйдти отъ грѣха. Я наслышалась о вашихъ добродѣтеляхъ. Здѣсь я буду молиться Богу, на просторѣ, молиться и за васъ, мои родимые. Возьмите меня. Жалованья не надо мнѣ никакого; изъ хлѣба одного я буду служить вамъ вѣрою и правдою.

Она просила такъ горько, въ глазахъ ея была такая сила убѣдительности, вся наружность столько располагала въ ея пользу, — что старики разжалобились, велѣли ей идти на кухню и тамъ дожидаться.

Воротясь въ свои покои, за чаемъ, они заговорили о женщинѣ. Добрая старушка сказала: мѣста у насъ много, хлѣбъ есть, — что же не призрѣть бѣднаго человѣка?

— Пожалуй, — отвѣчалъ старикъ. — Куда же опредѣлить ее?

— Да пусть помогаетъ Афимьѣ, на погребу.

— Позовите женщину,—сказала барыня.

Она пришла.

— Какъ тебя зовутъ, любезная.

— Катерина.

— Ну, Катерина, оставайся у насъ, коли тебѣ такъ хочется. Ты будешь жить въ людской подлѣ кухни, съ Афимьею, и помогать ей при выдачахъ.

Катерина поклонилась имъ въ ноги и принялась за свою должность. Цѣлый годъ жила она въ людской, и помогала старой Афимьѣ. Какъ ни ворчлива была эта старуха, но Катерина умѣла ее совершенно укротить. Исполняя всякое слово ея безъ косаго взгляда, не доводя до нея никакой тягости, предупреждая ея малѣйшія желанія, она овладѣла совершенно старухою, которая полюбила ее какъ дочь. Но не одна Афимья такъ къ ней привязалась. Вся дворня, которая сначала поглядывала изъ-подлобья на Катерину и задѣвала ее при всякомъ случаѣ, видя ея услужливость, безотвѣтность, полюбила ее отъ всего сердца. Она была готова на всякую службу: у однихъ качала дѣтей, за другимъ ходила во время болѣзни, какъ родная, той помогала выпрясть господскую тальку, или дожать урочную десятину, этой сходить выполоскать бѣлье на рѣкѣ, или

укачать ребенка, однимъ словомъ: никому ни въ чемъ она не отказывала, и всякому готова была услужить, не прося себѣ ничего никогда; никто не видалъ отъ нея косаго взгляда, никто не слыхалъ грубаго слова.

Дворня не нарадовалась на Катерину, но о себѣ она хранила совершенное молчаніе. Ни самъ старый дворецкій, любопытнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, не могъ дойдти до того, откуда она родомъ, замужняя она, или вдовая, и есть ли у нея родные. «Издалека,» вотъ былъ ея отвѣтъ, да еще слышалось отъ нея, что она приняла много горя на своемъ вѣку. Изъ села никуда она не отлучалась, и только по большимъ праздникамъ ходила въ ближній городъ, откуда возвращалась всегда веселѣе, какъ было замѣтно.

Господа, наслышась объ ея добрыхъ качествахъ, полюбили ее также и взяли черезъ годъ, къ себѣ на верхъ—смотрѣть за комнатами, когда прислуживавшую имъ дѣвушку должно было отпустить имъ на волю, замужъ.

Однажды, зимою, Катерина пришла къ нимъ въ спальню топить лежанку. Пока она раздувала огонь и клала лучину, старики

разговорились между собою о пропавшемъ своемъ сынѣ. Долговременное отсутствіе смягчило ихъ сердца, прежняя горячая любовь возвратилась. «Гдѣ-то онъ, что съ нимъ дѣлается?» сказалъ, вздохнувъ, отецъ. «Голубчикъ мой!» подхватила мать, радуясь случаю отвести душу, и поговорить о немъ; если гдѣ приклонить ему голову? И куска-то, чай, иногда въ горло пропустить не достанется! Натерпится и голоду и холоду на чужой сторонѣ»—«А кто виноватъ! Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить,» продолжалъ старикъ. Катерина между тѣмъ все хлопотала около печки. «Кто безъ грѣха, батюшка Андрей Григорьичь. Молодость!» начала оправдывать старуха.—«Конечно, молодость,» отвѣчалъ онъ. «Кто молодъ не бывалъ, ну да вѣдь на все есть мѣра. Надѣть хомутъ на всю жизнь, это не шутка!»—«И на комъ онъ женился, начали разсуждать старики: вѣрно на какой-нибудь потаскушкѣ, безпутной дѣвкѣ, съ площади. Мы не гонимся за богатствомъ, за знатностью: по насъ будь только добрый человѣкъ. Мы не сказали бы ни слова. Ну вотъ, еслибъ онъ женился хоть на такой, какъ наша Катерина....»

—Родные мои,—это я, на мнѣ онъ женился, воскликнула Катерина, и повалилась имъ въ ноги, обливаясь слезами.

— Что ты, что ты, какъ такъ? . .

— Такъ. Отецъ съ матерью сговорили меня за старика-матроса. Больно не хотѣлось мнѣ идти за постылаго. Дожидаемся мы въ церкви. Вдругъ приходитъ Максимъ Андреевичь, посмотрѣлъ на меня—«вѣнчай меня отче,» сказалъ онъ священнику. «Хотите выдать дочь за офицера?» спросилъ онъ матушку и батюшку; тѣ обрадовались и согласились. Я ничего не помнила.... На другой день, пока я еще спала, онъ ушелъ.... меня стали выгонять.... Я услышала, что онъ ѣдетъ въ Таганрогъ, побѣжала къ гавани.... Много собралось народу.... и батюшка съ матушкою.... Онъ былъ очень встревоженъ, отскочилъ отъ насъ всѣхъ.... на какой-то корабль.... и съ тѣхъ поръ я его не видала.

Бѣдная Катерина едва могла досказать свою горестную рѣчь, прерывая ее безпрестанно слезами, всхлипываньями, и опять упала въ ноги передъ изумленными стариками.

— Правду ли говоришь ты?—промолвилъ наконецъ Андрей Григорьевичь.

— Вотъ свидѣтельство о моемъ вѣнчаніи,— сказала Катерина вынимая бумагу изъ-за пазухи, — вотъ свидѣтельство и о рожденіи моего сына, а вашего внучка....

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ?—закричала старуха, почти безъ памяти, и принялась бѣгать по комнатѣ, сама не зная, что дѣлается съ нею:—гдѣ онъ, гдѣ онъ?—кричала она безпрестанно.

— Въ городѣ, у дьякона на воспитаніи.— Да вѣдь какъ онъ выросъ, какіе у него глазки голубые, что за кудри, весь въ васъ, Надежда Семеновна, матушка, — и Катерина бросилась цѣловать ея руки.

— Подайте, подайте его, — кричала Надежда Семеновна, обнимая свою невѣстку: — дорогая ты моя, Богъ тебя прислалъ къ намъ! Платье, платокъ!

— Постой, матушка, погоди, успокойся, — сказалъ старикъ, все еще какъ будто о чемъ то сомнѣвавшійся:—успѣешь.

— Какъ, успѣешь! А если что съ нимъ сдѣлается!—Какъ зовутъ его?

— Андреемъ.

— Андрюшенька. Поѣдемъ за Андрюшенькой! Возокъ, запрягайте возокъ. Старуха и бѣгала, и выбрасывала платье изъ сундуковъ, и примѣривала къ Катеринѣ, и одѣвалась сама, и молилась Богу.—Андрюшиньку, поскорѣе ко мнѣ Андрюшиньку!... А какіе у него волосики?

— Черные, черные, какъ у Андрея Григорьевича.

— Гдѣ ты жила мой другъ, послѣ твоей нечаянной свадьбы? — спросилъ старикъ, нѣсколько успокоясь, и разочтя время между свидѣтельствами о вѣнчаніи и рожденіи.

— Я определилась къ священнику въ батрачки; онъ видѣлъ, какъ оставилъ меня мужъ и принялъ къ себѣ въ домъ. У него жила я три года, выучилась грамотѣ, провѣдала о вашемъ мѣстѣ жительства, и помолясь Богу, пустилась васъ отыскивать.

— Съ чѣмъ же ты пошла къ намъ?

— Съ Христовымъ именемъ, отвѣчала Катерина,—и дошла до вашего города, ни въ чемъ не нуждавшись, всегда сыта, вездѣ угощена. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ съ попутчиками. Батюшка

пожаловалъ мнѣ на дорогу десять рублей за три года моей службы у него. Всѣ деньги отдала я дьякону вмѣстѣ съ моимъ Андрюшинькой.

Всѣ сомнѣнія разрѣшены: Двухлѣтняя безпорочная жизнь Катерины, на ихъ глазахъ, служила самымъ лучшимъ подтвержденіемъ ея словамъ.

Андрюша привезенъ: славный мальчикъ, лѣтъ уже шести, бѣлый, румяный, живой—онъ сдѣлался сокровищемъ, утѣшеньемъ, радостью всего семейства. Старики какъ будто помолодѣли, поумнѣли....

И здѣсь могъ бы я кончить свою повѣсть, скрывъ для моднаго эффекта истинное ея окончаніе, или могъ бы, подражая Г-ну N., сказать, что старики скоро умерли, что Катерина, получивъ въ свои руки имѣніе, перемѣнилась, и потомъ пустилась даже во все тяжкое, предъ возвращеніемъ ея мужа, и заключить какой-нибудь злою ироніей о слабости человѣческой натуры.

Я могъ бы также, подражая другимъ господамъ N., отозваться неизвѣстностію, и оставить читателей въ недоумѣніи, представивъ имъ

на выборъ нѣсколько разныхъ окончаній, и развернувъ предъ ними очень остроумно картину человѣческихъ случайностей, доказать свою опытность и познаніе человѣческаго сердца.

Но я принадлежу къ старой школѣ; для меня непремѣнно нужно наказать порокъ и вознаградить добродѣтель, надъ чѣмъ такъ остро и мило смѣются наши новые эстетики. Я очень радъ, что происшествіе кончилось классически, и доскажу все безъ утайки.

Старики отъ радости поумнѣли, сказалъ я, и это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Катерина, которой Богъ далъ много здраваго смысла, помогала имъ своими совѣтами, своими догадками. Они принялись хлопотать о исходатайствованіи прощенія виновному своему сыну. Съ старикомъ служилъ, въ первыхъ еще чинахъ, какой-то Графъ, бывшій тогда предсѣдателемъ Военной Коллегіи. Онъ обратился съ покорною просьбою къ старому сослуживцу, объясня, сколько могъ, несчастный случай, заставившій его сына искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. Прощеніе даровано,—и послано отъ нихъ во всѣ иностранныя газеты, преимущественно въ Англію, гдѣ считали они своего сына служащимъ во флотѣ.

А что сдѣлалось съ нимъ по отплытіи изъ Севастополя? Онъ попалъ на Англійскій корабль, съ капитаномъ котораго былъ знакомъ прежде, упросилъ его, разсказавъ свое положеніе, содѣйствовать къ вступленію въ службу Англійскую, принялъ участіе въ войнѣ съ Америкой, искалъ себѣ часто смерти, но не нашелъ ея; между тѣмъ, проживъ лѣтъ шесть, и бывши нѣсколько разъ съ глазу на глазъ со смертію, и подъ пушечными выстрѣлами, и въ грозныхъ буряхъ, образумился, остепенился, и раскаялся. Подумалъ-подумалъ Русскій человѣкъ, и рѣшился. Жить на чужбинѣ, проливать свою кровь не за свою родину, стало ему не въ могуту. Взявъ отставку и свидѣтельство о своей отличной службѣ, отправился онъ въ Россію. «Упаду къ ногамъ Царицы,» думалъ онъ, «скажу: позволь мнѣ только разъ увидѣть отца съ матерью, — а тамъ хоть въ рудники, лишь бы умереть на Святой Руси.»

Пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, толкнулся въ Адмиралтейство, справиться, какъ было рѣшено дѣло. А ему читаютъ Всемилостивѣйше дарованное прощеніе. Въ церковь, на колѣни — и взмолился онъ Богу за Царицу, за себя,

за отца съ матерію, за всѣхъ, за жену, которую рѣшился взять къ себѣ, въ какомъ бы положеніи ни нашелъ ее.

Радость была велика, но еще большая его ожидала....

Не ѣхалъ, а летѣлъ онъ домой на послѣднія деньги. Приблизясь къ отческому дому, какъ блудный сынъ, онъ оставилъ свою повозку, всѣ свои пожитки, и пѣшкомъ, въ бородѣ, подъ рубищемъ, явился.

Сердце сердцу вѣсть подало. Старики узнали своего сына. Въ родительской душѣ не остается ни зла, ни досады, ни огорченія, при видѣ и одной слезы, при одномъ словѣ дѣтища, какъ бы ни велика его вина... Объятія.... поцѣлуи.... «А вотъ твоя жена. Вотъ твой сынъ....»

— Какъ что!... Священника! молебенъ!

И радостное семейство, колѣнопреклоненное, возблагодарило Бога.

— Что сдѣлалось съ Гиреневой, невѣстой Снярскаго? — спросилъ я Г. Вельтмана, вошедшаго ко мнѣ въ ту минуту, какъ я оканчивалъ разсказъ.

— Съ Гиреневой, — сказалъ онъ, подумавъ минуту:—э, да она вышла замужъ.

— Что вы?

— Именно такъ. И нечего было дѣлать болѣе. Дѣвушка осьмнадцати лѣтъ! Она погрустила двѣ недѣли; а тамъ присватался капитанъ, — молодецъ собою и побогаче Снярскаго, — по рукамъ и подъ вѣнецъ. Я видѣлъ уже ея сына въ Бессарабіи, и далъ ему рекомендательное письмо въ Петербургъ, для опредѣленія въ Инженерное училище.

— Помилуйте! Если Гиренева вышла замужъ въ 80-хъ годахъ, то какъ же вы могли увидѣть ея сына въ 1830-хъ?

— Ну, такъ внука, не все ли равно! Я знаю только, что Гиреневу я далъ письмо, а тамъ будь онъ хоть правнукъ—тѣмъ лучше.

— А матросъ-женихъ?

— Разумѣется, спился.

— Отецъ и мать Катерины?

— Отца и мать Катерины Снярскій выписалъ

къ себѣ въ деревню, и выстроилъ имъ особую избушку, гдѣ они оканчивали свои дни очень покойно и счастливо.

— Такъ вѣрно вы знаете и Антипову судьбу?

— Антипъ выслужилъ свои годы, вышелъ въ чистую, и ему выстроили Снярскіе также избушку, только на другой сторонѣ, потому что онъ никакъ не могъ встрѣтиться со старою матросшею, чтобы не поворчать себѣ чего-то сквозь зубы, а на матроса такъ однажды и замахнулся было кулакомъ!

Я кончилъ, почтенные читатели! Вы меня извините, если я, попавъ по неволѣ въ разсказчики, чрезъ двадцать лѣтъ молчанія, не умѣлъ лучше, въ короткое мнѣ данное время, свести всѣхъ концовъ, и примите снисходительно, по Русской пословицѣ, подарокъ Москвитянина

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Декабря 29.
1849.

